

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3'96

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Митрополит Филарет (Вахромеев К. В.)</i> . Библейское слово о строе жизни . . .	5
<i>Оржешовский И. В.</i> Церковь и государство в современной Беларуси	10
<i>Кошелев В. С.</i> Мир ислама и христианство: исторический диалог-противостояние	15
<i>Фядосік В. А.</i> Хрысціянства ў Рымскай імперыі II ст. паводле эпістальнай спадчыны Ігнація Антыяхійскага	20
<i>Загорульский Э. М.</i> Проблема этнической атрибуции памятников второй половины I тысячелетия н. э. на территории Беларуси	24
<i>Лойка П. А.</i> Гістарыяграфія аграрнай гісторыі Беларусі XV — першай паловы XIX ст.	30
<i>Бригадин П. И., Кохановский А. Г.</i> Социальная структура белорусского общества на рубеже XIX—XX вв.	34

ФІЛАСОФІЯ

<i>Стёпин В. С.</i> Будущее цивилизации: поиск новых ценностей и стратегий деятельности	38
<i>Зеленков А. И.</i> Философия и наука: метаморфозы диалога	45
<i>Новиков В. Т., Яскевич Я. С.</i> Социально-гуманитарное знание: специфика, исследовательские программы и тенденции развития	50

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Решетников С. В., Ровдо В. В.</i> Децентрализация и локальная демократия: Республика Беларусь в европейском контексте	56
--	----

ЭКАНОМІКА

<i>Давыденко Л. Н.</i> Социальные основы переходной экономики	65
<i>Клюня В. Л., Новикова И. В.</i> Современные тенденции мировой социально-экономической динамики и становление экономики рыночного типа в Республике Беларусь	69

ПРАВА

<i>Тисина В. Г.</i> Принципы формирования правового государства в Беларуси: теория и практика	75
<i>Абрамовіч А. М.</i> Канстытуцыйная рэформа: праблемы і перспектывы	81
<i>Юхо Я. А.</i> Канстытудыя Рэчы Паспалітай 3-га мая 1791 г. і Беларусь	85

РЭЦЭНЗІІ

<i>Касмылёў В. С. В. Н. Рябцевич.</i> Нумизматика Беларуси	90
<i>Харин Ю. А.</i> Экологическая мысль восточных славян. Антология	91

CONTENTS

HISTORY

<i>Philaret (Vakhromey K. B.)</i> Biblical Word about the Way of Life	5
<i>Orzhehovsky I. V.</i> Church and Stobe in contemporary Belarus	10
<i>Koshelev V. S.</i> Islam and Christianity in History: Dialogue-Confrontation	15
<i>Fedosik V. A.</i> Christianity in the Roman Empire in the 2nd Century in the Epistolary Heredity of Ignatius of Antioch	20
<i>Zagorulsky E. M.</i> The Problem of Ethnic Attribution of Archeological Monuments of the Second Half of the 1st Millenium A. D. in Belarus	24
<i>Loiko P. O.</i> The Historiography of the Agrarian History of Belarus of the XIXth Centuries. .	30
<i>Brigadin P. I., Kahanovsky A. G.</i> The Social Structure of the Belarusian people on the boundary XIX—XX centuries	34

PHYLOSOPHY

<i>Stepin V. S.</i> Future of civilization: search of new values and strategies of activity	38
<i>Zelenkov A. I.</i> Philosophy and Science: metamorphoses of dialogue	45
<i>Novikov V. T., Yaskevitch Y. S.</i> The Social and Humanitarian Knowledge: specificity, study programmes and development trends	50

POLITOLGY, SOCIOLOGY

<i>Reshetnikov S. V., Rovdo V. V.</i> Decentralization and Local Democracy: Republic of Belarus in European context	56
---	----

ECONOMICS

<i>Davydenko L. N.</i> The Social Founding in the Transitional Economy	65
<i>Klunia V. L., Novikova I. V.</i> The Modern Tendencies of the World Socio-Economic Dynamics and Formation of the Economy of the Market Type in the Republic of Belarus . . .	69

LAW

<i>Tikhinya V. G.</i> Principles of Forming Legal State in Belarus: Theory and Practice	75
<i>Abramovich A. M.</i> Constitutional Reform: Problems and Prospects	81
<i>Yukho J. A.</i> The Constitution of Rzeczpospolita Adopted on the 3d of May 1791 in Belarus .	85

REVIEWS

<i>Kosmylev V. S. V. N. Ryabtsevich.</i> Numismatic of Belarus	90
<i>Charin Y. A.</i> East Slavs' Ecological Thought: Antology	91

Працягваецца падпіска на газеты і часопісы на першае паўгоддзе 1997 года. Падпісная цана часопіса «Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта», бадай, самая нізкая сярод рэспубліканскіх выданняў.

Серыя 1 (Інд. 74851) — фізіка, матэматыка, механіка (№ 1 — студзень, № 2 — май) — 32000 рублёў;

Серыя 2 (Інд. 74852) — хімія, біялогія, геаграфія (№ 1 — люты, № 2 — чэрвень) — 32000 рублёў;

Серыя 3 (Інд. 74853) — гісторыя, філасофія, сацыялогія, эканоміка, права (№ 1 — сакавік) — 16000 рублёў;

Серыя 4 (Інд. 74854) — філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія (№ 1 — красавік) — 16000 рублёў.

Падпіска на часопіс прымаецца ва ўсіх аддзяленнях паштовай сувязі Рэспублікі Беларусь.

У рознічны продаж «Веснік» не паступае.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед Вами юбилейный номер журнала, который выходит в свет накануне 75-летия Белгосуниверситета. Свой юбилей Белорусский государственный университет встречает как международно признанный классический университет, соединяющий в себе характеристики образовательного, научного и культурного центра. Коллектив БГУ имеет все основания гордиться традициями и достижениями университета, в том числе и в сфере социально-гуманитарного образования и науки. Поддержать и сохранить эти традиции в современных условиях развития университета — задача непростая, но сущностно необходимая, ибо жизнь все более очевидно подтверждает обоснованность международных стандартов, согласно которым атрибутом классического университета является наличие в его структуре развитой системы гуманитарного образования и научных исследований в сфере философии, истории, социологии, экономики, политологии и других отраслей социально-гуманитарного знания.

Сегодня в университете обучается более 14000 студентов, среди них свыше 50 % — студенты шести гуманитарных факультетов. В сфере социально-гуманитарного образования занято более 90 профессоров, что составляет около 50 % от их общего количества в Белгосуниверситете.

Тенденции таковы, что за последние годы именно социально-гуманитарное образование является наиболее динамичным компонентом в структуре университета. Это позволяет интенсивно осваивать подготовку специалистов по новым перспективным направлениям науки и культуры.

В области научных исследований по важнейшим направлениям социально-гуманитарного знания Белгосуниверситет также имеет значительные результаты, позволяющие оценивать его как крупнейший научный центр не только нашей республики, но и стран СНГ. В БГУ развиваются и успешно функционируют научные школы в области философии и методологии науки, социальной экологии, истории, правоведения, экономики, социологии, политологии и других наук. Предлагаемый читателю юбилейный номер журнала в какой-то мере позволяет составить представление о современном состоянии и тенденциях развития социально-гуманитарных исследований в Белгосуниверситете. На его страницах выступают ведущие ученые БГУ, известные исследователи и лидеры научных школ университета. Характерной особенностью этого номера журнала является и то, что в нем представлены публикации крупнейших ученых и известных деятелей в сфере социально-гуманитарной мысли, которые связаны с Белгосуниверситетом, сотрудничали с его учеными, студентами и аспирантами в прошлом и продолжают активно взаимодействовать с ними сегодня. Среди них: Почетный доктор Белгосуниверситета и ряда других европейских университетов, митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет; директор Института философии Российской Академии наук, академик РАН, профессор Стёпин В. С.; профессора Тихиня В. Г. и Абрамович А. М., являющиеся известными юристами нашей республики.

Редколлегия надеется, что знакомство с материалами данного номера журнала позволит читателю составить достаточно адекватное представление о современном состоянии социально-гуманитарных исследований в Белгосуниверситете и тех традициях, на которых они базируются и которые стремятся развивать.

Профессор А. И. Зеленков

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ (К. В. ВАХРОМЕЕВ)

БИБЛЕЙСКОЕ СЛОВО О СТРОЕ ЖИЗНИ

Based on the texts of Holy Writ, consideration is being given to the mankind's attitude to the Lord and His commandments for many centuries of human history. Violation of God's commandments is the cause for all misfortunes and calamities of the humanity.

Владыка Филарет (в миру Кирилл Варфоломеевич Вахромеев), Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси, священноархимандрит Свято-Успенской Жировичской обители, Постоянный Член Священного Синода Русской Православной Церкви, доктор богословия, декан богословского факультета Европейского гуманитарного университета, почетный доктор наук ряда европейских университетов и БГУ. Автор многочисленных трудов по богословию.

В книгах, исследующих политическую и экономическую историю человечества, едва ли возможно найти повествование о временах всеобщего политико-экономического единомыслия. В этих исследованиях нет упоминания хотя бы об одном дне, когда какой-либо народ был искренне и полностью единодушен в достижении намеченной цели. С позиций политико-идеологических, а тем более — экономических, общество всегда было и будет разделено на довольных и недовольных, лояльных и желающих жить вопреки...

Только в Священном Писании — в Библии — содержатся свидетельства о примерах подлинного, нелицемерного, воистину всенародного единства.

«Воскликнул народ весь вместе громким и сильным голосом, и обрушилась вся стена города до своего основания» (Ис. Нав. 6:19) — так пал незаконный и внешне неприступный город Иерихон. Но сразу же после явления этого чуда согрешил один единственный человек из всего народа Божия, который насчитывал сотни тысяч воинов, и за этой победой последовало жестокое поражение в бою, который представлялся весьма легким... *«И сердце народа растаяло и стало, как вода»* (Ис. Нав. 7:5).

Священная история обнаруживает абсолютную зависимость благополучия народа от степени его верности закону — в данном случае и в общем контексте наших размышлений — закону Божию: *«Исполняйте постановления Мои, и храните законы Мои, и исполняйте их, и будете жить спокойно на земле. И будет земля давать плод свой, и будете есть досыта, и будете жить спокойно на ней»* (Лев. 25:18—19).

Человеческая история в социально-политическом плане представляет собой смену цивилизаций, создававшихся в разных частях света многими народами и государствами. Как в древности, так и в новейшие времена демо-

кратии сменялись империями, монархии — республиками, республики — тираниями безо всякой ссылки на способ хозяйствования: рабовладельческий он или капиталистический, социалистический или феодальный. По существу, способ хозяйствования — это лишь метод добывания средств к существованию. А соблазном и искушением является личная собственность, которую либо хочется приобрести, либо жаль потерять.

Перемены моделей государственного устройства в абсолютном большинстве случаев происходят революционным путем, т. е. вспышкой взаимного насилия одной части общества над другой. Когда и где бы это ни происходило, революция и неотделимая от нее гражданская война являются величайшими бедствиями человечества, ибо связаны с гибелью огромного числа людей от рук их соотечественников, братьев. Сколько бы мы ни припоминали подобных исторических примеров, ко всем им, безусловно, относятся слова Ангела Господня, которые он произнес в ветхозаветные времена в откровении священнику Ездre: *«Погибают многие в этой жизни, потому что не радят о предложенном им законе Божиим. Они не послушались, и воспротивились Ему, утвердили в себе помышление суетное. Улелись греховными обольщениями, сказали о Всевышнем, что Его нет, не познали путей Его, презрели закон Его, отвергли обетования Его, не имели веры к обрядовым установлениям Его, не совершали дел Его. И потому... пустым пустое, а полным полное»* (3 Езд. 7:20—25).

Церковь Божия во все времена своего бытия хранит закон, данный человеку Богом, и напоминает людям, что причина всех бедствий — грех, т. е. активное противление Богу путем нарушения Его заповедей, а в последние времена и вовсе отрицание бытия Божия и, следовательно, всего, что Он заповедал.

А заповедал Господь не ту или иную форму государственного устройства или способ хозяйствования; заповедал Он единственный истинный путь, идя по которому человек сохраняет свою бессмертную душу и благоустраивает свою жизнь единственно правильным образом: *«Соблюдайте все уставы Мои и все законы Мои, и исполняйте их, — и не свергнет вас земля»* (Лев. 20:22).

Вглядываясь в события нынешнего столетия, мы видим череду так называемых «общественно-экономических формаций», или способов хозяйствования, облеченных в определенные формы государственного устройства, которые приходят на смену друг другу с такой быстротой, что говорить об их «исторически обусловленной эволюции» бессмысленно.

Однако, анализируя состояние обществ, потрясенных революциями, можно обнаружить закономерности, свойственные им всем без исключения. И это невзирая на то, что, к примеру, и Россия, и Германия в начале века имели монархическое устройство, в 30-х и 40-х годах эти два государства именовали себя социалистическим и национал-социалистическим, а к концу столетия обе страны идут по пути капиталистической демократии. И вовсе не различие в частной или общественной собственности на средства производства стало причиной жесточайших войн между этими великими государствами Европы.

О мере отступления от Бога народ, как и человек в частности, редко задумывается, пока внешнее благополучие не вызывает тревог и опасений. Но об этом предупредил Господь: *«Когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить в них; и когда будет у тебя... много серебра и золота, и всего у тебя будет много: то смотри, чтобы не надмилось сердце твое, и не забыл ты Господа, Бога твоего»* (Втор. 8:12—13). Среди причин тех бедствий, которые постигли народы Европы в XX столетии, была именно эта, произнесенная и записанная в Священном Писании три с четвертью тысячелетия назад: *надмилось сердце твое, и ты забыл Бога.*

Накануне величайших бедствий XX века просвещенные европейцы страстно увлеклись новомодными идеями и учениями. Науки расцвели

невиданными плодами: от рентгеновских лучей до автоматического оружия и от теории относительности до двигателя внутреннего сгорания. Наряду с этим Европа погружалась в мистический туман теософии и антропософии, оккультизма, неоязычества, совершенно забыв строжайшее постановление Божие: *«Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них»* (Лев. 19:31).

Обольстившись блеском собственного интеллекта и начав прославлять Разум, Европа забыла страшное предупреждение, которое было явлено во Франции в завершение так называемой эпохи Просвещения. Предпочтение человеческого разума Божественной Премудрости, разращение аристократии и забвение ею своих, Богом определенных, обязанностей по отношению к подвластному народу привело к революции и пролитию потоков крови.

И в этом отразилась абсолютная закономерность, определенная смыслом мироздания: *«Если же не будешь слушать голоса Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его... поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца. И ты будешь ощутно ходить в полдень, как слепой... и не будешь иметь успеха в путях твоих, и будут теснить и обижать тебя всякий день, и никто не защитит тебя... и сойдешь с ума от того, что будут видеть глаза твои... и будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов»* (Втор. 28:15, 28, 34, 37).

Революция, в свою очередь, подобно языческому богу, пожрала своих первенцев и переросла в деспотию Наполеона Бонапарта, которая прокатилась войной почти по всему Европейскому континенту и была сокрушена в России. Но Россия, сама оскверненная незадолго до Отечественной войны 1812 г. грехом цареубийства, великой кровью расплачивалась за «вольномыслие» знати и дворцовые интриги, чинимые за спиной Императора Павла Первого.

Далее все было по слову Священного Писания, хранящего определение Творца и Зиждителя всея твари: *«Не оскверняйте земли... ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на нее крови, как кровью пролившего ее. Не должно осквернять землю, на которой вы живете...»* (Числ. 35:33—34).

Казалось бы, что привлекательное можно увидеть в причинах бедствий, которые обрушились на революционную Францию? Но, тем не менее, самым привлекательным оказалось для окружающих народов самое ужасное — первопричина бедствий! — т. е. дерзкое отрицание Бога и нежелание искать корень зла в самих себе и в своем образе жизни; нежелание извлечь и уничтожить его по завершении поисков, потому что поиск сей — это тяжкий труд покаяния.

В результате к концу прошлого века на фоне прогрессирующего в среде образованной интеллигенции атеизма Библии стал предпочитаться «Капитал». По существу, это было время страшного отступления народов от Бога и Его закона, ибо *«любостяжание... есть идолослужение»* (Кол. 3:5), а *«любостяжатель... есть идолослужитель»* (Еф. 5:5).

К сожалению, после умиротворения Североамериканских Штатов Америки и завершения гражданской войны Севера и Юга (которая, как мы помним, велась по поводу вопроса об отмене или сохранении рабовладения* в этом совсем еще молодом, но уже весьма демократическом государстве, избравшем капиталистический путь развития, потому что

* В этой войне президента Авраама Линкольна, боровшегося, как известно, за упразднение рабства, активно поддерживал дипломатическими усилиями и практическими действиями Российский Император Александр II Освободитель, получивший такое определение за освобождение русских крестьян от крепостной зависимости (которая никак не сопоставима с крайней формой расового рабовладения в США) и за избавление болгар и южных славян от турецкого — воистину рабовладельческого! — ига. Впрочем, эта историческая связь Американского президента и Российского Государя не помешала Североамериканской демократии словом и делом противостоять Русской монархии.

иною пути в середине XIX века в Европе еще не придумали), с тех пор и поныне в политике этого и других государств, а значит, и в образе жизни народов маммона стала занимать все больше и больше места.

Но *«не можете служить Богу и маммоне»* (Мф. 6:24), сказал Христос Спаситель и предостерег людей всех грядущих поколений во всех странах и народах: *«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше»* (Мф. 6:19—21).

Мы не случайно обратили внимание на это весьма краткое воспоминание о Старом и Новом свете в период смены XIX и XX столетий: в большой степени это время было знаменательно тем, что народы выбирали пути своего дальнейшего развития и пытались определить будущее — свое и своих потомков. Этот выбор был трагичен, ибо потомки в первой половине XX столетия наследовали липкие сети лживых идеологий и горькие плоды войн. Когда лукавая идеология ставится человеком выше закона Божия, а философские мудрствования и суесловие находят больший отклик в сердце, чем голос Всемогущего и Милосердного Бога, тогда о собрании подобных людей говорит Священное Писание: *«...Они народ, потерявший рассудок, и нет в них смысла»* (Втор. 32:28).

Однако бедствия не проходят даром, и искупление грехов народа кровью невинных мучеников не совершается напрасно. Сегодня оправившаяся после второй мировой войны Европа боится новых бедствий, а народы стараются оградить себя в политическом, социальном и экономическом плане от каких бы то ни было потрясений. Ради этого начат и развивается процесс объединения государств в Европейское сообщество, для разрешения текущих проблем создаются многочисленные международные органы управления, контроля и наблюдения за мировыми процессами.

Созидание, став неоспоримо приоритетной ценностью в глазах европейского жителя, привело к очередному всплеску научно-технического прогресса...

И все же... все же мятется сердце человеческое, по словам блаженного Августина, пока не успокоится в Боге. Безотчетное, на первый взгляд, предчувствие гибели, которое охватывает сегодня людей хоть скольконибудь задумывающихся о смысле жизни, выражают слова уже упомянувшегося нами священника Ездры: *«Разум возрастает вместе с нами, и из-за этого мы мучимся, так как сознательно идем к гибели»* (3 Езд. 7:64).

Вспомним, что же ответил ему Ангел Господень во время этого диалога, состоявшегося в Святой Земле множество столетий тому назад: *«Те, кто живет на земле, терпят здесь мучения, потому что, имея разум, они совершали беззакония и, получая заповеди, не исполняли их, и, будучи последователями закона, отвергали закон, полученный ими. Что имеют они сказать на суде или какой ответ дадут они в ближайшее время? В самом деле, сколько времени Всевышний проявлял долготерпение к тем, кто населяет век, и не ради их самих, а ради исполнения предусмотренного им срока»* (3 Езд. 7:72—74).

Предчувствие неизбежности этого ответа, который предстоит дать в ближайшее время, и тревожит людей и народы, на первый взгляд, весьма благополучные.

Что же касается общества и времени, в котором Господь судил нам жить, то это время великих перемен и великого выбора. Наше Отечество вновь на распутье: одни его граждане выбирают, что лучше — социализм или капитализм с его частной собственностью на землю и средства производства, другие выбирают между Востоком и Западом, третьи — между кока- и пепси-колой... Воистину, *«...они, получив свободу, презрели Всевышнего, пренебрегли закон Его и оставили пути Его, а еще и праведных Его»*

попирали, и говорили в сердце своем: «нет Бога», хотя знали, что они смертны» (3 Езд. 8:56—58).

Мы не случайно начали наши воспоминания с воспоминания о единокорости и единомыслии народа, припомнив историю падения погрязшего во грехах древнего Иерихона. Ведь единомыслие и единокорость могут быть и в делах тьмы, во всеобщем беззаконии. Библия повествует об этом историей уничтожения городов Содомы и Гоморры, где не нашлось ни одного праведника, кроме чужеземца Лота и его семьи. По этой же причине пал Иерусалим под ударами Вавилонской империи. «Искал Я у них человека, — говорит Господь Всемогущий и Долготерпеливый, — который бы поставил стену и стал бы предо Мною в проломе за землю сию, чтобы Я не погубил ее, но не нашел. Итак изолью на них негодование Мое... поведение их обращу им на голову» (Иез. 22:30—31). А перед тем Господь кратко определяет, в чем же состоит мерзость этого беззаконного поведения: «...Съедают души, обирают имущество и драгоценности, и умножают число вдов. Священники... нарушают закон Мой и оскверняют святыни Мои... и Я уничижен у них. Князья... как волки, похищающие добычу, проливают кровь, губят души, чтобы приобрести корысть. А пророки... все замазывают грязью, видят пустое и предсказывают... ложное. А в народе угнетают друг друга, грабят и притесняют бедного и нищего, и пришельца угнетают несправедливо» (Иез. 22:25—29).

К какому времени и к какой общественно—экономической формации относится это обличение? К России времен «военного коммунизма»? Может быть, к России начала 90-х? Или к ней же, но конца 20-х — начала 30-х?

«Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Ин. 8:7), — сказал Спаситель. Потому и обличения эти, услышанные от Бога и записанные пророком Иезекиилем более двух с половиной тысячелетий назад, применимы ко всем странам и народам. Разумеется, в разное время — в большей или меньшей степени, но суть их везде и во все времена остается прежней, потому что корень зла общий всегда и везде: нарушение закона Божия.

Закон же этот прост в формулировках, короток в изложении и совершенен, как совершенен Сам Божественный Законодатель. Прислушаемся к нему, не добавляя ни слова:

«Пришельца не притесняй, и не угнетай его... Ни вдовы, ни сироты не притесняйте» (Исх. 22:21).

«Нищие всегда будут среди земли твоей, потому я и повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор. 15:11).

«Над братьями вашими... друг над другом не господствуйте с жестокостью» (Лев. 25:46).

«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост... чтобы Господь, Бог твой, благословил тебя во всем, что делается руками твоими» (Втор. 23:19—20).

«Не обижай наемника... В тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет ее душа его» (Втор. 24:14—15).

«Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси» (Исх. 22:28).

«Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (Исх. 23:2).

«Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров; ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых. Правды, правды ищи, дабы ты был жив...» (Втор. 16:19).

«Не делайте неправды в суде, в мере, в весе и в измерении. Да будут у вас весы верные, гири верные...» (Лев. 19:35).

Закон, который был дан на горе Синай одному из многочисленных народов земли, Сын Божий Иисус Христос сделал универсальным, распространив его действие на все человечество. На вопрос о том, какая

наибольшая заповедь в законе, Он ответил: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего как самого себя». На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»* (Мф. 22:37—38).

А возлюбивший Бога не сможет не следовать Его закону, который весь направлен на благо человека и его ближнего. Значит, какой строй ни выбирай, о преимуществах или недостатках какой «общественно-экономической формации» ни заводи высокоумных дискуссий или уличных разбирательств, вопрос о благосостоянии народа и благосостоянии государства решается на уровне наличия или отсутствия любви к Богу и человеку у каждого из его граждан.

Сейчас многие примеряют на свою жизнь и на историю нашего Отечества иноземные шаблоны, измеряют бытие чужими мерками и увлекают на пути чуждые... Это безрассудная и бесплодная суета, потому что *«заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека. Она не на небе... и не за морем... но весьма близко к тебе слово сие, оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его»* (Втор. 30:11—14).

И Тот, Кто дал эту заповедь, неизменен, ибо *«Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же»* (Евр. 13:8).

Post Scriptum.

Следующие слова апостола Павла в этом послании таковы: *«Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь»* (Евр. 13:9).

И. В. ОРЖЕХОВСКИЙ

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

The article «Church and State in contemporary Belarus» by Prof. Orzhevsky is devoted to the problem of interaction between the church and the state in our days. It contains some concrete proposals in the field of the law regulations between different confessions, religious organizations and Government.

Оржеховский Игорь Вацлавович, доктор исторических наук, профессор, член-корр. Белорусской академии образования, зав. кафедрой российской и славянской истории с древнейших времен до начала XX века исторического факультета БГУ. Автор более 90 статей и трех монографий, соавтор учебных пособий по всеобщей истории для средней школы.

Государство и церковь столетиями накапливали опыт взаимодействия. В нашей республике сегодня заметно усиление влияния церкви, религиозности, религиозных норм и ценностей на жизнь общества. Это объясняется, во-первых, изменением социальных условий и, во-вторых, принципиально новым подходом к религии как к фактору духовно-нравственного возрождения народа и важнейшей интегрирующей силе.

В настоящее время в основу взаимоотношений белорусского государства и церкви положены Конституция Республики Беларусь (ст. 16), Закон о свободе вероисповеданий и религиозных организациях, а также некоторые другие законодательные акты. Существующим белорусским законодательством установлено позитивное отношение государства к религии, граждане свободно могут определять свое отношение к ней, свободно исповедовать любую религию. Конституцией Республики Беларусь провозглашено равенство всех религий и вероисповеданий перед законом.

Государство установило регистрационный порядок создания религиозных организаций. Они получили статус юридического лица. Религиозным организациям предоставлено право участвовать в общественной жизни, использовать средства массовой информации. Вместе с тем государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций и не вмешивается в их деятельность, если она не входит в противоречие с законом.

Законодательное предоставление определенных прав и возможностей для религиозных организаций одновременно предполагает правовое регулирование их деятельности. Это должно обеспечить определенный баланс церковно-государственных отношений и определить сотрудничество государства и церкви в решении ряда вопросов, в первую очередь социальных.

Будучи отделенной от государства, церковь принципиально не может быть отделена от общества, в котором извечно существуют социальные связи, традиционно окармливаемые церковью. Разрыв этих связей, возобладание секулярного мировоззрения во многом объясняют причину той «великой катастрофы XX века», которая не обошла и Беларусь.

Насильственный разрыв двух живых культур, светской и духовной, акт сам по себе болезненный, не только перекрыл на многие десятилетия доступ наших сограждан к христианским ценностям и отбросил их назад в восприятии и понимании этих ценностей, но главное — создал определенный духовный вакуум, который наиболее остро сказывается теперь, когда вновь, во второй раз за это столетие, изменилась шкала общественных ценностей и идеалов.

Тысячу лет православная церковь духовно и нравственно окормляла народ, и всегда, за исключением недавних десятилетий, была верной и надежной опорой власти. «Народ творит. Государство правит. Церковь учит», — отмечал известный русский философ XX века И. А. Ильин. Православная церковь стремится в своей деятельности находить точки соприкосновения с теми сторонами жизни общества и отдельных граждан, которые ей дозволяет закон. Считая своей задачей восстановление культурной традиции и исторической роли православия, возрождение духовного образования и воспитания народа, сохранение его извечного менталитета миролюбия, нравственного и психического здоровья, Белорусская православная церковь полагает, что в лице государства она найдет понимание, поддержку и помощь.

Мировая практика показывает, что государства, провозгласившие отделение церкви от государства, равенство всех религий и конфессий, тем не менее стремятся сохранить тесные отношения с религиями, традиционно доминирующими на их территории. При этом выбор приоритетов — с кем сотрудничать и в каких формах — устанавливает само государство. Это его право.

Республика Беларусь законодательными установлениями обозначила свои предпочтения в пользу конкретных исторически традиционных для Беларуси конфессий. Так, в ряду государственных праздников нашли свое место православные и католические Рождество и Пасха. В законе имеются нормы о преимущественном праве религиозных организаций на передачу им культовых строений и территорий, к ним прилегающих. Не вызывает сомнений, что законодатель имеет в виду те общепризнанные конфессии, которые испокон веков возводили храмы, строили монастыри, иные культовые сооружения.

Разрешение законодательством Республики Беларусь религиозного образования свидетельствует о том, что законодатель, т. е. государство, с доверием относится именно к традиционным вероучениям, ориентирующим граждан руководствоваться в своих поступках и действиях высокими гуманистическими ценностями.

Однако белорусское государство не столько определило свои конфессиональные приоритеты, сколько лишь косвенно их обозначило. В связи с этим представляется настоятельно необходимым признание на законодательном уровне понятия «традиционная конфессия», которое сможет стать ключевым для определения отношения государства к деятельности различных религиозных организаций в Республике Беларусь. Это тем более необходимо, что к середине 1996 г. зарегистрировано около двух тысяч организаций, принадлежащих более чем к двадцати религиям и конфессиям.

Каждая из них не только стремится привлечь сторонников, единомышленников, единоверцев, но и овладеть сердцами и душами наших сограждан, которым нелегко отделить зерна от плевел, истинную религию от псевдорелигий и сект.

Предопределенный законодательными установлениями религиозный и мировоззренческий нейтралитет предполагает наличие паритетности и толерантности во взаимоотношениях двух сторон — государства и церкви. Это — отношения партнерства особого рода. Параллельное существование государства и церкви может покоиться как на законе, так и на договоре, на основе которых создается определенный координационно-правовой порядок, предполагающий для обоих партнеров (и государства, и церкви) несение своей доли ответственности как друг перед другом, так и перед обществом. Но общегосударственную обязательность государственно-церковный договор может приобрести лишь в результате его формального включения в систему источников права, после чего для соответствующих государственных органов наступает обязательность и повсеместность его применения.

Поэтому принципиально важным представляется то, чтобы отношения между государством и церковью, не получившие законодательного урегулирования, были бы определены и регламентированы соответствующими договорами. Такие государственно-церковные договоры могли бы регулировать отношения с церковью при осуществлении ею своей общественно-значимой деятельности в сфере образования и воспитания населения, духовного просвещения, в финансировании, налогообложении и т. п.

В современных условиях возрождение нравственности приобретает первостепенное значение. Обязанность церкви, в первую очередь православной, заключается в том, чтобы разделить с государством усилия по решению этого вопроса, помочь ему в столь многотрудном деле своей тысячелетней культурой, традициями, авторитетом и интеграционной способностью.

Затянувшийся экономический кризис обострил нравственные и социальные проблемы. В республике сложилась тяжелая демографическая ситуация: смертность вот уже в течение ряда лет превышает рождаемость. По числу разводов Беларусь вышла на 12-е место в мире, а по абортам — на третье место в Европе. Если так будет продолжаться и далее, то к 2105 г. белорусская нация, по прогнозам демографов, может закончить свое существование. Тяжесть положения, в котором оказался белорусский народ, усугубляется и тяжелыми последствиями Чернобыльской катастрофы.

Народ, утративший нравственные ориентиры, в массе своей обреченный на биологическое выживание, оказался в духовном вакууме, заполнить который устремились доморощенные и пришлые сектанты и проповедники, представители разного рода псевдорелигий, а также дельцы от массовой культуры. Потребительский рынок и средства массовой информации заполнены образцами всякого рода псевдоискусства, пропагандирующего культ насилия и пошлости. Все это уже нанесло моральный, а во многих случаях и физический, урон нашему обществу, особенно молодежи.

Положение усугубляется также и тем, что некоторые из сект, камуфлируя свою деятельность под общественные организации, регистрируют свои уставы не в Совете по делам религий, а в Министерстве юстиции или в соответствующих отделах исполкомов.

Православная церковь и другие исторически традиционные конфессии и религии не должны оставаться в стороне от процессов, которые формируют современный облик нашего государства. Усилия всех конфессий должны быть направлены на возрождение нравственности, социальной стабильности и духовной целостности всех сторон общественной жизни. Но многое зависит и от того, готово ли современное белорусское государство увидеть в православной церкви и в некоторых других исторически традиционных конфессиях своих полноправных партнеров на ниве духовного возрождения нации. Православная церковь как была, так и осталась доминирующей церковью Беларуси, где в настоящее время зарегистрировано и действует около тысячи православных организаций.

Одной из серьезнейших проблем, в защиту которых выступает православная церковь, является недопустимость необъективного подхода к историческим ценностям, что особенно четко обозначилось с начала 90-х годов, особенно при создании новых учебных пособий и учебников по гуманитарным дисциплинам для детей и юношества. Вряд ли способствуют созданию и укреплению здоровой нравственной среды определенные перекосы в сторону полонизации истории Беларуси, наметившиеся тенденции русофобии, отрицания многовековых культурных, духовных и хозяйственных связей с Россией. Отдельные авторы, ничтоже сумняшеся, позволяют себе манипулировать общественным сознанием, конъюнктурно перекраивая общеизвестные исторические факты на заказной лад. Серьезную озабоченность вызывает то, что эти учебники предназначены детям, существам, не имеющим социального и нравственного иммунитета, которых ориентируют отнюдь не на исконные чувства дружбы и уважения ко всем братским славянским народам, ко всем соседям по планете, а предлагают избирательный, изоляционистский подход к историческим фактам, персоналиям, нравственным критериям.

Признавая на сегодняшний день отделение церкви от государства позитивным фактором, нельзя признать положительным то искусственное отделение церкви от общества и общественной жизни, которое наблюдается в настоящее время.

Государственный нейтралитет по отношению к церкви на практике может проявляться по-разному. Секулярное государство может считать веру частным делом своих граждан и не препятствовать им исповедовать религию, оставаясь при этом в стороне и никак не способствуя реализации этого права. Так было, например, при советской власти, когда религиозная жизнь сводилась в основном к отправлению культа и церкви рекомендовалось «не выходить из ризницы». Но государственный нейтралитет по отношению к религии может быть и активным. Что это значит? Государство, не нарушая принципа юридического равенства разных религий, помогает верующим реализовывать свое право на религиозную свободу и признает за исторически традиционными церквами право участвовать в общественной жизни в соответствии с формулой: «Церковь отделена от государства, но не отделена от общественной жизни». Подобный принцип отношения к традиционным конфессиям осуществляется в современных Германии, Италии, Франции и др. европейских странах.

Представляется, что ныне оптимальным вариантом существования общества и секулярного государства является открытость государственной власти для религии, признание ее положительного значения и осознание государством ограниченности собственной, политической, сферы.

Существенные подвижки в этом деле есть. Новые редакции законов «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях», «О собствен-

ности», «Об образовании» и др. неоспоримо свидетельствуют об этом. В частности, религиозным организациям возвращено право свободно осуществлять духовную деятельность в церковных и монастырских пределах; государством частично возвращены церкви права собственности на ее здания и сооружения; расширены права на ведение просветительской и благотворительной деятельности. Государство сняло прессинг воинствующего атеизма с одной из самых важных сторон жизни человека — религиозной. Однако современное законодательство, регламентирующее нормы религиозной жизни, которое еще совсем недавно казалось вполне удовлетворительным, уже не соответствует реалиям дня, усилению духовных потребностей. Поэтому необходимо продолжать разработку законодательных норм, которые определяли бы взаимоотношения церкви и государства на новом, более высоком уровне.

При сохранении юридического равенства всех религий и конфессий перед законом, на наш взгляд, следует ввести принцип дифференцированного статуса религий и конфессий в зависимости от их места в культуре белорусского народа. В большинстве стран так называемой зрелой демократии принцип этот сегодня является общепринятым (законодательство Германии, Италии, Франции и др.).

Принципиально важным для существующего законодательства было бы введение таких юридических понятий как религии (конфессии, вероучения) *исторически традиционные, нетрадиционные и деструктивные*, что поможет государству дифференцированно подходить к различным вероучениям и религиозным организациям.

Государство признает традиционными те религии и вероисповедания, которые оказали определяющее влияние на развитие духовности и культуры народов, населяющих территорию Республики Беларусь, формирование ее государственности и которые составили часть ее исторического, духовного и культурного наследия. Такими религиями и конфессиями, по нашему мнению, в Республике Беларусь в настоящее время являются: православие, римо-католичество, иудаизм и мусульманство.

Отмечу, что при безусловном равенстве прав всех традиционных религиозных организаций православие признается религией большинства белорусского народа, оказавшей определяющее влияние на формирование его духовных, культурных и государственных традиций. Все остальные религии и конфессии также могут иметь градации в плане своего общественного статуса. Например, лютеране и кальвинисты, не вошедшие в число традиционных, должны иметь потенциальную возможность, в случае существенного увеличения числа сторонников, претендовать на пересмотр их общественного статуса. Общины и секты, которые существуют на территории Беларуси сравнительно недавно (например, баптисты, пятидесятники и др.), должны пользоваться всеми правами официально зарегистрированных религиозных организаций, но без статуса исторически традиционных конфессий.

Вероисповедания, обладающие признаками религии, но не являющиеся традиционными и не признанные в установленном законодателем порядке деструктивными, являются нетрадиционными.

Статус не нарушает норм равенства всех религий и конфессий перед законом, что практически воплощается в свободе исповедовать любую религию индивидуально и в рамках, разрешенных законом, отправлять религиозные обряды в стенах храмов и церковных учреждений, практиковать вероисповедание и обучать ему.

Деструктивными являются такие общественные и религиозные организации и сообщества, деятельность которых признана наносящей вред нравственности, психическому здоровью народа или безопасности государства. В частности, деструктивным вероучением признается религиозная концепция, которая проповедует человеконенавистничество, призывает к разжиганию межэтнической и межнациональной вражды, призы-

вает верующих к неисполнению гражданского долга, общественных и государственных функций, семейных обязанностей, содержит проповедь самоубийства, пропагандирует насилие, вседозволенность, оскорбление общественной морали. Деструктивные вероучения и деятельность деструктивных религиозных организаций запрещаются законом.

Государственные органы, министерства, ведомства и учреждения, как правило, вступают в договорные, партнерские отношения в области образования и просвещения, в научной, медицинской, социальной сферах только с теми религиями и конфессиями, которые имеют статус традиционных или исторически традиционных. Подобная мера в какой-то степени восстанавливает справедливость по отношению к тем религиям, которые исторически были в Республике Беларусь носителями культурного и духовного потенциала народа. С другой стороны, подобная мера будет препятствовать деструктивным сектам и вероучениям проникать в учебные заведения, средства массовой информации, учреждения культуры и др.

Для заполнения информационного вакуума в религии следует включить в систему светского образования структуру факультативного и дополнительного образования, непосредственно связанного с религиозным и религиозно-просветительским образованием.

Структура эта будет курироваться в кадровом и методологическом аспектах традиционными религиями и конфессиями, с которыми государство заключит договоры о взаимном сотрудничестве.

Реорганизация законодательной базы для регламентации религиозной и духовной сферы жизни общества позволит государству взвешеннее регулировать свое отношение к разным вероучениям и конфессиям. Кроме того, государство могло бы возложить на исторически традиционные в Республике Беларусь религии и конфессии значительную часть забот по развитию системы социальной защиты малообеспеченных слоев населения.

В. С. КОШЕЛЕВ

МИР ИСЛАМА И ХРИСТИАНСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ-ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Some aspects of interaction between Islam and Christianity throughout the History until to the present day are being considered. Special attention is paid to the problem of Dialogue. The author maintains that the fate of the world depends heavily on the way relations between the Islamic world and Western civilization develop. The concept has become widespread that differences between civilizations which have survived until our times, and are genetically based on religion, are playing an ever greater role and they must be considered in politics.

Кошелев Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории БГУ, лауреат премии имени В. И. Пичеты, академик Международной академии наук высшей школы и Белорусской академии образования.

Автор более 50 научных публикаций, в том числе 8 монографий, по новой и новейшей истории арабских стран и учебных пособий по всемирной истории для средней школы.

Современное мировое сообщество переживает кризис, обусловленный неразрешенностью многих проблем. Определенное место среди них занимает так называемый «исламский вызов». Еще несколько десятилетий назад европейцы, за исключением ученых-востоковедов, почти не интересовались исламом, который не оказывал существенного влияния на миропорядок. Однако обозначившийся с конца 70-х годов всплеск мусульманского радикализма и выход на поли-

тически арену исламского фундаментализма значительно изменили международную обстановку. Ведущие державы мира в своей политике все больше стали учитывать «исламский фактор». Рост исламских настроений и политизацию ислама европейцы восприняли для себя как опасность. В средствах массовой информации и даже серьезных научных изданиях заговорили о «нарастании исламской угрозы», развернулись дискуссии о предстоящей схватке свободного мира с исламским фундаментализмом. Неподдельный интерес к мусульманской тематике сопровождался борьбой мнений вокруг вопроса об отношении к исламу. Вновь ожили казалось бы давно забытые средневековые стереотипы восприятия христиан и мусульман друг другом. Вместе с тем как веяние времени стал налаживаться диалог с мусульманским миром в целях смягчения исторического противостояния христианства и ислама.

Так на исходе XX столетия актуализировалась «вечная» проблема взаимопонимания христиан и мусульман. Осмыслить исторически сложившиеся формы исламско-христианского противостояния в рамках более широкой темы межкультурного диалога — одна из наиболее актуальных задач востоковедческой науки на современном этапе.

В широком историческом смысле (как процесс сосуществования, противостояния и взаимодействия) мусульманско-христианский диалог восходит ко времени возникновения ислама в VII в. На протяжении четырнадцати столетий две религиозные общины были связаны не только теологически, но и совместной жизнью в пределах единого историко-географического пространства. Их взаимодействие характеризовалось то периодами острой напряженности, вражды и открытых войн, то проявлением толерантности, временами мирного сосуществования и сотрудничества во имя достижения общих целей.

Элементы межконфессионального диалога изначально характерны для ислама. Как известно, он сформировался под влиянием иудео-христианской традиции. Основопологающим фактором связи между тремя религиями являлся аврааматический монотеизм. Однако восприняв его, мусульмане радикально противопоставили себя христианам, которые мучительно долго пытались определить исторический смысл мусульманства и его роль в реализации божественного плана истории.

Амбивалентный характер ислама достаточно ярко проявился в духовной и практической деятельности пророка Мухаммеда. Основатель новой мировой религии неоднократно встречался с иудеями и христианами, почерпнул от них знания об аврааматических религиях. Именно дядя его первой жены, христианин по вероисповеданию, идентифицировал медитационный опыт Мухаммеда в пещере Хи́ра как божественное откровение. Известно также, что Мухаммед дискутировал с христианской делегацией из Наджрана на тему реинкарнации. Несмотря на резкий тон полемики, члены делегации были приглашены на молитву в мечеть пророка.

Столь выразительная амбивалентность по отношению к христианству получила институциональное воплощение в Коране и хадисах, имеющих для мусульман безусловный авторитет. В этих священнейших источниках ислама изложены представления об аврааматических религиях и нормы отношения к ним со стороны мусульман. Коран сообщает о том, что «самые близкие по любви к правоверным», т. е. мусульманам, те, которые называют себя христианами (5:85)^{*}; в то же время предупреждает мусульман: «Не берите иудеев и христиан друзьями: они — друзья один другому» (5:56). Мусульмане были уверены, что они лучше знают христианство, чем сами христиане. В коранической интерпретации последние рассматривались как люди, впавшие в заблуждение или изначально искажившие учение посланника божия Исы (араб. форма имени Иисус).

^{*} Первая цифра в скобках обозначает номер сурь Корана, вторая — аята.

Это представление об искажении Писания христианами и чувство духовной избранности были довольно устойчивыми и надолго предопределили реакцию мусульманского сознания на христианство. В то же время некоторые исследователи отмечают большую терпимость ислама к христианству. Так, в соответствии с Кораном «люди Писания» (иудеи и христиане) пользовались в мусульманском обществе статусом покровительствуемых. Как замечает Адам Мец, «необходимость как-то ладить между собой создала прежде всего некую неизвестную средневековой Европе веротерпимость»¹.

Появление ислама было мощным религиозно-историческим вызовом христианству. На протяжении VII—VIII столетий новая религия трансформировала общественный строй и культуру многих стран от Северной Индии до Атлантики, расколола единство средиземноморского мира и сместила осевую линию христианства на Север. Арабы-мусульмане проявили огромную энергию не только в сфере военно-политической экспансии. В научно-техническом и культурном отношении они тоже демонстрировали явное преимущество. Все это сбивало с толку, ставило в явное замешательство весь христианский мир. Постепенно чувство страха перед варварами-завоевателями сменилось вполне естественным любопытством.

Первую в христианстве связную и последовательную трактовку ислама дал Иоанн Дамаскин (ок. 675—753), представитель сирийской восточнохристианской апологетики. Он оценил новую религию как христианскую ересь — явление отнюдь не чуждое аврааматической традиции, а Мухаммеда — как лжепророка. Это представление об исламе перешло к византийцам. В отличие от сирийской, более сдержанной и умеренной, византийская форма антимусульманской апологетики была сильно идеологизированной. Сведения об исламе, его основные принципы и догматы, личность Мухаммеда в ней подверглись преднамеренным и грубым искажениям². Именно в этой византийской форме Европа знакоилась с антимусульманской апологетикой.

Жесткость византийской реакции на ислам объяснялась военным противостоянием между набирающим силу арабо-мусульманским миром и Византийской империей. В духе своего времени и сообразно обстоятельствам, вытекающим из поражений от могущественного Арабского халифата, византийские теологи видели в исламе «сатанинский заговор» против христианской веры³. А вот приверженцы христианских еретических сект, преследовавшихся в Византии, иначе подходили к «проблеме ислама». С одной стороны, в нем часто видели проявления «гнева и наказания Божьего» за грехи христиан; с другой стороны, — орудие «избавления» от ненавистных «византийцев»⁴.

Политика мусульманских правителей на завоеванных территориях в начальный период ислама отличалась известной гибкостью и предусмотрительностью. Завоеватели использовали для управления покоренными государствами местную бюрократию. Основным языком мусульманской администрации при дворе Омейядских халифов в Дамаске был греческий, а не арабский. Христиане, как, впрочем, и евреи-иудеи, считались подданными правителя и в соответствии с шариатом пользовались определенными юридическими правами. Естественно, противоречия и разногласия в отношениях между мусульманами и христианами существовали и порой проявлялись в довольно острых формах, о чем свидетельствует восстание коптов в Египте (829—830 гг.).

В VII—IX вв. ислам проявил весьма показательную способность к заимствованиям из чуждой для него культуры, в частности из эллинистической учености и образования. Халиф аль-Мамун, правивший в 813—833 гг., основал специальную академию для перевода научных трудов по философии и медицине с греческого языка на арабский. В числе нескольких религиозных сочинений была переведена и Библия. Именно в

этот период исламская цивилизация достигла подлинного расцвета в науке, технике, философии и архитектуре. Концепция законных прав немусульманского населения стала интегральной частью мусульманского права.

Не потому ли европейцы обратили свои взоры к образу жизни мусульман, жадно заимствуя у них то, чего так недоставало их собственной культуре и прежде всего — философских знаний. Со второй половины X в. Пиренейский полуостров становится основным каналом проникновения элементов арабо-мусульманской цивилизации через Испанию в средневековую Европу. Как ни парадоксально, начало Реконкисты (XI в.) и крестовые походы заложили основы постоянного культурного общения Западной Европы и мусульманского мира. По существующей в современной литературе оценке, «в эпоху наиболее активного военного и политического противостояния ислама и христианства внутри интеллектуального мира схоластики складывалась международная, в определенной степени и межвероисповедальная, иудео-христианско-мусульманская общность»⁵. В систематических переводах с арабского в XII—XIII вв. принимали участие европейские ученые, арабы и евреи. Представители трех авраамических религий обучались совместно в университетах Кордовы (968) и Каира (972), что, по всей вероятности, оказало влияние на дальнейшее развитие западноевропейских университетов. В представлении образованного европейца араб-сарацин воспринимался как «философ», хотя и из «врагов Христовых».

Средние века — сложное и противоречивое время в христианско-мусульманских отношениях. Мы находим христиан и мусульман то обучающихся вместе, то противостоящих друг другу на поле битвы. Средневековый опыт сосуществования двух религий, двух культур и цивилизаций не утратил значимости и актуальности до настоящего времени. Переводы арабских текстов на латынь для становления западноевропейской цивилизации оказались столь же важными, как и более ранние переводы греческих текстов на арабский язык — для мусульман. Ислам, несомненно, способствовал формированию европейского самосознания. Враждебное сосуществование, а точнее «диалог-противостояние» двух миров, по мнению большинства исследователей, способствовало единению Европы как территориальной и культурной целостности от Атлантики до Урала⁶.

Однако в средневековой Европе преобладало враждебное отношение к исламу. Крестовые походы мрачной тенью легли на взаимоотношения двух мировых цивилизаций. Средневековые авторы, прославляя борьбу крестоносцев за Святые места, живописали ислам в самых черных красках. В своей «Божественной комедии» Данте поместил пророка Мухаммеда в самые глубины ада, среди зачинщиков раздоров и гражданских войн. Авиценне и Аверроэсу отведено место в преддверии ада, надо полагать, в знак признания их научных заслуг перед Европой. В XIV — начале XV в. живой интерес к арабо-мусульманской мысли сменился безразличием, даже слово «арабский» приобрело уничижительный оттенок. И только после завоевания турками-османами Константинополя и нависшей над континентом угрозы со стороны Османской империи «проблемы ислама» вновь завладели умами европейцев.

На фоне негативного подхода к исламу особое внимание привлекают попытки межконфессионального диалога и стремление сторон лучше узнать друг друга. Аббат Клунийского монастыря Петр Достопочтенный (1095—1156), один из зачинателей средневекового христианского исламоведения, полагал, что с исламом надо бороться не оружием, а словом, убеждением и любовью⁷. Основатель ордена францисканцев и родоначальник миссионерской деятельности среди мусульман Франциск Ассизский в самый разгар крестовых походов добился аудиенции у египетского султана (1219) и пытался вызвать его на теологический диспут. Одновременно он наставлял братьев-францисканцев жить в мире и дружбе с

мусульманами. Принципиально новые подходы к «проблеме ислама» провозгласили Николай Кузанский и Иона из Сеговии (XV в.). Ученый и богослов исходили из того, что с помощью войны не решить спор между двумя религиями. Необходимо выявить то общее, что, по мнению Николая Кузанского, могло бы объединить христиан и мусульман. Так возникла идея о всеобщей дискуссии или христианско-мусульманской мирной конференции⁸, как бы предвосхитившая современную концепцию межконфессионального диалога.

Существенные изменения в отношении к исламу произошли в эпоху Просвещения. Обращаясь к восточной тематике, европейские просветители не стремились к адекватному пониманию истории возникновения ислама, сущности этой религии или деятельности ее основателя. Они использовали «мусульманский материал» лишь для обрамления своих просветительских идей в качестве иллюстрации к критике христианской церкви. Ислам рассматривался ими как реакционная сила, враждебная прогрессу, а пророк Мухаммед — как тип религиозного фанатика и теократического тирана. Идея реакционности ислама стала ходячим стереотипом в XIX в. Она и поныне разделяется многими исследователями и политическими деятелями.

В XIX в. мусульманский мир подвергся мощному натиску со стороны европейских держав. В это время, в отличие от средневековья, Европа уже не представляла собой христианского сообщества в полной мере. Формировалась новая секуляризованная цивилизация, бросившая вызов не только исламу, но и христианской религии: цивилизация, которая поклонялась разуму, демократии и правам человека. Религиозные измерения христианско-мусульманских отношений все больше становились вторичными на фоне разнообразных геополитических интересов. После крестовых походов колониализм оказался вторым по значению историческим феноменом, оставившим глубочайший след в мусульманском мире. За последние два столетия изменениям подверглись все сферы его социально-экономической и политической жизни. Став на путь модернизации, мир ислама принял вызов цивилизации Запада. При этом ислам не только не оказался в стороне, но и, более того, — стал основной мобилизующей силой явного и скрытого противостояния. В цвета ислама окрасились многие идеологические течения и политические движения. Реакция мусульманского мира на западные ценности и стремление к сохранению собственных ценностей и идентичности наиболее ярко отразились в движении исламского фундаментализма. В целом же современный ислам находится в непрерывном поиске эффективных мер для сплоченности и роста мусульманской уммы (общины), претендуя на решающую роль в глобальной перестройке мира. С этой целью создан ряд общему-мусульманских организаций, крупнейшими из которых являются Лига исламского мира и Организация исламская конференция. Обе организации выступают за межконфессиональный диалог с христианством.

О необходимости диалога между двумя религиями еще в конце XIX в. заговорили западнохристианские миссионеры. Однако начало организованному движению в этом направлении было положено в 50-х годах нашего столетия, когда Всемирный Совет Церквей и Ватикан организовали ряд встреч и консультаций для иерархов христианской церкви и представителей других вероисповеданий, в первую очередь мусульман. На II Ватиканском соборе (1963—1965) христианская церковь впервые за четырнадцать столетий официально положительно отозвалась о мусульманах, признав их особый религиозный статус. В специальной декларации «*Nostra Aetate*» (1965) выражалось «уважительное отношение» Церкви к мусульманам. Святой Собор призвал всех христиан и мусульман «забыть прошлое и искренне стремиться к взаимопониманию, к защите и осуществлению на благо всего человечества общественной справедливости, моральных ценностей, мира и свободы»⁹.

Организованный высшими иерархами Церкви диалог открывает новую главу в истории христианско-мусульманских отношений. Однако, несмотря на позитивные сдвиги, этот диалог осуществляется в основном на элитарном, а не массовом уровне. Наследие многовековой истории взаимной вражды и религиозной нетерпимости создает психологический барьер, который нелегко преодолеть. Еще свежи в памяти мусульман следы недавнего колониального прошлого и небескорыстной деятельности христианских миссионеров. Неудивительно, что большинство населения исламских афро-азиатских стран с недоверием отнеслось к призыву римско-католической церкви. Не способствует диалогу и экстремистская деятельность исламских фундаменталистов, равным образом как и сохранение напряженности в отношениях между Западом и рядом мусульманских стран (Иран, Ливия, Ирак). В коллективном сознании европейцев явно формируется новый образ врага, ассоциирующийся уже не с бывшим Советским Союзом, а с мусульманским миром.

¹ М е ц А. Мусульманский ренессанс. М., 1973. С. 39.

² См.: J a r g y S. Islam et chrétienté: Les fils d'Abraham entre la confrontation et le dialogue. Genève, 1981. P. 108.

³ G a u d e u l J. - M. Encounters and Clashes: Islam and Cristianity in history. Rome, 1984. V. 1. P. 65.

⁴ S a h a s D. J. John of Damaskus on Islam: The «Heresy of the Ishmaelites». Leiden, 1972. P. 23.

⁵ Журавский А. В. Христианство и ислам: Социокультурные проблемы диалога. М., 1990. С. 18.

⁶ См.: Д ю п р о н А. Единство христиан и единство Европы в период новой истории. М., 1970. С. 7.

⁷ См.: Z a n a n i r i G. L'Eglise et l'Islam. Paris, 1969. P. 177—178.

⁸ См.: S o u t h e r n R. W. Western Views of Islam in the Middle Age. Cambridge, 1962. P. 91.

⁹ Журавский А. В. Христианство и ислам. С. 60—61.

В. А. ФЯДОСІК

ХРЫСЦІАНСТВА Ў РЫМСКОЙ ІМПЕРЫІ ІІ ст. ПАВОДЛЕ ЭПІСТАЛЯРНАЙ СПАДЧЫНЫ ІГНАЦІЯ АНТЫЯХІЙСКАГА

In the article the epistles of Ignatius, bishop of Antioch, are analysed. Special attention is paid to the Ignatius church doctrine as well as to the problem of dating the epistles. The author shares the opinion of those researchers who think that Ignatius epistles reflect the situation in Christianity not at the beginning of the 2nd Century but in 160—170.

Фядосік Віктар Анатольевіч, загадчык кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў БДУ, доктар гістарычных навук, прафесар. Аўтар чатырох манаграфій па праблемах гісторыі антычнага хрысціянства.

Другое стагоддзе існавання хрысціянства ў Рымскай імперыі было ў многім вырашальным для лёсаў новай рэлігіі. Каб прызнаць гэта, дастаткова супаставіць сітуацыю канца I ст. (калі амаль было завершана стварэнне новазапаветных твораў) са становішчам вакол і ўнутры хрысціянства ў III — пачатку IV ст. Для першапачатковага хрысціянства характэрны даволі прымітыўны ўзровень дагматыкі з вельмі неакрэсленымі рамкамі артадоксіі, мінімальны культурны комплекс, адсутнасць царкоўнай арганізацыі, нязначная колькасць абшчын, звязаных спарадычнымі кантактамі. Трэцяе стагоддзе дае зусім іншую карціну: моцная царква на чале з епіскапам з дакладнай і уніфікаванай унутранай і тэрытарыяльнай структурай; сістэматызаваная дагматыка, дакладна вызначаныя рамкі артадоксіі; даволі складаны культ (у прыватнасці, з'явіліся першыя таінствы і літургіі). Зразумела, што такія

змены не ўзніклі раптоўна, яны былі вынікам працэсаў, якія адбываліся ў хрысціянстве ў II ст. На жаль, гэты перыяд у гісторыі хрысціянства з'яўляецца адным з найбольш загадкавых і найменей даследаваных. Абумоўлена гэта не толькі недастатковай увагай даследчыкаў, а галоўным чынам тым, што база першакрыніц з'яўляецца вельмі вузкай. Напрыканцы стагоддзя з'явіліся выдатныя творы Ірынея Ліёнскага, Тэртулліяна, Клімента (два апошніх паклалі бліскучы пачатак афрыканскай і александрыйскай патрыстыцы). А да іх часу — гэта толькі творы ранніх апалагетаў (з адпаведнай спецыфікай), нешматлікая колькасць апокрыфаў, ды звесткі язычніцкіх аўтараў (многія з якіх — рэтраспектыўнага характару).

На такім фоне кантрастам выглядае эпісталярная спадчына епіскапа Антыёхіі Ігнація (Баганосца). Гэта не адно-два пасланні (як Варнавы, Клімента Рымскага, Палікарпа), а сем лістоў епіскапа да розных адрасатаў. Пасля апостала Паўла і да часоў Кіпріяна — гэта найбольш буйны з дайшоўшых да нас збораў хрысціянскіх твораў эпісталярнага жанру.

Усяго Ігнацію прыпісваюць 15 пасланняў, сярод якіх ёсць пасланні апосталу Іаану і нават Дзеве Марыі¹. Але яшчэ ў IV ст. царкоўны гісторык Яўсевій паведамляў, што Ігнацій напісаў 7 пасланняў (Hist. eccl., III, 36). Пасля доўгіх спрэчак паміж даследчыкамі ўсё ж такі дамінуючым стала меркаванне, што епіскапу Антыёхіі належыць аўтарства сямі лістоў: да хрысціянскіх цэркваў Эфеса, Магнэсіі, Тралаў, Рыма, Філадэльфіі, Смірны і епіскапу апошняй Палікарпу. Найбольш пераканаўча гэта даказаў амерыканскі даследчык М. Браун². З дапамогай кампутара ён зрабіў карпатлівы лінгвістычны аналіз пасланняў Ігнація і «псеўда-Ігнація», супаставіўшы іх з іншымі хрысціянскімі творамі рознага часу. На яго думку, Ігнацій напісаў 7 сваіх пасланняў у пачатку II ст., а яго фальсіфікатар — у IV ст.³

Тэксты Ігнація захаваліся ў трох рэдакцыях: дзвюх грэчаскіх (кароткая і доўгая) і сірыйскай. Больш надзейнымі лічацца грэчаскія рэдакцыі, прычым у доўгай магчымы інтэрпаляцыі⁴. У гэтым артыкуле выкарыстаны тэксты абедзвюх грэчаскіх версій.

Вельмі прынцыповым з'яўляецца пытанне аб часе напісання пасланняў Ігнація. Агульнапрызнана, што гэта — II стагоддзе, але ж ідзе дыскусія аб тым, у які ж перыяд гэтага стагоддзя Ігнацій (незадоўга да сваёй смерці, як вынікае са зместу яго лістоў) стварыў свае творы. Большасць даследчыкаў прытрымліваецца традыцыйнага меркавання, заснаванага на звестках Яўсевія (Hist. eccl., III, 36), — апошнія гады праўлення Траяна (98—117 гг.)⁵. На гэтыя гады паказвае і «Пакутніцтва Ігнація», але ж гэтая крыніца выклікае сур'ёзны недавер, асабліва змест допыту Ігнація самім імператарам Траянам.

Некаторыя даследчыкі адносілі пасланні Ігнація да больш позняга часу — другая чвэрць альбо сярэдзіна II ст., але сур'ёзных доказаў не прыводзілі⁶. Былі і больш радыкальныя меркаванні. Э. Рэнан, напрыклад, прапаноўваў датаваць пасланні 170 г. Але найбольш абгрунтаваны радыкальны падыход прапанаваў Р. Жалі. Ён выкарыстаў шэраг цікавых доказаў. Сярод іх, напрыклад, той факт, што епіскап Смірны Палікарп (адзін з адрасатаў Ігнація) прыняў пакутніцкую смерць не пры Траяне, а прыкладна ў 161—163 гг. Першым з хрысціянскіх аўтараў цытаваў Ігнація Ірыней Ліёнскі ў канцы II ст. Лінгвістычны аналіз, праведзены Р. Жалі, таксама паказвае, што тэрміналогія, якую выкарыстоўваў Ігнацій, характэрна не для пачатку, а для сярэдзіны і канца стагоддзя. Адсюль вывад — пасланні Ігнація былі напісаны ў 165—168 гг.⁷

Адзін з галоўных аргументаў Р. Жалі: Ігнацій са сваім асвятленнем статусу епіскапа ў царкве з'яўляецца зусім ізаляваным для першага дваццацігоддзя II ст., такое становішча больш падыходзіць для 160-х гадоў⁸.

І сапраўды, эклесьялогія Ігнація выглядае незвычайнай для свайго часу. І, перш за ўсё, незвычайная яна тым, што ніводная з першакрыніц II ст. не

падае нам у такой ступені ўладу епіскапа ў царкве як манархічную ў пытаннях веравучэння, абраднасці, іншых бакоў жыцця хрысціянскіх абшчын. Пасланні Ігнація — найважнейшая крыніца па вывучэнню працэсу пераходу ад першапачатковых харызматычных абшчын да царкоўнай арганізацыі з яе падзелам веруючых на радавых (міран) і кіраўніцтва (духавенства).

Коротка сістэму царкоўнай арганізацыі Ігнацій выкладае ў пасланні да смірнян (Smym., 9): міране павінны падпарадкоўвацца дзяканам, дзяканы — прасвітарам, прасвітары — епіскапу, як ён падпарадкоўваецца Богу. Калі некаторыя даследчыкі гавораць аб тэацэнтрызме эклесіялогіі Ігнація⁹, то ў першую чаргу гэта адносіцца да абазначэння ім ролі епіскапа ў царкве. Епіскап не проста ўзначальвае царкоўную арганізацыю. Ігнацій сцвярджае: «На епіскапа трэба глядзець як на самога Госпада» (Ephes., 6). Па яго словах, епіскап — вышэйшы святар, які носіць вобраз Бога; нікога няма ў царкве вышэй за епіскапа, як нікога няма вышэй за Бога сярод створаных істот; епіскап служыць Богу як святар за выратаванне ўсяго свету (Smym., 9).

На думку Ігнація, епіскап старшынствуе на месцы Бога, а прасвітары — на месцы апосталаў. Ён заклікае веруючых аб'ядноўвацца вакол свайго епіскапа і падпарадкоўвацца праз яго Богу (Magn., 6). Матыў неабходнасці падпарадкавання хрысціян епіскапу ў Ігнація настойліва гучыць амаль у кожным з пасланняў. У пасланні да эфесян ён заяўляе, што той, хто падпарадкоўваецца епіскапу, прасвітарам, дзяканам, той падпарадкоўваецца Ісусу Хрысту, а той, хто ім не падпарадкоўваецца, не падпарадкоўваецца Хрысту (Ephes., 5). «Падпарадкоўвайцеся епіскапу як Госпаду», — гэта яго заклік да тралійцаў (Trall., 2). Больш таго, тройчы Ігнацій сцвярджае, што і прасвітары, і дзяканы, і міране нічога не павінны рабіць без епіскапа, без яго дазволу (Magn., 7; Philad., 7; Smym., 8). Прычым у пасланні да філадэльфіяцаў ён піша, што, калі быў сярод іх, ён крычаў, гаварыў гучным голасам гэтыя словы, а яны — словы Бога.

Структура кліра ў Ігнація складаецца з трох элементаў: епіскап (як прадстаўнік, імітатар Бога, Ісуса Хрыста), прасвітары (якім ён у сваёй тэацэнтрычнай эклесіялогіі прызначае месца апосталаў) і дзяканаў (імітатары анёльскіх сіл). Упамінаюцца ім удовы і дэвы (Ad Polycarp., 4; Philad., 4), але гэта — яўна яшчэ не ступені ніжэйшага кліру, як у больш позні час. Даследчыкамі ўжо было заўважана, што, напрыклад, у пасланнях Клімента Рымскага (канец I ст.) і «Пастыры» Гермы (Рым, сярэдзіна II ст.) клір падзяляўся на прасвітараў-епіскапаў і дзяканаў, а, значыць, епіскап яшчэ не выдзяляўся ў якасці безумоўнага лідэра царквы¹⁰. Такім чынам, можна сцвярджаць, што працэс усталявання ўлады епіскапа ў царкве праходзіў больш хутка сярод хрысціян усходняй часткі Рымскай імперыі. І гэта не абвяргаецца кожнай з названых дацэровак пасланняў Ігнація. Дарэчы, Ігнацій у сваім лісце да рымлян нават не ўпамінае іх епіскапа, затое называе імёны епіскапаў Магнэсіі, Эфеса, Смірны, Філадэльфіі, Тралаў.

Ігнацій дае шмат канкрэтных прыкладаў манархічнасці ўлады епіскапа ў царкве. Так, без епіскапа нельга выконваць абрады хрышчэння і прычашчэння, нельга спраўляць агапы (Smym., 8). Шлюб паміж мужчынай і жанчынай патрабуе адабрэння епіскапа (Ad Polycarp., 5). Але галоўнае — усё ж у тым, што менавіта епіскап з'яўляецца гарантам правільнай веры і адзінства царквы. Той, хто выступае супраць епіскапа, па словах Ігнація, — той парушае адзінства царквы і парадак у ёй (Smym., 9; Philad., 7).

Барацьба з ерасямі была на той час надзвычай актуальнай для царквы. Празрыстасць рамак артадоксіі, наяўнасць адступленняў ад новазапаветных палажэнняў стваралі вялікія цяжкасці для развіцця хрысціянства як адзінай рэлігіі. З зыходам апосталаў сталі патрэбнымі новыя аўтарытэты ў пытаннях веры. Імі сталі епіскапы. І таму невыпадкова ідэя падпарадкавання епіскапу ў Ігнація цесна звязана з барацьбою з ерасямі, са змаганнем за захаванне царквы, за уніфікацыю царквы ў маштабе ўсёй Рымскай імперыі (адным з першых Ігнацій ужывае тэрмін «каталіцкая царква»).

Псланні епіскапа Антыёхіі насычаны палемікай з ератыкамі. Яны даюць каштоўную інфармацыю аб пазачаркоўных плынях у хрысціянстве таго часу. Аднак вакол звестак Ігнація да гэтага часу вядзецца палеміка, галоўны змест якой — аб якіх жа канкрэтных ерасях ён распавядае. Напрыклад, Ч. Рычардсан лічыць, што Ігнацій гаворыць толькі аб дакетызме і іудэа-хрысціянстве, да таго ж змешвае іх (бо для яго галоўнае ў гэтых рухах — агульная апазіцыя епіскапальнай царкве)¹¹. Аднак Р. Жалі лічыць, што Ігнацій зацята выступаў супраць гнасціцызму (і дакетызму як аднаго з яго элементаў)¹². Вывады названых даследчыкаў адлюстроўваюць пазіцыі тых групавак навукоўцаў, якія па-рознаму датуюць час жыцця выдатнага антыяхійца.

Найбольш аб'ектыўным падыходам для вырашэння гэтай праблемы ўяўляецца адмова ад зададзенай храналогіі пасланняў Ігнація і непасрэдных аб'ектыўны зварот да тэкстаў.

Тут мы сустракаемся з цікавай інфармацыяй. З аднаго боку, Ігнацію вядомы ерасі новазапаветнага перыяду: Сімон Маг (першы сын Сатаны), мікалаіты (Trall., 11). Але ж, з другога боку, ён называе такіх ерасіярхаў, як Васілід, Менандр, Феадот і Клеобул (Trall., 11). Ён не раскрывае падрабязна сутнасць іх вучэнняў, але ў лісце да хрысціян Філадэльфіі вызначае, што, на яго погляд, з'яўляецца нехрысціянскім у шэрагу вучэнняў (Philad., 6). Так, Сімон Маг даказваў, што Бог-Айцец — не стваральнік неба і зямлі. Тыя, хто сцвярджаюць, што Бог ёсць адзін, а Ісус Хрыстос быў простым чалавекам, — гэта эбіяніты. Мікалаіты ж — гэта тыя, хто верыць, што ў Ісусе жыў Бог, а не чалавек (адмаўленне чалавечай сутнасці Ісуса Хрыста). На жаль, простае ўпамінанне мікалаітаў у новазапаветным апакаліпсісе (II, 2) не раскрывае сутнасці іх вучэння. Але калі параўнаць кароткія звесткі Ігнація з тым, што нам вядома аб ерасях другой паловы II ст., то можна меркаваць, што вучэнне мікалаітаў супадае з адапцыянізмам Феадота, і, магчыма, ён перакладае больш даўняй калькай тэкст вучэння аднаго з лідэраў гносіцаў Васіліда. Прынамсі, дакетызм у яго «чыстым» выглядзе ў Ігнація не сустракаецца (хутчэй за ўсё дакетызм і з'яўляецца штучным тэалагічным тэрмінам больш позняга часу). Такім чынам, ерасіялогія Ігнація Антыяхійскага больш прыдатна не да пачатку, а да другой паловы II ст.

Што датычыцца палемікі з ідузізмам і іудэа-хрысціянствам, то можна заўважыць, што яна заставалася актуальнай не толькі ў канцы II ст., але і ў сярэдзіне III ст. (напрыклад, творы Тэртуліяна і Кіпрыяна).

Інтэрпрэтацыя сімвалічнага зместу асноўных абрадаў хрысціянскага культуравага комплексу ў Ігнація таксама далёка выходзіць за рамкі, напрыклад, таго ж Дзідаха, але больш набліжана да Юсціна, Тэртуліяна. Два з найбольш пераканаўчых прыкладаў — аднолькавы акцэнт у Юсціна і Ігнація на аспекце прычашчэння як ахвярапрынашэнні Ісуса Хрыста за ўсіх людзей і са-тэрыялагічная распрацоўка місіі Ісуса Хрыста на зямлі (Just. 1 Apol., 66, 67; Dial., 117; Ignat. Ephes., 5; Magn., 7; Trall., 7; Philad., 4).

Амаль не гучаць у Ігнація эсхаталагічныя ідэі. Як слушна заўважыў Ч. Рычардсан, калі ў яго і сустракаюцца ледзь выразныя заўвагі аб апошніх часах, то гэта хутчэй звязана з асабістай сітуацыяй Ігнація — яго чаканнем хуткага пакутніцтва¹³. Між тым эсхаталагічныя чаканні — адны з дамінуючых ідэй першахрысціянства. У далейшым яны адышлі на другі план, і іх можна з былой яркавасцю заўважыць толькі ў некаторых хрысціянскіх пакутнікаў часоў агульнаімперскіх ганенняў на хрысціян.

Ігнацій быў адным з першых хрысціянскіх герояў-пакутнікаў. Уражвае яго ліст да хрысціян Рыма. Чалавек, якога вязуць на суд і магчымае смяротнае пакаранне, заклікае сваіх аднаверцаў (відаць, уплывовых) не рабіць ніякіх захадаў для яго выратавання. Ён сам свядома выбірае катаванне і пакутніцкую смерць, галоўнае для яго — дасягнуць Ісуса Хрыста, памерці за веру, якой ён адданы (Rom., 2, 5). І калі «Пакутніцтва Ігнація» ў значнай меры выглядае сфальсіфікаваным, то яго пасланне да рымскіх

хрысціян вельмі яскрава і арганічна адлюстроўвае ментальнасць хрысціянскіх пакутнікаў — людзей, якія сваім асабістым прыкладам стваралі гераічны арэол тады яшчэ гнанай і недастаткова вядомай рэлігіі.

Ёсць у пасланнях Ігнація і каштоўныя звесткі аб сацыяльным складзе хрысціян яго часу. Сярод іх былі як рабы (Ad Polycarp., 4), так і заможныя людзі, што мелі сваіх рабоў (Smym., 13; Ad Polycarp., 8), прычым сярод апошніх Ігнацій часцей называе жанчын-хрысціянак¹⁴.

Вядома, у кароткім артыкуле нельга разгледзець усе пытанні гісторыі хрысціянства ў Рымскай імперыі, звесткі аб якіх дае нам эпісталярная спадчына Ігнація Антыяхійскага. Але ж наш аналіз гэтай каштоўнай першакрыніцы дазваляе меркаваць, што лісты епіскапа Антыяхіі адлюстроўваюць, хутчэй за ўсё, сітуацыю не пачатку, а сярэдзіны ці другой паловы II ст.

¹ The Ante-Nicene Fathers. Michigan, 1953. V. 1. P. 103.

² Brown M. P. // A study of linguistic criteria. Durham, 1963.

³ Ibid. P. 11, 124.

⁴ Ibid. P. XI—XIV; The Ante-Nicene Fathers. V. 1. P. 46—47.

⁵ Преображенский П. // Послания Святого Игнатия Богоносца. СПб., 1902; Colson J. // Problemi di storia della chiesa. Milano, 1970. P. 75; Friend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church. Oxford, 1965. P. 197; Gwatkin H. M. Early Church History to A. D. 313. London, 1909. V. 1. P. 132; Meinhold P. Studien zu Ignatius von Antiochen. Wiesbaden, 1979. S. 2.

⁶ Ранович А. Б. О раннем христианстве. М., 1959. С. 277; Робертсон А. Происхождение христианства. М., 1959. С. 240.

⁷ Joly R. Le dossier d'Ignace D'Antioche. Bruxelles, 1979.

⁸ Ibid. P. 81.

⁹ Massarone M. // Problemi di storia della chiesa. P. 94—95.

¹⁰ Baus K. // The Early Church. New York, 1993. V. 1. P. 43—44.

¹¹ Richardson C. The Christianity of Ignatius of Antioch. New York, 1962. P. 8, 51.

¹² Joly R. Le dossier d'Ignace D'Antioche. P. 87.

¹³ Richardson C. The Christianity of Ignatius of Antioch. P. 27.

¹⁴ Friend W. H. C. Archaeology and History in the Study of Early Christianity. London, 1988. P. 45.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

In the article archeological monuments of the second half of the 1st millenium A. D. in Belarus (Kolochin, Bancerovo-Tushemlja and Long Kurgans cultures), located in Belarus northern of Pripjat river, are considered. Author concluded that all they are connected with the last stage of the Baltic period in Ethnic history of Belarus. They are formed on the native ethnical and cultural materials and disappeared in IX—X centuries when Slavs came.

Загорульскі Эдуард Михайлович, доктор історычных наук, прафесар, зав. кафедрай археалогіі, этнаграфіі і вспомогательных історычных дысцыплін БГУ, дзействальны член Беларускай акадэміі адукацыі.

Аўтар фундаментальных ісследований по археалогіі і історыі Беларусі, а такжэ ряда учебников для вузов и средней школы. Под его руководством проведены самые крупные раскопки древнего Минска.

Археалогічэскіе памятнікі Беларусі, прадшествовавшие древнерусскому периоду, до сих пор наименее изучены, по-разному определяется их этническая принадлежность. Они непосредственно относятся к проблеме расселения славян в Беларуси и тем сложным этнокультурным процессам, которые имели важные последствия не только для местного

балтского населения, но и для восточных славян. В зависимости от того, считать ли их славянскими или балтскими, будет решаться вопрос о времени появления здесь славян.

Пока не вызывает споров лишь славянская принадлежность памятников пражско-корчакского типа, распространившихся в Южной Беларуси и на Украинской Волини в VI—VII вв. Что же касается территории к северу от Припяти, то здесь этническая ситуация объясняется по-разному. Еще недавно считалось возможным объединять различные группы памятников третьей четверти первого тысячелетия н. э., характерных для этого региона, в одну археологическую культуру¹.

Однако сейчас здесь можно выделить по меньшей мере три археологические культуры: колочинскую, банцеровско-тушемлинскую и культуру длинных курганов. Первые две имеют много общего в керамическом материале, но различаются по типам построек, что является главным основанием для их разделения на самостоятельные культуры.

В правобережной части Верхнего Поднепровья и Западнодвинском бассейне распространены наземные постройки специфической конструкции. Они получили название банцеровско-тушемлинских.

На юго-востоке же Подесенья, гомельско-могилевском поречье Днепра и верховьях Сулы и Псела на поселениях господствуют небольшие полуземляночные жилища. По городищу Колочин (в Белоруссии) их называют колочинскими. Очень небольшие различия между этими территориями выявляются и в керамическом материале.

К этому времени основным типом поселений становятся селища. Городища служили убежищами на случай опасности. Таковым было и Колочинское городище, полностью раскопанное в 1955—1960 гг. Э. А. Сымоновичем. Рядом с городищем располагалось селище, занимавшее территорию около гектара. При раскопках городища большая часть находок пришлась на окраины поселения. Среди них — раздавленные сосуды, в некоторых обнаружены остатки обгоревшего проса и чечевицы. Население в основном проживало на селище. На нем выявлено жилище полуземляночного типа, углубленное на 0,35 м в землю и имевшее размеры 3,85х3,8 м. Стены столбовой конструкции. В центре жилища располагался столб, поддерживавший перекрытие. Наличие в большинстве колочинских построек центрального столба позволяет реконструировать их крышу как четырехскатную. Очаги располагались в центре, но были чуть сдвинуты к южной стороне².

В Могилевской области памятники этого типа раскапывались Л. Д. Поболем близ деревень Щатково, Тайманово, Нижняя Тошица³. За пределами Белоруссии поселения этой культуры были исследованы П. Н. Третьяковым и другими в Смольянах, Колодезном Бугре, Заярье⁴.

В Смольянах, судя по скученности построек, на селище проживала одна патриархальная община, которая вела неразделенное хозяйство. В других случаях, возможно, селились общины, состоявшие из разных семей, не связанных между собой родством (территориальная община).

Изучены также могильники колочинской культуры. В Белоруссии в начале XX в. они исследовались Е. Р. Романовым, в 20-х гг. — И. А. Сербовым, позже — Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболем. Обряд захоронений представлен трупосожжением на стороне с последующим погребением остатков кремации в круглых или овальных ямах диаметром от 0,3 до 1 м и глубиной от 0,1 до 0,65 м. Переженные кости хранились или просто в ямках, или в сосудах. В отдельных случаях сосуд перекрывался другим. Процент урновых погребений колеблется от 12 до 50 и даже до 80⁵.

Большая часть могильников содержала от десяти до тридцати погребений. Встречаются, однако, и крупные могильники (до 250 погребений). Погребальный инвентарь беден и в основном представлен керамикой.

В колочинской культуре выделяются четыре типа сосудов: тюльпановидные, цилиндрикоконические, ребристые и банковидные или конусовид-

ные, почти не профилированные. Встречаются также миски, сковородки и глиняные диски. В Тайманове найден фрагмент железного сошника. В Колочине — четыре крупных серпа.

Определение этноса носителей колочинской культуры связано с установлением ее генетических корней и отношения к достоверно славянским памятникам VIII—X вв. Большинство исследователей выводит колочинскую культуру из местных предшествующих культур. В некоторых элементах этой культуры (в частности, в керамике) отмечается преемственность с послезарубинецкими памятниками. Однако трансформация культурных черт здесь настолько значительна, что говорить о простой эволюции предшествующих культур в колочинскую пока преждевременно. Относительно же этноса и ее носителей мнения расходятся. Так, П. Н. Третьяков относит колочинскую культуру к славянской на том основании, что, по его мнению, она имеет генетическую связь со славянскими памятниками VIII—X вв. Правобережной Украины⁶. Но по мнению большинства археологов, прямых связей между материалами колочинской культуры и культурами славян VIII—X вв. нет. Поэтому правильной будет отнести эту культуру к дославянским древностям⁷.

К северу от Припяти в Днепро-Неманском междуречье и смоленском течении Днепра в третьей четверти I тысячелетия н. э. были распространены памятники, получившие у белорусских археологов название банцеровских (по имени городища Банцеровщина под Минском), а у других — тушемлинских (по городищу Тушемля на Смоленщине); эту культуру называют также банцеровско-тушемлинской или тушемлинско-банцеровской.

Исследователи считают, что культура возникает на местной основе и это убедительно доказано П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом на примере смоленских памятников. Там культура типа Тушемли имеет своего генетического предшественника в днепродвинской культуре (VII в. до н. э. — IV—V вв. н. э.)⁸.

Отмечается, что из днепродвинской развивается профилированная тушемлинская керамика. Аналогичные находки встречаются в ранних селищах (посоховидные булавки, серпы, пряслица, грузики дьякова типа), имеется сходство в типах построек (наземные дома столбовой конструкции с овальными очагами), сходны святилища. Факт преемственности обосновывается также тем, что названная культура занимает значительную часть территории расселения днепродвинских племен. Полностью совпадают северо-западная и северо-восточные границы этих культур.

Однако если одним из источников банцеровско-тушемлинской культуры называется днепродвинская, то следует объяснить, почему же значительная часть памятников банцеровско-тушемлинской культуры находится за пределами днепродвинского ареала. Ведь большая часть ее памятников распространяется на юге вплоть до северных притоков Припяти, включая в себя всю восточную часть культуры штрихованной керамики. Либо банцеровско-тушемлинская культура, возникнув в зоне днепродвинской и на ее основе, позже распространилась в юго-западном направлении, либо ее происхождение нуждается в другом объяснении. На Смоленщине, например, тушемлинские памятники обнаруживают близкие аналогии в керамике ранних длинных курганов. Очевидно, здесь уже на раннем этапе имели место интенсивные контакты этих разных в культурном отношении групп. Следует также объяснить, какую роль в ее генезисе сыграла и культура штрихованной керамики. Наконец, может быть, правильной будет вообще поделить тушемлинско-банцеровскую культуру на две части, две отдельные культуры — тушемлинскую и банцеровскую?

По наблюдениям А. Г. Митрофанова, можно говорить об эволюции культуры штрихованной керамики в банцеровскую, что прослежено им на материалах раскопок городищ Лобенщина, Старо-Руденское, Василь-

ковское и др.⁹ С этим соглашается и В. С. Седов¹⁰. Сходство же с днепродвинской культурой Седов объясняет инфильтрацией потомков днепродвинской культуры в среду носителей культуры штрихованной керамики, но, как он сам отмечает, проследить ее пока не удастся.

Этнос же носителей банцеровско-тушемлинской культуры большинство исследователей совершенно справедливо определяет как балтский¹¹. Балтский характер доказывается не только наличием генетической связи между банцеровско-тушемлинскими памятниками и предшествовавшими им безусловно балтскими древностями раннего железного века, но также и тем, что такая связь отсутствует со славянскими культурами древнерусского времени.

Исследования В. Б. Перхавко показали, что вещевой материал из памятников типа Тушемля-Банцеровщина — орудия труда (топоры, серпы), оружие (наконечники копий, шпоры), изделия из бронзы, украшения — отличен от славянского, но характерен для балтских культур раннего железного века. Он близок также соответствующим материалам средневековой Литвы и Латвии¹².

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что уже с V века на этой территории фиксируются и славянские культурные элементы, будто бы свидетельствующие о проникновении славян в балтскую среду¹³. Это доказывается появлением здесь полужемляночных жилищ со славянским интерьером (печь-каменка в углу и отсутствие опорного столба и центре), некоторых вещевых находок. В Белоруссии такими называются поселения Тайманово, Щатково, Замковая Гора.

Оценка этих явлений как славянских у одних ограничивается констатацией культурных влияний или признанием некоторой инфильтрации славян в балтскую среду (В. В. Седов), у других приводит к атрибуции банцеровской культуры как славянской, а Г. В. Штыхов договаривается даже до того, что называет эту культуру не просто славянской, а уже прабелорусской, положившей начало формированию белорусского этноса¹⁴.

Однако сама интерпретация некоторых материалов банцеровско-тушемлинской культуры вызывает сомнение. Так, Замковая гора у дер. Дедиловичи отстоит довольно далеко от славянского ареала. Что касается местных жилищ, то топография поселка, раскинувшегося на склонах горы, вынуждала при их сооружении для выравнивания пола врезаться в сторону возвышения. Поэтому нельзя называть жилища Замковой горы полужемлянками. Так считал и сам исследователь этого памятника А. Г. Митрофанов. К тому же большая часть построек имела срубную конструкцию стен, что для славян не характерно¹⁵. А в какой мере можно считать исключительно славянским признаком появление печей-каменок в углу жилища, предстоит еще разобраться. Важно то, что славянской керамики на Замковой горе нет. И хотя Митрофанов как-то обмолвился, что без славян здесь не обошлось, вещевой славянский материал, в том числе самый элементарный бытовой, на поселении не выявлен.

Инфильтрацию славян прослеживают прежде всего в среднем течении Десны. Я не исключаю, что славяне с пражской культурой могли проникать туда уже вскоре после появления их в Южной Белоруссии и Украинской Волини. Эти области и по данным лингвистики вошли в зону славянского расселения раньше, чем территория к северу от Припяти (летописные славянские этнонимы с формантом — *не*). В. В. Седов же вообще предпочитает говорить о подселении славян к балтскому населению банцеровско-тушемлинских поселков. Отсутствие в этой культуре славянских керамических материалов он объясняет довольно оригинально — тем, что сюда просачивалось только мужское славянское население, которое потом вступало в брачные союзы с местными женщинами¹⁶. Со славянами он связывает проникновение в балтские древности таких предметов, как жернова (Замковая гора, Тушемля), высокие биконические пряслица с небольшим отверстием, железные шпоры с коническим

шипом, втульчатые двушипные наконечники стрел, а позже — ножи с валообразными навершиями рукояти. Однако, как доказал А. К. Амброз, находки некоторых вещей легко могут быть объяснены культурными связями днепровских балтов, например, с культурными центрами нижнего Подунавья¹⁷. В раскопках этих памятников встречаются и предметы крымского происхождения. Но вряд ли кто решится на этом основании утверждать об инфильтрации в Белоруссию населения Крыма.

Основной комплекс банцеровской культуры по своему характеру местный, балтийский. Особенно красноречиво об этом свидетельствует керамика, которую археологи традиционно рассматривают как наиболее надежный критерий для установления этнических общностей. Попытки объяснить отсутствие славянской керамики в банцеровских комплексах инфильтрацией в балтскую среду только славян-мужчин совершенно неубедительны. В конце концов сам В. В. Седов вынужден был признать, что для утверждения о начале славянизации днепровских балтов в VI—VII вв. «каких-либо фактических данных нет»¹⁸.

В изучении рассмотренных культур (банцеровско-тушемлинской и колочинской) есть один существенный пробел, мешающий правильному осмыслению исторических судеб их носителей и их отношения к славянскому расселению. Это вопрос хронологии.

Культуры принято датировать третьей четвертью первого тыс. н. э. (хотя их можно продлить и в четвертую четверть). Похоже, что датировка требует уточнений. Намечая верхнюю хронологическую границу, пока исходят из предположения о раннем проникновении сюда славян, положившим будто бы конец этим культурам. Э. А. Сымонович, например, разрушение Колочинского городища, что для него означает конец и всей колочинской культуры, связывает с появлением, как он думает, в VIII в. славянского поселения на примыкающем селище. Между тем расселение славян к северу от Припяти надежно датируется IX—X вв. К тому же следует иметь в виду, что культуры не исчезают сразу после появления нового населения. Необходимо время для смешения или ассимиляции, если местное население не было предварительно вытеснено. Поэтому думается, что колочинская и другие балтские культуры этого региона закончили приближительно в одно время с культурой длинных курганов, т. е. в X в.

Корень ошибки, на наш взгляд, здесь кроется в том, что ряд исследователей по давней традиции культуру длинных курганов рассматривает как славянскую, наложившуюся на местный балтский культурный фон, представленный тушемлинско-банцеровской культурой. Поэтому она и в хронологическом плане должна, мол, представлять более позднее явление. Отсюда — попытки выстроить хронологический ряд, в котором памятники типа Банцеровщина-Тушемля предшествуют культуре длинных курганов. И поскольку не допускается мысли о сосуществовании этих культур, то, с одной стороны, несколько удревяется верхняя хронологическая граница функционирования банцеровско-тушемлинской культуры, а с другой, — омолаживается культура длинных курганов. Ну а если все эти культуры синхронны, и носители культуры длинных курганов, как и банцеровско-тушемлинской и колочинской, являются родственными балтским группировкам дославянского периода?

Такой вопрос вполне правомочен, поскольку как новые данные по хронологии длинных курганов и ее генезису, так и материалы, относящиеся к славянскому расселению, заставляют иначе взглянуть на все эти проблемы.

Культура длинных курганов занимает значительную территорию: среднее течение Западной Двины, смоленское течение Днепра, поречье Великой около Псковского озера. Ее памятники имеются в восточной Латвии и даже в Эстонии.

Название связано с погребальными сооружениями в виде невысоких валообразных насыпей, внутри которых или под которыми помещались

глиняные урны с остатками кремации и довольно бедный вещевой инвентарь. Встречаются и безурновые захоронения. Длина курганов различна. Одни из них имеют протяженность до 100 и более метров, другие — почти круглые или слегка удлинённые. Существовало мнение, что длина кургана зависела от количества содержащихся в нем захоронений. После очередных захоронений длина кургана увеличивалась. Однако позже было установлено, что количество захоронений не определяло длины насыпи. Не было установлено и хронологических различий между длинными и удлинёнными курганами, а также различий в обрядах.

Культура длинных курганов представлена не только погребениями, но и поселениями.

В научной литературе по-разному интерпретируется этническая принадлежность населения, носителя этой культуры. Долгое время господствовало представление, что эта культура — наследие племен славянокривичей. Основным аргументом тут было совпадение ее ареалов с областью, какую летописец отводил кривичам. Делались попытки доказать археологическую преемственность материалов из длинных курганов и, несомненно, славянских погребальных памятников X в. Впрочем приводились данные и в пользу отождествления данной культуры с культурой древних балтских и даже финно-угорских народов.

Новые археологические открытия и материалы изучения проблемы балтов и славян заставляют отдать предпочтение идее о балтской принадлежности носителей рассматриваемой культуры. Так, раскопанный около дер. Янковичи в Россонском районе длинный курган, содержащий три кремированных захоронения, дал типичные банцеровские сосуды. Бронзовые бляшки-скорлупки позволяют датировать курган V—VI вв. К этому же времени относятся и материалы из длинного кургана около дер. Дорохи Городокского района¹⁹. Эти находки позволяют и хронологически и типологически соотнести ранние памятники культуры длинных курганов с местной культурной средой, поставить вопрос о ее местных балтских корнях. Генетическая связь длинных курганов Смоленщины с более ранними грунтовыми погребениями, относящимися к родственной банцеровско-тушемлинской группе, обнаруживается и на основании материалов Акатовского могильника VII в. Находки в длинных курганах украшений из бронзы с выемчатой цветной эмалью также типичны для балтийских племен.

Нельзя не обратить внимания и на почти полное совпадение ареалов длинных курганов и предшествовавших им памятников днепродвинской культуры, балтская принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнений. Исследователи приводят убедительные данные о генетической преемственности этих культур. Все эти факты свидетельствуют о том, что длинные курганы появляются на этой территории уже в VI в., т. е. задолго до того, как здесь распространились типичные славянские памятники, и что своими корнями они уходят в местную культурную среду балтских племен.

Локализация рассмотренных культур второй половины первого тысячелетия н. э. позволяет поставить вопрос об отношении носителей этих культур к летописным группировкам кривичей, дреговичей и радимичей. Культура длинных курганов просто совпадает с летописной областью расселения кривичей. Культура же банцеровского типа, в принципе, совпадает с ареалом обитания дреговичей. Точно так же, как ареалы колочинской культуры совпадают с территорией радимичей, а южнее — северян. Возможно, колочинскую культуру со временем удастся разделить на две части (северную и южную), связав одну с предками радимичей, а другую — северян. Но такое территориальное совпадение, отнюдь, не означает, что носители рассмотренных культур были славянами. Речь может идти лишь о том, что это были последние группировки балтов в данном регионе, которые с приходом сюда славян были ассимилированы

ими, стали одним из физических предков (субстратом) славянско-го населения этих территорий и, по-видимому, передали им свои имена²⁰.

¹ См.: Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн., 1977. С. 69—70; Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 62.

² См.: Симонович Э. А. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. С. 108.

³ См.: Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1970.

⁴ См.: Третьяков П. Н. Советская археология (в дальнейшем СА). 1965. № 4; Он же // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

⁵ См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 32.

⁶ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л. 1968.

⁷ См.: Седов В. В. Ук. соч. С. 34.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ См.: Митрофанов А. Г. // Беларускія старажытнасці. Мн., 1972.

¹⁰ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 39—40.

¹¹ См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л. 1963; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне..., Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

¹² См.: Перхавко В. Б. // Вестник МГУ. История. 1978. № 2; Он же // СА. 1979. № 4.

¹³ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 39.

¹⁴ См.: Штыхов Г. В. // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Мн., 1992. С. 116—117.

¹⁵ См.: Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII н. э.). Мн., 1978.

¹⁶ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 39.

¹⁷ См.: Амброз А. К. // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

¹⁸ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 41.

¹⁹ См.: Штыхаў Г. В. Крывічы. Мн., 1992.

²⁰ См.: Загорульский Э. М. // Вестник БДУ. Сер. III. 1992. № 3; Хабургаев Г. А. Этнонимика «Повести временных лет». М., 1979. С. 196—197.

П. А. ЛОЙКА

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ АГРАРНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ XV — ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст.

In this article the main monographic researches in the agrarian history of Belarus published in 70—80 th of the XX century are examined.

The author analyses the evolution in the points of views of the historians on the economic development of the Belarusian village in the XV th — first half XIX th centuries.

Лоика Павел Алегавіч, кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. Працуе ў БДУ і Інстытуце гісторыі АНБ. Мае звыш 80 навуковых прац. Аўтар трох кніг і шэрагу падручнікаў па гісторыі Беларусі.

У развіцці беларускай медыевістыкі асобнае месца займаюць 70—80-я гады XX ст. Менавіта ў гэты час адбываецца своеасаблівая рэанімацыя гістарычнай навукі, якая вывучае праблемы беларускага сярэднявечча. І калі з 1965 па 1979 г. у акадэмічным Інстытуце гісторыі не існавала ніводнага аспіранта, тэматыка даследавання якога была звязана з гісторыяй Беларусі XIII—XVIII стст., то ў 1980 г. утвараецца спецыяльны аддзел гісторыі Беларусі эпохі феадалізму. На працягу наступных гадоў ён папаўняецца маладымі кадрамі. Гэты, так бы мовіць, набор пачатку 80-х рабіўся дзеля падрыхтоўкі фундаментальнай працы «Гісторыя сялянства Беларусі», якая, на жаль, не пабачыла свет да сённяшняга часу. Падрыхтоўка і напісанне яе з'яўлялася лагічным завяршэннем доўгага і шмат-

аспектнага вывучэння аграрнай гісторыі Беларусі XV — першай паловы XIX ст. у пасляваенны час, бо ў 40—60-я гг. усе наяўныя сілы гісторыкаў-медыевістаў былі сканцэнтраваны на вывучэнні найбольш ідэалагічна бяспечных праблем сацыяльна-эканамічнага развіцця. У гэтым плане было нямала зроблена. 70—80-я гг. сталі часам выхаду з друку грунтоўных і арыгінальных прац З. Ю. Капыскага, П. Р. Казлоўскага, В. І. Мялешкі ды інш., падрыхтоўкі і абароны шэрагу дысертацыйных даследаванняў па аграрнай тэматыцы.

Адметнай рысай усіх навуковых прац згаданага часу з'яўляецца іх шырокая крыніцазнаўчая база, якая дала мажлівасць навукоўцам з поспехам ужываць статыстычны метады даследавання і дабівацца высокай аргументаванасці назіранняў і высноў.

У гэтым плане характэрны працы В. І. Мялешкі. Яго манаграфія «Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии» выканана з прыцягненнем значнай колькасці дакументальнага матэрыялу з архівасховішчаў Мінска, Гродна, Масквы, Пецярбурга, Кіева, Львова, Вільнюса, Варшавы, Кракава, Вроцлава. Высокая рэпрэзэнтатыўнасць крыніц дазволіла аўтару доказаць сфармуляваць некаторыя канцэптуальныя палажэнні. Справа ў тым, што ў беларускай гістарыяграфіі на той час панавала думка аб паступальным заняпадзе эканомікі Беларусі на працягу XVII—XVIII стст. Абапіраючыся на даныя крыніц, В. І. Мялешка паказаў памылковасць падобных уяўленняў. Сапраўды, як адзначаецца ў манаграфіі, у сярэдзіне XVII — на пачатку XVIII ст. войны, што пранесліся па беларускіх землях, жудасна разбурылі сельскую і гарадскую гаспадарку. Аднак у гэтым разбураным выглядзе яна не закансервалася. На працягу некалькіх дзесяцігоддзяў гаспадарка ўзнаўлялася і працягвала сваё развіццё. Канстатаваць факт нейкага заняпаду эканомікі Беларусі ў 20—70-х гг. XVIII ст., на думку даследчыка, няма ніякіх падстаў. Правамерна весці гаворку як раз аб росце таварнасці сельскай гаспадаркі як аб глаўнай тэндэнцыі гаспадарчай эвалюцыі ўсходу Беларусі ў гэты час¹.

З названай працай В. І. Мялешкі тэматычна пераклікаецца манаграфія П. Р. Казлоўскага «Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII вв.» Аднак храналагічна яна больш абмежаваная і аб'ектам даследавання тут выступае не ўсход, а захад і цэнтр Беларусі. Даследаванне абапіраецца на шырокае кола крыніц. Акрамя традыцыйных інвентароў феадальных уладанняў, люстрацый латыфундыяў, інструкцый адміністрацыі маёнткаў, аўтар выкарыстаў амбарныя кнігі, рэестры збору і абмалоту ўраджаю, квітанцыі здачы натуральных і грашовых пабораў, журналы штодзённага ўліку працы ў дварах ды іншыя гаспадарчыя дакументы. Засноўваючыся на тарыфах падымнага падатку, Казлоўскі ўстанаўлівае, што магнатам належыла 46 % усіх прыватных уладанняў заходніх і цэнтральных раёнаў Беларусі і каля 1/3 усіх зямельных плошчаў гэтага рэгіёну.

Практычна ўпершыню ў гістарыяграфіі П. Р. Казлоўскі дэталёва прааналізаваў вотчынную гаспадарку на такой значнай тэрыторыі, характарызуючы ўсе яе галіны: земляробства, жывёлагадоўлю, птушкаводства, агародніцтва, садаводства, пчальарства, рыбалоўства, промыслы, будаўніцтва, вотчынную прамысловасць². Агульная выснова манаграфіі Казлоўскага: магнатская гаспадарка «адыграла пэўную ролю ў развіцці сельскагаспадарчай і прамысловай вытворчасці Беларусі. Аднак яе рост абапіраўся на павелічэнне паншчыннай эксплуатацыі, даводзіў сялян да галечы і перашкаджаў развіццю іх гаспадаркі»³. Калі з першай часткай гэтай высновы можна пагадзіцца, нават падкарэктаваўшы «пэўную» ролю ў «значную», то другая частка ўяўляецца стэрэатыпна-дэкларатывнай і практычна неаргументаванай.

Вывучэнне аграрнай гісторыі Беларусі П. Р. Казлоўскі працягнуў манаграфіяй, якая прысвячалася землеўладанню і землекарыстанню ў Беларусі ў XVIII — першай палове XIX ст.⁴ Структура даследавання пабуда-

вана такім чынам, што дазваляе прасачыць эвалюцыю феадальнага землеўладання і сялянскага землекарыстання на працягу перыяду разлажэння прыгонніцкай сістэмы і фарміравання капіталістычнага ўкладу. Аўтар канкрэтна, у працэнтах, вызначае відавую структуру зямельнай уласнасці, пры гэтым выдзяляючы пастаянны прырытэт прыватных уладанняў. У спецыяльным параграфі «Памеснае землеўладанне і заканадаўства царызма» даследчык доказна выдзяляе тры перыяды ў палітыцы царызма ў дачыненні да беларускай шляхты ў канцы XVIII — першай палове XIX ст.

Слабым месцам аналізуемай манаграфіі Казлоўскага бачыцца недасатковая распрацоўка пытання аб сялянскім землекарыстанні. Гэтаму сюжэту, які вынесены ў заглавак, адведзена толькі чвэрць кніжнага аб'ёму. Прычым абмежаваная колькасць аб'ектаў вывучэння (37 маёнткаў на тэрыторыі Мінскай, Віленскай і Магілёўскай губерняў) прымушаюць з насцярожанасцю адносіцца да высновы, што ў канцы 50-х гадоў XIX ст. назіраецца памяншэнне плошчы зямельнага сялянскага надзела ніжэй таго ўзроўню, які неабходны для ўзнаўлення рабочай сілы сялянскай сям'і⁵.

У 1978 г. убачыла свет цікавая манаграфія З. Ю. Капыскага «Источниковедение аграрной истории Белоруссии». Хоць назва кнігі і ўсеабдымна, аднак знаёміць яна з дакументамі толькі двух фондаў (694 і КМФ-5) Нацыянальнага архіва РБ, у якіх адлюстравана становішча сялянства Беларусі ў XVI — першай палове XVII стст. Тым не менш даследаванне вельмі каштоўнае і прывабнае з таго пункту гледжання, што гэта практычна першая сур'ёзная крыніцазнаўчая праца ў беларускай гістарыяграфіі па аграрнай тэматыцы. У манаграфіі даецца канкрэтная і рознабаковая характарыстыка інвентароў і рээстраў феадальных уладанняў, касавых кніг, судовых спраў, распісак зборшчыкаў падаткаў, сялянскіх скаргаў ды інш. Праўда, характарыстыка праводзіцца толькі ўнутраная. Знешняя ж, якая б ўтрымлівала ў сабе апісанне дакумента, яго памеры, стан, якасць паперы, мовы і г. д., і якая з'яўляецца неабходным кампанентам крыніцазнаўчай працы, цалкам адсутнічае.

Трэба адзначыць, што даследаванні па аграрнай гісторыі Беларусі, якія праводзіліся ў 60—70-я гг., мелі вузкагеаграфічны падыход (П. Р. Казлоўскі — захад і цэнтр Беларусі, В. І. Мялешка — усход), ці зачыкаліся на ўладаннях той ці іншай катэгорыі феадалаў (Д. Л. Пахілевіч — дзяржаўныя, В. І. Мялешка — магнацкія і дзяржаўныя, П. Р. Казлоўскі — магнацкія, Я. Н. Мараш — царкоўныя). У комплексе па ўсім відам уладанняў ніводная з праблем не вывучалася. З поля зроку гісторыкаў-аграрнікаў выпалі маёнткі дробнай і сярэдняй шляхты, хоць гэтая катэгорыя шляхецкага саслоўя складала большасць пануючага класа (91—94 % у другой палове XVIII ст.).

У той ці іншай ступені названыя недахопы пераадольваюць даследаванні, якія распачаліся ў 80-х гг. Так, аналізу сацыяльна-эканамічнага становішча сялянства на тэрыторыі ўсёй Беларусі ў канцы XVI — першай палове XVII ст. прысвечана работа Б. З. Капыскага⁶. На праблеме эвалюцыі феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII стст. у прыватнаўласніцкіх маёнтках, у тым ліку дробнай і сярэдняй шляхты, канцэнтруе сваю ўвагу П. А. Лойка⁷. У яго манаграфіі, якая базуецца на вывучэнні 451 інвентарнага апісання па 220 уладаннях ўсёй тэрыторыі Беларусі, ва ўсёй шматскладанасці паказаны працэс фарміравання сістэмы рэнтных адносін як вынік шэрагу сацыяльна-эканамічных і палітычных абставін, што былі характэрны для Беларусі XVI—XVIII стст.

Праблеме запрыгоньвання сялянства Беларусі прысвечаны даследаванні М. Ф. Спірыдонава, ў тым ліку манаграфія «Закрепощение крестьянства Беларуси (XV—XVI вв.)», што пабачыла свет у 1993 г. Гэта сур'ёзная, комплексная праца, у якой усебакова разглядаюцца асноўныя пытанні праблемы запрыгоньвання. Указваюцца прычыны гэтай гістарычнай з'явы, аналізуецца сам працэс: метады запрыгоньвання «похожих»

людзей, пераўтварэння нявольнай чэлядзі ў прыгоннае сялянства. Аўтар пераканаўча даводзіць, што дзесяцігадовы тэрмін даўнасці быў на працягу сярэдзіны XV—XVI ст. асноўным юрыдычным прынцыпам запрыгоньвання. У манаграфіі прасочваюцца асноўныя этапы запрыгоньвання, якія звязаны з яго заканадаўчым афармленнем. Праца М. Ф. Спірыдонава безумоўна выйграла б, калі б ў ёй не быў абызены такі сюжэт, як запрыгоньванні і сялянская абшчына (грамада).

Адным з важных накірункаў вывучэння гісторыі сялянства ў 70—80-я гг. з'яўлялася даследаванне прычын, форм і метадаў класавай барацьбы прыгонных сялян супраць землеўладальнікаў. Асобныя аспекты праблемы разглядаліся ў працах П. Р. Казлоўскага, Б. З. Капыскага, М. Ф. Спірыдонава. Спецыяльныя манаграфіі па гэтым пытанні падрыхтавалі В. І. Мялешка («Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII—XVIII вв.» Мн., 1982) і В. У. Чапко («Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в.» Мн., 1972).

У даследаванні В. І. Мялешкі на новым архіўным матэрыяле аналізуюцца перадумовы антыфеадальнага руху сялянства: эканамічнае, прававое становішча прыгонных, павіннасны прыгнёт, самавольства, вымагальніцтва адміністрацыі і арандатараў маёнткаў. Аўтар вылучае тры формы класавай барацьбы сялянства: а) няўзброеныя, б) узброеныя выступленні, в) сялянскія паўстанні. У такой паслядоўнасці гэтыя формы даследуюцца ў манаграфіі.

Грунтоўная праца В. І. Мялешкі толькі б выйграла, калі б аўтару ўдалося пазбегнуць, праўда, непазбежных для свайго часу, ідэалагічных штампаў. Тую ж заўвагу можна аднесці і да манаграфіі В. У. Чапко. Па структуры гэтыя два даследаванні аналагічны, толькі накладваюцца на розную храналогію. В. У. Чапко спачатку разглядае непасрэдныя прычыны сялянскіх хваляванняў у першай палове XIX ст., а затым аналізуе формы і метады: тыя ж скаргі, уцёкі, адмовы ад выканання павіннасцей, узброеныя выступленні.

У 80-я гг. была абаронена цэлая серыя кандыдацкіх дысертацый па аграрнай тэматыцы, прычым у асноўным па перыяду канца XVIII — першай паловы XIX ст. У сваім кандыдацкім даследаванні В. А. Хілюта асвятліў праблему землеўладання і землекарыстання памешчыцкіх сялян Гродзенскай губерні ў сярэдзіне XIX ст. Даследаванне У. А. Сосны прысвечана фарміраванню саслоўя дзяржаўных сялян у канцы XVIII — першай палове XIX ст. В. Э. Загарульская разгледзела прычыны, ход і вынікі рэформы дзяржаўнай вёскі ў Беларусі. Землеўладанне і землекарыстанне сялян Беларусі ў другой палове XVI—XVIII стст. ва ўсіх рэгіёнах і ва ўсіх відах уладанняў даследаваў В. Ф. Голубеў. Яго калега Я. К. Анішчанка тэмай кандыдацкай дысертацыі выбраў зямельныя адносіны на ўсходзе Беларусі ў другой палове XVIII — пачатку XIX ст. Усебаковая характарыстыка сялянскай гаспадаркі Беларусі ў першай палове XIX ст. дадзена ў дысертацыі І. А. Груца.

Нягледзячы на плён даследаванняў вучоных-аграрнікаў, гісторыя сялянства і сельскай гаспадаркі Беларусі XV—XIX стст. яшчэ далёка не распрацавана. Недастаткова ўдзелена ўвагі даследаванню панскай гаспадаркі, адсутнічаюць спецыяльныя працы па асобных катэгорыях сялянства, не вывучана сялянская абшчына, няма дакладнага ўяўлення аб бюджэтах сялянскай сям'і, амаль не даследуюцца багатая сялянская культура.

¹ Мелешко В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII—XVIII стст.). Мн., 1975. С. 220.

² Козловский П. Г. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. Мн., 1974.

³ Там жа. С. 156.

⁴ Козловский П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII — первой половине XIX века. Мн., 1982.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ Копысский Б. З. // История СССР. 1984. № 2.

⁷ Лойка П. А. Приватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII стст. Мн., 1991.

П. И. БРИГАДИН, А. Г. КОХАНОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

The article shows the changes which had happened in the social structure of the Belarusian people under the influence of capitalist development. The article also deals with the peculiarities of this process, its complexity and unfinished nature in particular. The article is based on memories sources as well as on special research.

Бригадин Петр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени.

Автор более 40 научных публикаций, в том числе книг по истории Беларуси и политической истории: «Имена в истории», «Эсеры в Беларуси (конец XIX — февраль 1917)», «Палітычныя партыі Беларусі».

Кохановский Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени.

Автор нескольких десятков научных и научно-методических работ по истории Беларуси XIX—XX вв., культурной и социальной истории. В соавторстве опубликовал книгу «Руплівец нашай старасветчыны: Яўстах Тышкевіч» и семь учебных пособий.

В истории каждого общества можно выделить ряд важных этапов, определяющих динамику его развития. К их числу можно отнести эпоху буржуазных преобразований второй половины XIX — начала XX вв. Безусловно, попытка структуризации истории ведет к определенному схематизму и упрощению. Однако этот схематизм дает возможность вычленил наиболее существенное и характерное в том или ином историческом явлении.

В представленной статье предпринята попытка рассмотреть тенденции развития социальной структуры общества, выявить причины его противоречивости, конфликтности и нестабильности в конце XIX — начале XX в. Мы не разделяем традиционного толкования истории с позиции экономического детерминизма. Не отрицая значимости экономической составляющей исторических процессов, считаем доминантой социального организма систему реальных общественных отношений, обусловленных не только экономическими, но и политическими, юридическими и духовными факторами. При всей противоречивости эти факторы формируют социальную устойчивость общества. Гарантом ее выступает государство, обладающее монополией на легитимное насилие. Однако какой бы силой ни обладало государство, оно нуждается в социальном носителе гражданского мира. В расчет может быть взята только значительная социальная общность, обладающая известной экономической и политической силой, относительной независимостью.

На протяжении веков Российское государство формировало дворянство как стабилизирующий элемент социальной структуры. Этот класс

был возведен в ранг высшего сословия. Он являлся опорой власти, выполняя государственную служебную повинность, выступал гарантом сохранения традиций и устоев.

Наиболее полно сословные привилегии были систематизированы «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II (1785 г.). Дворянство делилось на потомственное и личное. По данным Всероссийской переписи 1897 г. в пяти белорусских губерниях насчитывалось 241 тыс. потомственных и личных дворян (вместе с членами их семей).

Во второй половине XIX в. в Беларуси наблюдалась тенденция снижения удельного веса высшего сословия. Если в начале 60-х годов дворянство в структуре населения составляло около 5 %, то в конце века — 2,9. В первую очередь, снижался удельный вес потомственных дворян. Что касается личного дворянства, то здесь бюрократизация государства, рост численности управленческого персонала вели к увеличению численности классного чиновничества, а значит, росту личного дворянства (с 22,6 тыс. человек в 1863 г. до 36 тыс. в 1897)¹.

Во второй половине XIX в. происходит сближение потомственного и личного дворянства. Однако сформировать в Беларуси единые корпоративные интересы дворянства не удалось. Дворянство Беларуси подразделялось на магнатов и многочисленную мелкую шляхту. В начале 60-х годов только 14 % потомственного дворянства владело землей и крестьянами². Остальные относились к разряду шляхты, не владевшей земельной собственностью или владевшей небольшими участками земли без крестьян. Значительная часть малоземельной и безземельной шляхты вынуждена была арендовать землю у помещиков, идти на службу, работать по найму.

Однако традиционные социальные установки и ориентации, связанные с осознанием принадлежности к высшему сословию, создавали психологический барьер в отношениях шляхты с окружающим сельским населением и замедляли процесс ее окончательного размывания. Сохранению корпоративности белорусского дворянства способствовала и правительственная политика. Она была направлена на сдерживание свободной купли-продажи земли. К 1905 г. у дворянства Беларуси сохранилось до 80 % прежних владений, в то время как в центральном районе России дворянское землевладение сократилось на 44, северном — на 52 %.

Дворяне белорусских губерний подразделялись не только по имущественному положению, но и по национальному признаку и вероисповеданию. По данным переписи 1897 г. в Беларуси 51,8 % представителей потомственного дворянства признавали своим родным языком белорусский, 32,9 — польский, 11,7 % — русский³. Среди личных дворян 50,8 % — русские, 25,9 — белорусы, 18,7 % — поляки⁴. Причем правительство проводило дифференцированную политику по отношению к многонациональному дворянству Беларуси. Для лиц польской национальности и католиков вводились ограничения на занятие выборных дворянских должностей, приобретение земельных участков, получение и размер кредитов.

Все это не содействовало сплоченности белорусской, польской шляхты и русского дворянства. Поэтому высшее сословие в Беларуси не было монолитной социальной общностью.

Ориентируясь на дворянское сословие как на наиболее влиятельную экономическую и политическую силу, царское правительство тем не менее вынуждено было пойти на проведение буржуазных реформ. В Российской империи шло формирование иных общественных отношений. Дворянство постепенно теряло свои позиции, буржуазные преобразования выдвигали на арену новые классы и социальные группы.

Во второй половине XIX в. все большую силу набирала буржуазия. Она формировалась из представителей различных сословий: дворянства, купечества, мещан, почетных граждан, крестьянства. В 1900 г. промыш-

ленная буржуазия Беларуси составила 77,1 тыс. человек, в том числе владельцы ремесленных предприятий — 58,1 тыс. человек (75,3 %), мелкокапиталистических — 17,1 тыс. человек (22,3 %), мануфактурно-фабричных предприятий — 1897 человек (2,46 %)⁵. В конце XIX в. 45 % предприятий мануфактурно-фабричной промышленности принадлежало дворянам, 30 % — купцам, 15 — мещанам, 1,5 % — крестьянам⁶.

С развитием торговли увеличилось число предпринимателей в данной отрасли экономики. Эта сфера занятий традиционно связана с купечеством. Правда, многие предприниматели-торговцы не входили в купеческое сословие. Они приобретали свидетельства на право торговли, ведение промыслов, но не выкупали гильдейских свидетельств. Тем не менее по переписи населения 1897 г. в Беларуси было зарегистрировано около 18,3 тыс. купцов.

К концу XIX в. ускоряется рост и сельскохозяйственной буржуазии. Так, на рубеже веков на долю зажиточного крестьянства Беларуси приходилось около 10 % крестьянских хозяйств или 65,7 тыс. домохозяев, а вместе с членами семей — около 400 тыс. человек. Более 2/3 из них (67,5 %) применяли наемный труд. Некоторые крестьянские хозяйства, как было зафиксировано поземельным обследованием 1905 г., по размерам не уступали помещичьим.

Процесс консолидации белорусской буржуазии не завершился к началу XX в. Этому препятствовали как сословные, так и национально-религиозные отличия. По подсчетам М. О. Бича, среди местной торгово-промышленной буржуазии белорусов насчитывалось 17 %, русских и поляков по 10, евреев — 60, прочих — 3 %⁷. Существенной была дифференциация по сфере деятельности, размерам капитала. Однако эти дезинтегрирующие компоненты все же не могли изменить общей тенденции развития класса. Происходила не только консолидация буржуазии, но и сближение ее с другими социальными группами: чиновниками, интеллигенцией.

Развитие буржуазных отношений изменяло и структуру самого многочисленного класса — крестьянства, хотя крестьянское хозяйство, обладая значительной устойчивостью на протяжении веков, сформировало достаточно однотипную социальную общность. В структуре населения Беларуси в 1897 г. крестьянство составляло 75,3 % или 6,42 млн человек⁸.

В пореформенный период усиливается дифференциация сельского населения. На рубеже XIX—XX вв. к крестьянской бедноте относились 400 тыс. безземельных и малоземельных белорусских крестьянских дворов с населением 2,8 млн человек. Из них 1,5 млн составляло трудоспособное крестьянское население⁹. В середняцких хозяйствах было сосредоточено около 33 % сельского населения. Развитие капитализма в белорусской деревне привело к формированию крупной сельской буржуазии: 5,7 % крестьянских хозяйств имели свыше 100 десятин, т. е. фактически являлись поместьями¹⁰.

Рассматривая структуру сельского населения этого периода, необходимо отметить аграрную перенаселенность деревни. Наличие избыточной рабочей силы способствовало расширению отхожих и местных промыслов. В 90-х годах количество крестьян-отходников достигло 300 тыс. человек в год. Шел процесс разложения крестьянства как сословия. В этих условиях правительственная политика была ориентирована на формирование новой социальной опоры из числа зажиточного крестьянства.

К началу XX в. увеличилась численность промышленного пролетариата Беларуси. В 1900 г. она составила 178,8 тыс. человек, в том числе 36,6 тыс. фабрично-заводских рабочих, 28,8 тыс. мануфактурных, 116,4 тыс. пролетариев, занятых в ремесленном и мелком производствах. Почти половина фабрично-заводского пролетариата Беларуси была сосредоточена в сельской местности. В городах и местечках находились рабочие располагавшихся здесь наиболее крупных заводов и мануфактур, а также

наемные работники мелких предприятий. Крупных центров сосредоточения пролетариата в Беларуси второй половины XIX в. не было. Это во многом связано со специализацией белорусской промышленности на обработке местного сельскохозяйственного, лесного, минерального сырья. Предприятия, расположенные в деревне, часто работали только в определенный сезонный период.

К концу XIX в. в Беларуси насчитывалось примерно 25 тыс. рабочих-железнодорожников, 130 тыс. батраков, 150 тыс. наемных работников, занятых в строительстве, на транспорте (водный, гужевой), в сфере торговли, бытового обслуживания, на погрузочно-разгрузочных работах и т. д. Большинство рабочих последней группы были сезонными, основной сферой приложения их труда было сельское хозяйство. В целом, в конце XIX в. число постоянных наемных рабочих в Беларуси составляло около 500 тыс. человек.

Пролетариат Беларуси формировался преимущественно из местного населения. Среди рабочих и прислуги, учтенных переписью 1897 г., 86,8 % составляли уроженцы той губернии, где они трудились в момент демографического обследования. Около 5 % пролетариев были выходцами из других белорусских губерний.

Рабочий класс Беларуси был многонациональным. Большинство рабочих, занятых в сельском хозяйстве, на лесосплаве, строительных работах, а также промышленных предприятиях, расположенных в сельской местности, составляли белорусы. Среди пролетариев мелких и средних промышленных предприятий городов и местечек, в сфере торговли и обслуживания преобладали евреи. На крупных предприятиях, железнодорожном транспорте большинство рабочих были белорусами и русскими.

Незавершенность процессов буржуазной структуризации общества на рубеже XIX—XX вв., во многом их переходный характер придавали неопределенность эволюции социальной структуры населения. Этот процесс был непредсказуем и вследствие действия ограничительных законов самодержавия в белорусских губерниях. Противоречивость и отчасти конфликтность отношений в социальной структуре общества на рубеже столетий свидетельствовали о назревании опасной напряженности в государстве.

¹ См.: Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 300—301.

² См.: Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. Опыт статистического анализа. М., 1973. С. 104.

³ Подсчитано на основании данных: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1903. Вып. 4. Виленская губерния. Тетрадь 3; СПб., 1903. Вып. 5. Витебская губерния. Тетрадь 3; СПб., 1903. Вып. 11. Гродненская губерния. Тетрадь 3; СПб., 1903. Вып. 12. Минская губерния; СПб., 1903. Вып. 23. Могилевская губерния.

⁴ Там же.

⁵ Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии в 1861—1900. Мн., 1978. С. 122—123.

⁶ Там же. С. 118—119, 206 и след.

⁷ Бич О. М. Рабочее движение в Белоруссии в 1861—1904 гг. Мн., 1983. С. 32.

⁸ Подсчитано по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 4, 5. Тетрадь 1. Табл. 6; Вып. 9, 22, 23. Табл. 8.

⁹ Панютин В. П. Наемный труд в сельском хозяйстве Беларуси 1861—1914 гг. Мн., 1996. С. 35—36.

¹⁰ Подсчитано по данным: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 11. Гродненская губерния; СПб., 1906. Вып. 15. Могилевская губерния; СПб., 1906. Вып. 19. Минская губерния; СПб., 1907. Вып. 27. Витебская губерния; СПб., 1906. Вып. 34. Виленская губерния.

В. С. СТЕПИН

БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПОИСК НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СТРАТЕГИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Problems of genesis and dynamics of technogenic civilization, its specific peculiarities and forms of interrelation with traditional types of socio-cultural systems are investigated in the article.

A great attention is paid to the analysis of technogenic culture's values and their transformation under the influence of social and intrascientific processes and factors.

Степин Вячеслав Семенович, доктор философских наук, профессор, директор института философии Российской Академии наук, действительный член РАН, почетный академик АН Беларуси и многих зарубежных академий и научных обществ.

Автор более 200 научных трудов по проблемам философии и методологии науки, философской антропологии и социальной философии, многие из которых переведены на иностранные языки и пользуются известностью у зарубежных специалистов.

Выпускник Белгосуниверситета В. С. Степин с 1981 по 1987 г. заведовал кафедрой философии БГУ.

Термин «цивилизация» может употребляться в разных смыслах. Он применяется для обозначения как типов общества, так и типов развития, связанного с накоплением достижений, обеспечивающих бытие и развитие человека (техничко-технологического прогресса, достижений культуры), т. е. всего, что способствует движению человека по ступеням духовного и социального совершенствования.

В истории человечества, после того как оно вышло из стадии варварства и дикости, существовало множество цивилизаций — конкретных видов общества, каждое из которых имело самобытные черты. Известный историк и философ А. Тойнби выделил и описал 21 цивилизацию. Все они могут быть разделены на два больших класса соответственно типам цивилизационного развития — на традиционные общества и техногенную цивилизацию.

Два последних столетия человеческой истории определял прогресс техногенной цивилизации, которая активно завоевывала себе все новые социальные пространства. Этот тип цивилизационного развития сформировался в европейском регионе в эпоху становления раннего капитализма. Его часто называют западной цивилизацией. Но учитывая, что он реализуется в различных вариантах как на Западе, так и на Востоке, я использую его для обозначения понятия «техногенной цивилизации», поскольку ее важнейшим признаком является ускоренный научно-технический прогресс.

Ей предшествовал исторически первый и более ранний тип цивилизационного развития — традиционное общество. Древняя Индия и Ки-

тай, Древний Египет и государство Майя, славянский и арабский мир в средние века и т. д. — все это образцы традиционных обществ. Этот тип цивилизационного развития сохраняется и после становления техногенной цивилизации. Образцы традиционных обществ можно обнаружить даже в XX столетии: к ним относятся некоторые страны третьего мира, вступающие на путь индустриального развития.

Традиционный и техногенный пути развития радикально отличаются друг от друга. Для традиционных обществ характерны замедленные темпы социальных изменений. Инновации как в сфере производства, так и в сфере регуляции социальных отношений допускаются только в рамках апробированных традиций. Прогресс идет очень медленно по сравнению со сроками жизни индивидов и даже поколений. Виды деятельности, средства и цели иногда столетиями не меняются в этих типах цивилизаций. Соответственно в культуре приоритет отдается традициям, канонизированным стилям мышления, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков.

Напротив, в техногенной цивилизации темпы социального развития резко ускоряются, экстенсивное развитие сменяется интенсивным. В культуре высшей ценностью становятся инновации, творчество, формирующие оригинальные идеи, образцы деятельности, целевые и ценностные установки. Традиция должна не просто воспроизводиться, а постоянно модифицироваться под влиянием инноваций.

Главным фактором, который определяет процессы изменений социальной жизни, становится развитие техники и технологии. Так возникает развитие, основанное на ускоряющемся изменении предметной среды, непосредственно окружающей человека. В свою очередь, активное обновление предметной среды приводит к ускоряющимся трансформациям социальных связей. В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет типы общения и формы коммуникации людей, в ней на протяжении жизни одного поколения может радикально трансформироваться система социальных связей, виды деятельности, их средства и ценностно-целевые структуры.

Возникновение техногенной цивилизации было подготовлено рядом мутаций традиционных культур. Первая из них произошла в античную эпоху и была связана с культурой античного полиса, который хотя и принадлежал к традиционным обществам, но был его особым видом. Полис породил множество цивилизационных изобретений, но важнейшими предпосылками будущего прогресса было возникновение теоретической науки и опыта демократической регуляции социальных отношений.

Второй значимой мутацией в истории традиционных культур, оказавшей воздействие на становление техногенной культуры, было возникновение христианской традиции со свойственным ей пониманием человека как созданного по образу и подобию Бога, с культом любви к человеку-богу Христу, с трактовкой человеческого разума как малой копии божественного разума, способного понять замысел божественного творения.

Синтез достижений античной культуры с христианской культурной традицией в эпоху Ренессанса и последующее развитие этих идей в эпоху Реформации и Просвещения сформировали систему ценностей техногенной цивилизации, ее мировоззренческих ориентиров. Они составляют своего рода «культурную матрицу», нечто вроде генома данного типа цивилизации, обеспечивающего воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. Они выражены в понимании того, что есть человек, природа, пространство и время, космос, мысль, человеческая деятельность, власть и господство, совесть, честь, труд и т. п.

Системы фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров, составляющие основания культуры, могут модифицироваться и

варьироваться в различных видах общества, в различных национальных культурах, сохраняя тем не менее ряд общих признаков, свойственных соответствующему типу цивилизационного развития.

В системе ценностных приоритетов техногенной культуры человек понимается как активное существо, которое находится в деятельностном отношении к миру. Деятельность человека должна быть направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь природы, которую человек должен подчинить своей власти.

Идея преобразования мира и подчинения человеком природы была доминантой в культуре техногенной цивилизации на всех этапах ее истории вплоть до нашего времени. Если угодно, эта идея была важнейшей составляющей того «генетического кода», который определял само существование и эволюцию техногенных обществ.

Что же касается традиционных обществ, то здесь деятельностное отношение к миру понималось и оценивалось с принципиально иных позиций. Принципу преобразующего деяния, сформулированному в европейской культуре в эпоху Ренессанса и Просвещения, можно противопоставить в качестве альтернативного принцип древнекитайской культуры «у-вэй», требующий невмешательства (или минимального вмешательства) в протекание природных процессов. Для традиционных земледельческих культур подобные принципы играли важную регулирующую роль. Они ориентировали на приспособление к внешним природным условиям, от которых во многом зависят результаты земледельческого труда. В китайской культуре хорошо известна притча, высмеивающая человека, который потерял терпение и проявлял недовольство тем, что злаки растут медленно, и, желая ускорить их рост, стал тянуть их за верхушку и в конце концов выдернул их из грядки¹.

Вместе с тем принцип «у-вэй» выступал особым способом включения индивида в социальные структуры, которые традиционно воспроизводились на протяжении жизни ряда поколений. Он выражал установку на адаптацию к сложившейся социальной среде, исключал стремление к ее целенаправленному преобразованию, требовал самоконтроля и самодисциплины индивида, включающегося в ту или иную корпоративную структуру.

Ценности техногенной культуры задают принципиально иной вектор человеческой активности. Преобразующая деятельность рассматривается здесь как главное предназначение человека. Причем деятельностно активный идеал отношения человека к природе распространяется и на сферу социальных отношений, рассматриваемых в качестве особых социальных объектов, которые может и должен целенаправленно преобразовывать человек.

С пониманием деятельности тесно связан второй аспект ценностных и мировоззренческих ориентаций, который характерен для культуры техногенного мира, — понимание природы как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познающее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними процессами и объектами, поставить их под свой контроль. При этом неявно предполагалось, что природа — неисчерпаемая кладовая ресурсов, из которой человек может черпать бесконечно. Надо только изобрести какую-то хитрость, чтобы искусственно изменить природный процесс и поставить его на службу человеку, и тогда укрощенная природа будет удовлетворять человеческие потребности во все расширяющихся масштабах. Людям, воспитанным в системе ценностей техногенной культуры, долгое время это понимание природы казалось самоочевидным. Но человек традиционного общества никогда не принял бы его в качестве смыслозначимого ориентира. Он не противопоставлял себя природному миру и не рассматривал его как обезличенное предметное поле, управляемое объективными законами: мир воспринимался им как живой организм, дуально не

расчленимый на природный и человеческий, а составляющий органическое целое, все части которого скоррелированы и влияют друг на друга. В древнекитайской традиции даже считалось, что безнравственное поведение властителей способно вызвать природные катаклизмы. А поэтому засухи, наводнения и землетрясения часто воспринимались как свидетельства неправильного правления и могли служить поводом для народных восстаний.

В качестве третьего важнейшего компонента в системе ценностных приоритетов техногенной цивилизации можно выделить идеал автономии личности. Деятельность и активность человека рассматриваются как реализация творческих возможностей свободной личности. Коллективный субъект деятельности с позиций этого идеала должен предстать в качестве результата соглашения суверенных личностей (идея общественного договора).

В традиционных культурах ценность индивида и личных свобод либо вообще не выдвигалась, либо уходила на второй и третий планы в иерархии ценностей. Личность в традиционных обществах реализовывалась только через принадлежность к некоторой корпорации и чаще всего жестко закреплялась в той или иной социальной общности.

Человек, не включенный в корпорацию, утрачивал качества личности. Причем ему предоставлялось совсем немного возможностей свободно изменить свою корпоративную связь. Подчиняясь традициям и социальным обстоятельствам, он зачастую уже с рождения был закреплен за определенным местом в кастово-сословной системе, ему предстояло усвоить определенный тип профессиональных навыков, продолжая эстафету традиций.

Что же касается техногенной цивилизации, то в ней доминируют иные идеалы — возможность индивида включиться в самые различные социальные общности и корпорации. Человек становится суверенной личностью именно благодаря тому, что он жестко не привязан к той или иной конкретной социальной структуре, не сращен с ней, а может и способен гибко строить свои отношения с другими людьми, погружаясь в различные социальные общности, а часто в разные культурные традиции.

В качестве четвертого важнейшего компонента культурной матрицы техногенных обществ отмечу особое понимание власти, силы и господства над природными и социальными обстоятельствами. Пафос преобразования мира порождал особое отношение к идеям господства силы и власти. В традиционных культурах они понимались прежде всего как непосредственная власть одного человека над другим. В патриархальных обществах и азиатских деспотиях власть и господство распространялись не только на подданных государя, но и осуществлялись мужчиной, главой семьи, над женой и детьми, которыми он владел так же, как царь или император телами и душами своих подданных.

Традиционные культуры не знали автономии личности и идеи прав человека. Как писал А. И. Герцен об обществах древнего Востока, человек здесь «не понимал своего достоинства: оттого он был или в прахе валяющийся раб или необузданный деспот»².

В техногенном мире также можно обнаружить немало ситуаций, в которых господство осуществляется как сила непосредственного принуждения одного человека другим. Однако отношения личной зависимости перестают здесь доминировать и подчиняются новым социальным связям, которые К. Маркс назвал отношениями вещной зависимости. Их сущность определена всеобщим обменом результатами деятельности, приобретающими форму товара.

Власть и господство в этой системе отношений предполагает владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент). В результате в культуре техногенной цивилизации происходит своеобразное смещение

акцентов в понимании предметов господства силы и власти — от человека к произведенной им вещи. В свою очередь, эти новые смыслы легко соединились с идеалом деятельностно-преобразующего предназначения человека. Сама преобразующая деятельность расценивается как процесс, обеспечивающий власть человека над предметом, господство над внешними обстоятельствами, которые человек призван подчинить себе.

Пятой важной составляющей в интересующей нас системе ценностей техногенной цивилизации является особая ценность научной рациональности, научно-технического взгляда на мир, ибо научно-техническое отношение к миру является базисным для его преобразования. Оно создает уверенность в том, что человек способен, контролируя внешние обстоятельства, рационально устроить природу, а затем и саму социальную жизнь.

Все эти мировоззренческие установки конкретизировались в целом ряде смыслов других ценностей и менталитетов техногенной культуры: в отношении к инновациям, творчеству и прогрессу как высшим ценностям, в понимании и переживании времени как необратимого движения от прошлого через настоящее в будущее*, в представлениях о свободе, добре и зле, добродетели и труде и т. д.

Успехи техногенной цивилизации в технико-технологических инновациях, в улучшении образа жизни людей, в ее победоносном шествии по всей планете порождали представление, что именно она является магистральным путем развития человечества. Еще пятьдесят лет назад мало кто полагал, что сама линия техногенного прогресса и ее система ценностей приведут человечество к критическим рубежам, что резервы цивилизационного развития этого типа могут быть исчерпаны. Это обнаружилось только во второй половине нашего столетия, когда глубочайшие глобальные кризисы (экологический, антропологический и др.) заставили критически отнестись к прежним идеалам прогресса.

Человечеству, столкнувшемуся в конце XX столетия с новыми проблемами выживания, осталось немного времени на размышления. Оно не может продолжать свое развитие на прежних путях, заложенных в культурных матрицах техногенной цивилизации. Сейчас в мире идет напряженный поиск новых путей развития, новых человеческих ориентиров. Поиск осуществляется в различных областях человеческой культуры: философии, искусстве, религиозном постижении мира, науке. Речь идет о фундаментальных основаниях человеческого бытия, о выработке новых ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества. Необходим пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека.

Предпосылки для новой мировоззренческой ориентации создаются сегодня внутри самой техногенной цивилизации, на переходе ее от индустриального к постиндустриальному развитию.

Можно выделить две основные точки роста нового отношения к миру, который диктуется ситуациями современных социальных изменений. Первая из них связана с глобализацией человечества, возрастающей целостностью и взаимозависимостью отдельных стран и регионов, образующих человеческое сообщество. Локальные истории отдельных народов, стран, религий постепенно сливаются в единый поток всемирной

---

* Для сравнения напомним, что в большинстве традиционных обществ время понималось и переживалось как циклическое, а золотой век относился не к будущему, а к прошлому, в котором жили герои и мудрецы, положившие начало традиции. Напомним также, что инновационная деятельность в традиционных культурах, как правило, не воспринималась в качестве высокой ценности, что творчество понималось как следование традиции и что идея прогресса никогда не была доминирующей ценностью в этих культурах.

человеческой истории. В условиях интеграции и возрастающего разнообразия мира сталкиваются и вступают в диалог различные культурные традиции. Перед лицом глобальных опасностей человечество ищет новые стратегии социализации человека и его воспитания в духе толерантности, уважения к достижениям различных культур. Возрастает роль консенсуса, поиск согласия при решении конфликтных проблем, ибо локальные конфликты, если они втягивают все расширяющиеся противоборствующие силы, чреваты перерастанием в глобальный конфликт.

Все это постепенно формирует в качестве основной стратегии социальной жизни идеалы ненасилия и приоритета общечеловеческих ценностей. Стратегия ненасилия — это не благая мечта, а парадигма выживания человечества. Но она затрагивает всю систему ценностей техногенной цивилизации. Она означает пересмотр идеала силы и власти, господства над объектами, обстоятельствами, социальной средой, требуя критического анализа всей новоевропейской культурной традиции.

Предпосылки новых стратегий жизнедеятельности возникают не только в сфере социальных, политических и духовных отношений между различными социальными группами, странами и народами глобализируемого человеческого мира. Не менее важно, что эти предпосылки обнаруживаются в сфере самого научно-технического прогресса, который является сердцевинной существования и развития техногенной цивилизации. Эти предпосылки можно зафиксировать как вторую точку роста новых мировоззренческих ориентаций.

Современная наука и техника, образуя общую установку на преобразование объективного мира, втягивает в орбиту человеческого действия принципиально новые типы объектов: сложные, саморазвивающиеся системы, в которые включен сам человек. Их развитие сопровождается прохождением системы через особые состояния неустойчивости (точки бифуркации), и в эти моменты небольшие случайные воздействия могут привести к появлению новых структур, новых уровней организации системы, которые воздействуют на уже сложившиеся уровни и трансформируют их.

Преобразование и контроль за саморазвивающимися объектами уже не могут осуществляться только за счет увеличения энергетического и силового воздействия на них. Простое силовое давление на систему часто приводит к тому, что она просто-напросто «сбивается» к прежним структурам, потенциально заложенным в определенных уровнях ее организации, но при этом может не возникнуть принципиально новых структур³. Чтобы вызвать их к жизни, необходим особый способ действия: в точках бифуркации иногда достаточно небольшое энергетическое «воздействие-укол» в нужном пространственно-временном локусе, чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации с новыми структурами.

Саморазвивающиеся «синергетические» системы характеризуются принципиальной открытостью и необратимостью процессов. Взаимодействие с ними человека таково, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. В этом смысле человек уже не просто противостоит объекту как чему-то внешнему, а превращается в основную часть системы, которую он изменяет. Включаясь во взаимодействие, он уже имеет дело не с жесткими предметами и свойствами, а со своеобразными «созвездиями возможностей». Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы. Причем сам выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан. Поэтому в деятельности с саморазвивающимися «синергетическими» системами особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия.

С такого типа системами человек сталкивается сегодня в самых различных областях научно-технического прогресса. Они начинают постепенно занимать центральное место среди объектов научного познания и не только в гуманитарных, но и в естественных науках.

Одновременно происходят сдвиги в современной технической деятельности, ориентированной на применение компьютерных систем, новых гибких технологий, биотехнологий. Инженерная деятельность и техническое проектирование все чаще имеют дело уже не просто с техническим устройством или машиной, усиливающими возможности человека, и даже не с системой «человек-машина», а со сложными системными комплексами, в которых увязываются в качестве компонентов единого целого технологический процесс, связанный с функционированием человеко-машинных систем, локальная природа экосистем (биогеоценоз), в которую данный процесс должен быть внедрен, и социокультурная среда, принимающая новую технологию.

Весь этот комплекс в его динамике предстает как особый развивающийся объект, открытый по отношению к внешней среде и обладающий свойствами саморегуляции. Он внедряется в среду, которая, в свою очередь, не просто выступает нейтральным полем для функционирования новых системных технологических комплексов, а является некоторым целостным живым организмом. Именно так представляет современная наука глобальную экосистему-биосферу, и потому технологические новации уже нельзя представлять как переделку природного материала, который противостоит человеку. Ведь если человек включен в биосферу как целостную саморазвивающуюся систему, его деятельность может отрезонировать не только в ближайших, но и в отдаленных участках системы, и в определенных ситуациях вызвать ее катастрофическую перестройку как целого. Поэтому неизбежны определенные ограничения человеческой деятельности, ориентированные на выбор только таких возможных сценариев изменения мира, в которых обеспечиваются стратегии выживания.

Все эти новые тенденции и новые стратегии жизнедеятельности закладывают основы особого типа цивилизационного прогресса, который, по-видимому, будет отличаться от предшествующего ему техногенного развития. Сейчас трудно конкретизировать в деталях пути и способы будущих изменений глубинных ценностей техногенной культуры, но то, что эти изменения уже начались, можно зафиксировать как исторический факт. Их систематическое исследование в философии выступает важнейшим проявлением ее способности не только устанавливать связи с прошлым уже осуществившихся мировоззренческих сдвигов, но и активно участвовать в поиске мировоззренческих ориентаций будущего.

¹ Притча описана в китайской философской литературе царства Сун. См.: Н и д а м Д ж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966. С. 155.

² Г е р ц е н А. И. Письма об изучении природы. М., 1949. С. 84.

³ См.: К у р д ю м о в С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990.

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: МЕТАМОРФОЗЫ ДИАЛОГА

The different aspects of interrelation between philosophy and science, their modification under the influence of social and cultural factors are considered in the article. A special attention is paid to the argumentation of the conclusion that philosophy should be estimated as an unique means of adaptation of new scientific ideas and principles in the cultures of not just traditional and industrial, but also post-industrial society.

Зеленков Анатолий Изотович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки Белгосуниверситета, лауреат премии имени В. И. Пичеты, действительный член Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург) и Украинской Академии политических наук.

Автор более 100 научных трудов по проблемам философии, социальной экологии и методологии науки, многие из которых получили высокую оценку в стране и за рубежом.

В 1993 г. решением Международного биографического центра при Кембриджском университете (Англия) удостоен Почетной Награды XX столетия за достижения в области философии и методологии науки.

Непредвзятый взгляд на обозначенную проблему обязывает начать с вопроса, который давно уже стал сакраментальным как для философии, так и для науки. В чем истоки и причины той взаимной притягательности, которую они демонстрируют на протяжении многих веков, почему их диалог неизбежно воспроизводится, переходя от фазы драматических конфликтов и отчужденности к периодам гармоничного сосуществования и конструктивного взаимодействия? Безусловно, ответ на этот вопрос не может быть сформулирован в виде универсального алгоритма, поскольку и наука, и философия — феномены исторические, возникающие в определенных социокультурных обстоятельствах и испытывающие на себе влияние этих обстоятельств.

Как известно, философское сознание в его достаточно развитых формах возникло более двух с половиной тысячелетий тому назад, в эпоху перехода от мифа к логосу.

Наука же в ее современном понимании оформляется гораздо позднее и приобретает статус одной из важнейших форм западноевропейской культуры в период XVI—XVII столетий. С момента возникновения она недвусмысленно заявляет о претензии обосновать такую картину мира, в которой нет места субъективно-личностным смыслам и ценностным предпочтениям человека, где доминирует принцип объективно-истинного познания природы, общества и человеческой субъективности.

Возникнув как органичный компонент социокультурной реальности Нового времени, наука предметно воплотила волю к власти человека над природой и социальным миром. Не случайно в этот период Ф. Бэкон формулирует свою знаменитую метафору, уподобляя научное знание силе. «Знание и могущество человека совпадают...»¹

В это время разрушения средневековой картины мира и торжества научной рациональности экспансия научного разума, кажется, не знает пределов. Философия, которая еще вчера была синонимом рациональности и всякого позитивного знания, утрачивает свои преимущества и привлекательность перед лицом бурно прогрессирующего научного знания. Кажется, что ей уже навсегда уготована участь короля Лира, которая, по меткому замечанию В. Виндельбанда, исчерпывающим образом характеризует судьбу философии после великой интеллектуальной революции, давшей миру классическое естествознание.

Однако дальнейший ход событий развеял эти иллюзии и за более чем 300-летнюю историю европейская наука прошла непростой путь социализации, по-разному выстраивая свои отношения с философией.

Большинство современных исследователей выделяют четыре основных этапа социального развития европейской науки. Первый — от XV до XVIII века — романтический или ювенольный период ее развития, которому соответствует время становления рыночной экономики и первоначального накопления капитала. В этот период наука перестает быть частным «любительским» занятием, она становится профессией. Идет дестракилизация познавательной деятельности, отстраивается дисциплинарная структура науки. Образование все более очевидно ориентируется на стандарты научного освоения реальности.

Второй — классический период, завершающийся к концу XIX столетия, связан с утверждением капиталистических отношений и интенсивным развитием машинного производства. В это время создаются фундаментальные естественнонаучные теории, наука все более определенно обнаруживает свой социально-экономический статус и привлекается на службу государству.

Следующий, неклассический период, включающий примерно две первых трети XX столетия, характерен тем, что в это время возникает и оформляется так называемая «Большая наука». В эту эпоху происходит целая серия революционных перемен в различных областях знания. В физике создаются релятивистская и квантовая теории, в космологии — концепция нестационарной Вселенной. Становление генетики радикально революционизирует биологическое познание, существенный вклад в формирование современной научной картины мира вносят кибернетика и теория систем. Все это приводит к фронтальному освоению научных идей в социальной практике и индустриальных технологиях.

Наконец, начиная с 60-х годов XX века, наука переходит в четвертую стадию своей исторической эволюции, все более очевидно приобретая черты новой постнеклассической науки. В этот период происходит революция в самом характере научной деятельности, связанная с радикальными изменениями в средствах хранения и получения знаний. Наряду с информационной революцией современную науку качественно характеризуют междисциплинарная ориентация и проблемно ориентированный научный поиск.

Реализация комплексных научных программ типа международной космической программы, проекта «геном человека», программы экологического мониторинга порождает принципиально новые ситуации сращения в единой системе деятельности теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний.

Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные природные и социальные комплексы, в которые в качестве неотъемлемого компонента включается сам человек. Примерами таких «человекообразных» систем могут служить экосистемы, включая биосферу в целом, медико-биологические и биотехнологические объекты, системы искусственного и интегрального интеллекта и т. д. Столь впечатляющее и интенсивное вторжение науки в мир человекообразных систем создало принципиально новую ситуацию, которая выдвигает в повестку дня комплекс сложных мировоззренческих вопросов о смысле и ценности самой науки, о перспективах ее прогрессивного развития и взаимодействии с другими формами культуры. В этих условиях вполне правомерно ставить вопрос о реальной цене научных инноваций, о возможных последствиях их внедрения в структуру человеческого общения, материального и духовного производства.

Такой вопрос тем более актуален, поскольку все чаще современной науке вменяют в вину дестабилизацию общества, появление глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество на исходе XX столетия.

Осознание сложности и глобального характера этих проблем вызвало к жизни новые подходы и концепции в области философско-мировоззренческого анализа науки. Можно сказать, что кризисные процессы в сфере научной рациональности стимулировали своеобразный ренессанс философского сознания, призванный компенсировать всевозрастающие потери в области смысла и целей происходящих изменений, их человеческого и нравственного измерения.

Реакция философии на интенсивные процессы социализации науки и радикальное изменение ее предметного поля была достаточно бурной и обнаружила себя в весьма широком спектре идей и концепций, посвященных роли научного познания в культуре XX столетия. Среди них значительное место принадлежит пессимистическим концепциям, представляющим науку как угрозу цивилизации и гуманистическим ценностям европейского либерализма. В современной философии нет недостатка в пессимистических суждениях по поводу перспектив развития научного разума и форм его объективации в технологиях материального и духовного производства. Достаточно вспомнить «Закат Европы» О. Шпенглера, «Разочарования в прогрессе» Р. Арона, «Пределы роста» Д. Меддоуза и многие другие работы западных философов и мыслителей.

Очевидную дань идеям антисциентизма и культурного пессимизма отдали М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, З. Фрейд, Н. Бердяев и др. Все они предрекали моральную и культурную деградацию европейского общества, если репрессивная мощь науки не будет нейтрализована в процессе переосмысления целей и ценностей социального развития. Типичным примером откровенного разочарования в социокультурных возможностях современной науки является позиция известного американского культуролога и философа Т. Розака, который поставил перед собой задачу развенчать миф о научном прогрессе как необходимом и достаточном источнике позитивной социальной перспективы. «У человечества никогда не было столько силы, столько знаний, богатства, динамизма, и тем не менее оно катастрофически близится к своему концу, причем этот геноцидный конец... мы сами изображаем в ореоле Прометеевой славы»², — замечает он.

Подобные пессимистические признания все чаще выступают своеобразным рефреном многочисленных философско-футурологических исследований. Однако такая характеристика науки, выраженная в откровенно эсхатологических прогнозах, далеко не исчерпывает всего спектра реакций современного философского сознания на очевидные изменения в отношениях между наукой и культурой, интеллектуальными и нравственными ценностями. Наряду с различными гуманистическими утопиями, связывающими перспективы успешной социализации науки с глубинными изменениями человеческой природы, в современной философии развиваются и более реалистические концепции, базирующиеся на традициях методологического анализа научного познания в рамках собственно философии науки.

Последняя являет собой весьма специфический раздел философского знания. В ней больше, чем в других ее разделах, доминируют принципы аналитичности, строгого профессионального мышления, глубокой научной обоснованности важнейших постулатов и положений. Успешно работать в этой области можно лишь при условии существования особой интеллектуальной атмосферы, в которой непреложными ценностями являются верность традициям научного разума, творческая продуктивность и самокритичность мысли, ясность и обоснованность выдвигаемых гипотез и концепций.

В достаточно систематической форме философия науки впервые развивается в рамках позитивистской традиции, а в первой половине XX столетия — под очевидным влиянием неопозитивистской программы анализа научно-познавательной деятельности.

В трудах представителей Венского кружка, американских исследователей Э. Нагеля и Г. Маргенау, Л. Витгенштейна и Б. Рассела была разработана так называемая «стандартная концепция» научного познания, основной целью которой провозглашалась задача логической реконструкции языка науки как чистой статичной сущности. Одна из важнейших характеристик этой концепции — утверждение о принципиальной демаркации науки и метафизики, иными словами — очищение реального научного знания от всяких философских и социокультурных компонентов. Тезис о том, что наука сама себе философия, приобретал характер программной декларации.

Однако реальный научный прогресс и активная социализация науки показали несостоятельность подобных позитивистских амбиций. В 50—60-е гг. XX столетия в работах К. Поппера, У. Куайна, Т. Куна, И. Лакатоса начинается активная критика неопозитивистской доктрины научного знания и обосновывается ее бесперспективность как программы исследования актуальных проблем научного познания.

Философия науки переходит в новую, постпозитивистскую, фазу развития. В 60—90-е гг. в зарубежной и отечественной философской литературе было выработано несколько более или менее целостных концепций структуры и динамики науки. Одной из самых известных и популярных среди них является постпозитивистская модель, разработанная в рамках так называемой генетической школы в философии науки. Это достаточно широкое течение современной западной философско-методологической мысли, объединившее под своей эгидой таких весьма различных представителей, как К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, Ст. Тулмин, П. Фейерабенд и многие другие.

Не менее известны структуралистская концепция научного познания (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида), герменевтическая интерпретация языка науки и форм его опосредования в культуре (Г. Гадамер, П. Рикер, К.-О. Аппель).

Хотелось бы особо отметить и то обстоятельство, что немаловажный вклад в развитие современной философии науки внесли и отечественные философы и методологи. Среди них достойное место занимают и исследователи Белгосуниверситета, продолжающие работу в той парадигме, которая была обоснована в трудах В. С. Стёпина.

Вкратце характеризуя важнейшие, актуальные проблемы, свойственные для большинства современных концепций философии науки и радикально отличающие их от предшествующих философско-методологических моделей, необходимо отметить следующее.

Прежде всего, для современной философии науки типична установка на исследование ценностных, социокультурных факторов научного познания и синтез методологических, исторических, психологических и других аспектов научно-познавательной деятельности. Будучи погруженной в систему культуры, наука обретает очевидную мировоззренческую размерность и вопрос о целях и смысле научного творчества выдвигается в число наиболее важных проблем современных науковедческих исследований. И если раньше философия науки рассматривалась и зачастую оценивалась как признак некой интеллектуальной респектабельности, то сегодня она становится одним из необходимых условий адекватного ответа на вопрос о стратегических приоритетах развития современной науки.

Конечно, философам не следует забывать, что основной целью науки является продуцирование новых, объективно-истинных, знаний о мире. Поэтому анализ логических внутринаучных механизмов познания как был, так и остается важнейшей задачей философии науки.

Фундаментальной особенностью новейших философско-методологических концепций является трактовка науки как динамично развивающейся системы знаний и духовного производства. Проблематика рос-

та знаний и научных революций сегодня — одна из самых актуальных для философии науки.

В классической науке рациональность отождествлялась с вневременностью и равновесием. Понятное в ней идентифицировалось с неизменным и стабильным, поскольку основная цель состояла в описании некоего фундаментального уровня бытия природы и интерпретации его как универсальной основы для объяснения всех возможных взаимодействий в природных и социальных системах. Именно поэтому, характеризуя классическую науку, А. Эйнштейн заметил, что для нее время есть иллюзия.

В современной науке идеи историзма и эволюции активно проникают не только в биологию, астрономию, геологию, но и весьма интенсивно осваиваются физикой. Представления об исторической эволюции физических объектов постепенно входят в картину физической реальности, с одной стороны, через развитие современной космологии, а с другой, — благодаря разработке идей термодинамики неравновесных процессов и синергетики. Естественно, философия науки не может остаться безучастной к этим фундаментальным сдвигам в современной научной картине мира.

Существенно влияют на ее концептуальные ориентации и те процессы, которые получили название информационной революции. По данным ЮНЕСКО, более половины занятого населения индустриально развитых стран уже принимает непосредственное и косвенное участие в производстве и распространении информации. За последнее десятилетие XX века совокупный объем знаний современного человечества увеличился вдвое, а поток информации — более чем в 30 раз. По мнению многих экспертов, информационная революция, происходящая в мире, является не только важнейшей особенностью современного технологического переворота, но и создает необходимые предпосылки для самых радикальных изменений в сознании и человеческой духовности.

Важно подчеркнуть, что анализ взаимодействия философского сознания и научного разума, безусловно, актуален в современных условиях, когда, казалось бы, общество волнуют проблемы иного порядка, связанные с необходимостью адаптироваться к новым реалиям и условиям жизнедеятельности на исходе XX столетия. Тем не менее академическая дискуссия о путях и методах развития современной науки, о судьбах и перспективах научной рациональности весьма уместна именно сегодня, когда на нас обрушилась лавина критики науки и научного разума. Популяризация околonaучных мифов и политической конъюнктуры — явления чрезвычайно коварные и опасные, свидетельствующие о растерянности сознания и болезни духа. В этом контексте представляется весьма уместным привести известное высказывание М. Вебера о том, что в эпохи кризисов общество, как правило, разделяется на две неравные части. Большинство, не находя душевных сил и интеллектуальной энергии, впадает в отчаяние и предпочитает ужасный конец. Но всегда находятся люди, которые способны выносить ужас без конца, демонстрируя классические образцы интеллектуального мужества, верность нравственному и профессиональному долгу. Именно их усилия и конструктивная работа открывали обществу новые перспективы и создавали предпосылки для выхода из кризисных ситуаций. Самой историей научное сообщество призвано быть средоточием такой позитивной работы.

Таким образом, вывод о социальной и методологической плодотворности диалога между философией и наукой является достаточно очевидным. Едва ли возможно обосновать перспективную стратегию социокультурной динамики без сохранения и развития традиций аналитического мышления, что с необходимостью означает непреходящую актуальность теоретического взаимодействия и взаимопроникновения философии и науки.

В. Т. НОВИКОВ, Я. С. ЯСКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: СПЕЦИФИКА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

The article is aimed at considering some aspects of the social and humanitarian knowledge, its mechanisms and development trends. It also discloses the social and philosophic backgrounds and the main points of naturalistic, cultural, historic, psychological and social programs.

Новиков Владимир Тимофеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белгосуниверситета. Автор более 60 работ по социальной философии (методология науки, методика преподавания социально-гуманитарных наук).

Яскевич Ядвига Станиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Белгосуниверситета. Автор 100 публикаций по философии и методологии науки, в том числе трех монографий.

Кризис технократической культуры и осмысление трагических реалий природного и социального бытия резко актуализируют потребность общества в разработках методологии социально-гуманитарного познания, раскрытии механизмов формирования различных парадигм исследования социальной реальности, экспликации специфики современного гуманитарного знания и тенденций его развития.

По своим целям и задачам, методам и средствам, аксиологической и этической направленности социально-гуманитарное знание, ориентированное на постижение смысла исторических событий и реалий, имеет специфические черты. Специфика знания в этой области детерминирована прежде всего особенностями самого объекта познания — человека и общества как сложной развивающейся системы. В отличие от природы общество есть деятельность преследующего свои цели человека, который создает новую предметную среду: мир культуры, искусства, науки, техники, исторические архивы и памятники, художественные тексты. Объект социально-гуманитарного познания не просто выделен практикой, он выступает как сама практическая и духовная деятельность, в результате чего социальные детерминанты присутствуют в самом объекте исследования. Так, система ценностных установок присуща самому объекту социально-гуманитарного знания и является в то же время определенным продуктом, полученным в этой сфере и транслируемым в другие области.

Человеческое общество как сверхсложная система отличается большим разнообразием различных социальных структур, предполагает альтернативность, а также исключительную динамичность и незавершенность развития. Причем если проблема выбора вариантов развития в других областях осуществляется естественным образом в процессе самоорганизации бытия и без наличия субъекта познания, то в социаль-

но-гуманитарной сфере главным действующим лицом и «дирижером» выбора является сам человек.

Альтернативность как принципиально исторический феномен инициируется наличием не только различных тенденций, но и общественных субъектов, способных реализовывать свои интересы. Одна и та же историческая закономерность в реальном процессе динамики может приобрести поливариантные формы в различной социокультурной ситуации. Выбор того или иного пути является своеобразным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим, между историей и политикой.

Особенности социально-гуманитарного знания детерминированы не только специфическими чертами объекта познания, но также и особым статусом субъекта. За противостоянием идей всегда скрыто столкновение определенных потребностей, интересов, целей, воздействие таких социальных факторов, как общественное мнение, официальная идеология, политические установки и традиции. Неизбежная и острая конкуренция интересов и устремлений субъектов исторического действия определяет селективную деятельность по выбору тех или иных средств и аргументов для обоснования отстаиваемой концепции.

Отсутствие достаточного опыта поливариантного изучения социума порождает стремление разобраться в многообразии теоретико-методологических парадигм, лежащих в основе конкретных социогуманитарных концепций, представляющих собой так называемые теории «среднего уровня», — социально-экономические, политологические и другие концепции. Для их обозначения мы будем использовать уже прошедшее апробацию в общей методологии науки понятие исследовательских программ как системы принципов, идеалов и норм, определяющих критерии научности познания общественных явлений. Эти программы, функционируя в сфере теоретического обществознания, вместе с тем выступают трансляторами социально-философского знания в сферу институционального, конкретно-научного знания и через него способствуют приданию смысла деятельности практического мышления в политике, экономике и других сферах общественной жизни.

Исторически первой оформилась натуралистическая исследовательская программа, допускающая возможность рассмотрения общества по аналогии с природой и признающая правомерность экстраполяции методологических особенностей естествознания на социально-гуманитарные явления. Натурализм в обществознании представлен тремя основными версиями — редукционистской, этноцентристской и органицистской.

Редукционизм в обществознании получил широкое распространение как в вариантах классического механицизма (Т. Гоббс, П. Гольбах), химизма (М. Шевроль), в которых в качестве идеализированных объектов используются «точечные», локализованные социумные образования, связанные между собой силовыми взаимодействиями, процессами ассоциации и диссоциации, так и в более сложных вариантах — «экономического материализма», «географизма». Последние имеют достаточно широкое хождение в современном обществознании и служат теоретико-методологической основой ряда конкретно-научных концепций.

Этноцентризм в обществоведении ориентирован на признание природно-национальных особенностей в роли ведущего фактора социальной динамики. Не отрицая культурного своеобразия и роли экономической и политической детерминант в динамике народов, этноцентризм тем не менее фокусирует внимание на экзогенных для общественного развития причинах. В частности, подобный подход характерен для этногенетической концепции Л. Н. Гумилева, рассматривающего этнос не столько в социально-культурном контексте, сколько в связи с общими процессами биосферы Земли и событиями космического характера.

Концептуальные основания этноцентризма легко просматриваются в теоретически фундированном евразийском движении, в классическом

варианте, существовавшем в среде русской эмиграции на Западе в 20 — 30-х гг. XX века и акцентировавшем внимание на определяющей роли евразийской компоненты в национальном своеобразии и культурно-исторической судьбе России. Показательно, что евразийское движение не ограничилось сферой философско-культурологических рассуждений, а включило в поле своего анализа вопросы политической истории и политологии. И хотя определенное оживление идей евразийства в России в настоящее время не столь теоретически фундированно, сколь обусловлено социально-политической конъюнктурой, методологическая преемственность между ними очевидна. Как, впрочем, очевидна методологическая связь между этноцентризмом и идеологиями национал-радикальных движений, педалирующих идею детерминации социальной динамики неким иррационально понимаемым природно-национальным духом.

Традиционно популярной является органицистская версия исследования общества и его структурных компонентов, восходящая к трудам Г. Спенсера и в XX веке рельефно представленная структурным функционализмом, а через него — многообразными концепциями политической науки в США. Принимаемая в данной исследовательской программе в качестве установочной аналогия между обществом и живым организмом онтологически условна, но тем не менее имеет четко выраженную методологическую ориентацию — репрезентативно рассмотреть общество как целостную систему, функционирующую в режиме гомеостаза.

Воспользовавшись системными представлениями биологии, один из лидеров структурно-функциональной школы Т. Парсонс выделил в социальной системе четыре основные подсистемы, выполняющие специализированные функции: адаптации системы к внешней среде, целедостижения как реализации интересов, интеграции как обеспечения гармонии интересов и притязаний со стороны элементов системы, воспроизводства структуры и снятия социальных напряжений вследствие соблюдения элементами системы ценностно-нормативных установок и притязаний. В обществе эти функции призваны обеспечивать соответственно экономическая и политическая подсистемы, подсистемы правовых учреждений и институтов социализации, включая семью, органы образования, церковь и др.¹

В западной политологии структурно-функциональный подход воплотился в концепциях, объединенных в рамках так называемого «системного анализа политики» (Д. Истон, Дж. Деннис, Г. Алмонд и др.) и решавших задачу определения оптимальных условий функционирования политической системы как сложного структурного целого. Показательно, что именно в концепциях этого направления наиболее откровенно проявился антигуманитаризм натуралистической программы — аналогия общества в целом с живой системой отвергает возможность признания свойства «жизненности» за его элементами, поскольку им надлежит функционировать, а не действовать. Что же касается человека, то он вообще выпадает из политической системы, являясь не более чем контрагентом, средством поддержки системного равновесия, а не целью ее функционирования.

Вторая из основных исследовательских программ в обществознании — культурно-историческая (культур-центристская) — постепенно начинает оформляться во второй половине XIX — начале XX века. Первоначально разработка этой программы осуществлялась преимущественно в русле анализа специфики методологических средств социогуманитарного познания и их отличия от методологического арсенала наук о природе, но с утверждением представлений о культуре как онтологической реальности прерогативы ее значительно расширились.

Культурно-историческая исследовательская программа ориентирована на рассмотрение общества как сверхиндивидуальной реальности, в кото-

рой воплощен мир ценностей и культурных смыслов, обуславливающих ход всемирной истории и деятельность отдельных индивидов. Вариантов социально-философской и конкретно-научной интерпретации теоретических оснований данной программы достаточно много, но, пожалуй, все они в той или иной мере разделяют три основные посылки. Во-первых, «общественная жизнь по самому существу своему духовна, а не материальна»; во-вторых, «природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем»; в-третьих, «при объяснении действительной закономерности социальной жизни необходимо учитывать характер закономерности не только психических явлений, но и явлений непсихических, в которых воплощается и через которые культивируется чистая «бесплотная психика»², а именно: символический характер социальных взаимодействий.

Вполне естественные для гуманитарных наук (истории, культурологии, этнологии) конкретно научные приложения этой исследовательской программы оказались эффективными и для институционального уровня познания. В этой связи обратим внимание на получившие признание в западной политологии концепции политической социализации, в которых анализируется структура личностных потребностей, определяющих политическую активность индивидов. В частности, прослеживая влияние физиологических, психических и ценностно-смысловых потребностей на политическое поведение, А. Маслоу и К. Роджерс делают заключение о приоритете последних в актуализации человеческой природы, которая, по мнению А. Маслоу, «должна обеспечиваться скорее ростом изнутри, чем формированием извне»³. Агенты социализации (воспитатели) лишь облегчают самоактуализацию личности, создавая благоприятные условия, но не могут серьезно повлиять на то, какой будет личность.

Поскольку в обществе действуют люди, являющиеся по природе биопсихосоциальными существами, естественным выглядит стремление понять и объяснить социальную жизнь на основе определения влияния на человеческое поведение психосознательных факторов. Этот подход определяет существование психологической и социопсихологической исследовательских программ обществознания, интерпретирующих социальные феномены в терминах психологии индивида, психологии групп, социальной психологии. Общим для многообразных вариантов этих исследовательских программ является экстраполяция лежащих в основе социальных действий психосознательных и бессознательных механизмов мотивации на социальную динамику, а следовательно, осознанный методологический редукционизм, четко отличаемый тем не менее его сторонниками от натуралистического редукционизма и органицизма. Это отличие усматривается прежде всего в прямой представленности психоэмоциональных, волевых, когнитивно-психологических компонентов в структуре социального действия и их детерминирующей роли в общественной практике.

Отправной для классического психологизма оказалась прямая экстраполяция особенностей индивидуальной психической жизни человека на социопсихическую жизнь общества, что отчетливо выразилось в творчестве американских социологов и психологов начала XX века Л. Уорда, Ф. Гиддингса, У. Мак-Дугалла⁴. Иной ракурс анализа социальных процессов выбрали французские психологи Г. Тард, Г. Лебон⁵, обратившие внимание на исследование межиндивидуальных отношений, которые, с их точки зрения, составляют сущность отношений в обществе.

Еще одна версия психологической исследовательской программы в обществознании связана с психоанализом З. Фрейда. И хотя характерный для него пансексуализм достаточно очевиден и задает весьма специфический ракурс рассмотрения сложных социальных явлений, использование категориального аппарата психоанализа достаточно продуктивно. В частности, в исследовании политической деятельности средствами психоанализа оперируют категориями вытеснения (бессознательного устранения

индивидом мотивов своей деятельности из сферы сознания), регрессии (перехода на более примитивный уровень мышления и поведения), проекции (неосознанного перенесения собственных представлений и влечений на другого), рационализации (бессознательного стремления к рациональному обоснованию своего поведения), реактивного образования (изменения неприемлемой для субъекта тенденции на приемлемую), фиксации поведения (стремления к сохранению эффективных стереотипов поведения)⁶.

Э. Фрейд заложил основы политического психоанализа, создав в 1932 г. вместе с американским дипломатом У. Буллитом первую психобиографию президента США Вудро Вильсона. В ней в соответствии с канонами психоаналитического метода движущий конфликт «морализирующего», но политически бездеятельного президента объясняется противоречием между женственной пассивностью его натуры и экзальтированным «Супер-Эго», требующим демонстрации своей мужественности⁷.

В современном политическом психоанализе прямолинейное понимание роли либидо устранено. Неофрейдистский психоанализ благодаря работам А. Адлера, К. Юнга, К. Хорни, Г. Салливена, Э. Фромма приобрел собственно социологический характер, хотя вплоть до 80-х годов политический психоанализ все же находился на периферии политических исследований. В настоящее время психоаналитическая версия социопсихологической программы на Западе воплощается в трех типах работ: «кейс-стадис», посвященных исследованию глубинной психологии отдельных политических деятелей; типологических исследованиях, направленных на определение качеств и классификацию политиков различных ориентаций; исследованиях агрегатных состояний политических отношений — психологических мотивов международных конфликтов, подоплеки национальных распрей, причин конкуренции политических институтов и т. п.

Второй версией социопсихологической программы является политический бихевиоризм как выражение поведенческого подхода к политике. Программа политического бихевиоризма достаточно прагматична, поскольку, оперируя моделью «реагирующего человека», выступает своего рода рефлексологией политического поведения и ориентирована на изучение определяющих его навыков. Несмотря на технократическую направленность и этический релятивизм оснований политико-бихевиоральных исследований, отчетливо проявившиеся в «радикальном бихевиоризме» Б. Скиннера и менее очевидно — в концепции «социального научения» А. Бандуры⁸, политический бихевиоризм во многом определяет моду в политологии Запада.

Обратим внимание еще на одну версию социопсихологической программы, находящую выражение в концепциях политической науки и представленную в символическом интеракционизме. Считая действие конституирующим и субъекта и саму социальную реальность феноменом, классик символического интеракционизма Дж. Мид определял социальную реальность как многообразие систем взаимодействий людей с присутствующими им перспективами и ожиданиями ответных действий⁹.

В западной политической науке символический интеракционизм проявляется в игровой концепции политики и трактовках политической социализации как ролевого тренинга. В этих концепциях функционирование политической системы напрямую увязывается с качеством освоения участником взаимодействия своей роли-функции в системе с ее субъективным восприятием и оценкой со стороны других членов взаимодействия. Например, в концепции «политического участия» С. Вербы и Н. Ная¹⁰ исследование социально-политического ракурса роли предполагает изучение трех базовых ориентаций личности: психологической вовлеченности в политику, измеряемой интересом и вниманием человека к

общественным событиям; собственного участия, измеряемого интенсивностью партийной идентификации; чувства политической причастности, измеряемого на основе самооценки респондентом собственного участия в политической жизни своей общественно-территориальной группы.

Мы охарактеризовали некоторые исследовательские программы в обществознании, реализующиеся на различных уровнях теоретико-методологического анализа социальных явлений — от социально-философского до конкретно-научного (в нашем случае, политологического), непосредственно связанного с процессами принятия социально значимых практических решений и ориентацией человека в мире. Как и любая классификация, данная классификация исследовательских программ достаточно условна и характеризует любую программу как идеализированную методологическую конструкцию, или, используя терминологию М. Вебера, является идеально-типической.

Обычно в реальном социогуманитарном исследовании «чистота» исследовательской программы недостижима: натуралистический редукционизм часто сопрягается с психологизмом, социопсихологизм трансформируется в культур-центризм, а последний может дополняться элементами этноцентризма. Такая ситуация свидетельствует как об объективной сложности рассматриваемой социальной реальности, так и о существующей тенденции к созданию единой исследовательской программы, которая вобрала бы в себя позитивные особенности иных программ и гармонично сочетала бы разноплановый методологический инструментарий. Пока говорить о создании такой программы не приходится, хотя наиболее естественным образом элементы различных программ синтезируются в концепции социального действия М. Вебера, что в немалой степени способствовало веберовскому ренессансу на Западе. Но в любом случае речь идет не о новой попытке возрождения теоретико-методологического монизма, а о стремлении достичь единства в многообразных подходах к изучению социального бытия.

¹ См.: Parsons T. The social system. New York, 1951; Парсонс Т. // Инф. бюлл. ИСИ. Серия: переводы и рефераты. Вып. 2. М., 1969. № 23 (38). С. 79.

² Франк С. Л. // Русское зарубежье. Л., 1991. С. 317; Дильтей В. Описательная психология. М., 1924. С. 8; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 47.

³ Maslow A. Motivation and Personality. New York, 1954. P. 340.

⁴ См.: История социологии. Мн., 1993. С. 67.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ См.: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 368.

⁷ Freud S., Bullitt W. // A Psychological Study. London, 1967. P. 63—64.

⁸ См.: Skinner B. Beyond Freedom and Dignity. New York, 1972; Нэем Дж. Психология и психиатрия в США. М., 1984; Вандуга А. // American Psychology. 1978. V. 33. № 4.

⁹ Mead G. N. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

¹⁰ Nie N., Verba S. Political Participation // Greenstein F. and Polsby N. Handbook of political science. Boston (Mass.). 1975. V. 4.

Паліталогія Сацыялогія

С. В. РЕШЕТНИКОВ, В. В. РОВДО

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

The experience of post-totalitarian systems reformation makes it clear that real foundation for democracy on national level is local self-government, local democracy. In all democratic countries local governments are in practice more than merely bureaucratic arms of the national governments. This article has covered such subjects as contradictions between centralized and decentralized trends in process of democratic and market reforms in Belarus; the role of subsidiarity principle for local communities development; positions of main political parties to local government system reformation.

Решетников Сергей Васильевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии БГУ. Автор 40 научных публикаций, в том числе 3 монографий по теории политики, управления, принятия политических решений.

Ровдо Владимир Викторович, кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры политологии Белгосуниверситета. Автор более 300 работ по проблемам гражданского общества, местного самоуправления и теории демократии.

В 1989 г. известный американский политолог С. Бялер, критикуя некоторые особенности горбачевской перестройки, отмечал, что преобразование политической системы тоталитарного государства нельзя начинать с микроуровня, демократизации местных партийных организаций, полномочия местным советам, внедрения самоуправления на предприятиях. Эти ростки демократии неизбежно будут затоптаны, если не произведена генеральная реконструкция на макросистемном уровне¹. Однако нельзя ограничиваться и только реформами на микроуровне общества. Без подкрепления этих реформ децентрализацией и развитием местного территориального самоуправления демократические институты в центре окажутся в безвоздушном пространстве, лишены опоры и поддержки и рано или поздно погибнут.

Любое посттоталитарное общество в процессе развития сталкивается с непростой дилеммой. Переход к рыночной экономике и демократии, связанный на первых порах с проведением ряда непопулярных реформ,

требует усиления власти центральных политических институтов. Но такая концентрация власти таит в себе опасность ее олигархизации, отрыва от народа.

Современная политическая практика выработала две основные модели посттоталитарной трансформации: модель децентрализации, принятая большинством стран Восточной и Центральной Европы; модель «прогрессивного авторитаризма», характерная для президентских режимов России, Украины, Беларуси и некоторых других стран. Существует мнение, что авторитарная модель имеет преимущество по сравнению с моделью децентрализации, гарантирует большую политическую стабильность, столь необходимую для успешного осуществления рыночно-демократических реформ. Данное утверждение, на наш взгляд, не соответствует действительности. Концентрация власти в одном центре резко увеличивает опасность ошибок, неизбежных при принятии политических решений. Жесткая централизация означает, что основная часть решений принимается руководящей структурой и спускается сверху вниз по властной вертикали, которая обеспечивает их неукоснительное исполнение. В этом случае допущенная центром ошибка мультиплицируется, приобретает опасные масштабы. Исправление ее требует огромных усилий и затрат. В условиях децентрализованной модели управления, предполагающей разделение компетенции между центральным и местным уровнями и относительную автономию самоуправляющихся единиц, ошибка, допущенная в одном звене управления, не является катастрофой. Она легко локализуется и устраняется.

Авторитарная модель посттоталитарной трансформации препятствует политической активности граждан, созданию гражданского общества, без которых невозможно говорить о демократизации. Посттоталитарное общество является обществом атомизированным, для которого большой проблемой является артикуляция различных интересов. Авторитарные методы управления создают серьезные преграды для решения этой проблемы.

Жесткая централизация не содействует повышению уровня политической институализации общества. Стабильность же общества напрямую зависит от его институализации, которая в значительной мере обусловлена степенью автономии субструктур, составляющих систему².

Децентрализованные системы являются более жизнеспособными, нежели сверхцентрализованные, ибо обладают большей гибкостью. Они легче приспосабливаются к вызовам окружающей среды, оперативно меняют функции и направленность деятельности в зависимости от изменения ситуации. Авторитарные структуры всегда ведут к концентрации власти и ответственности в одном центре и понижению уровня ответственности в нижних этажах управленческой пирамиды. Как правило, люди, работающие там, ориентированы на исполнение спущенных сверху решений и не умеют самостоятельно, творчески работать. В результате актуальные проблемы накапливаются и не разрешаются своевременно. С течением времени создается ситуация, когда группы, которые не в состоянии в рамках данной системы реализовать свои интересы, вынуждены делать это обходным путем: либо с помощью подкупа чиновников и nepотизма, или же с помощью политической активизации масс. И тот и другой путь при не развитых демократических институтах ведет к дестабилизации ситуации.

Гораздо более перспективной и многообещающей является модель децентрализации. В условиях тоталитаризма местные советы здесь, как и везде, были простым инструментом политической и экономической централизации, функционировали под жестким контролем коммунистических партий. Именно поэтому реальное самоуправление здесь рассматривается как антитеза государственному контролю. Децентрализация стала ключевым словом, которое во многих бывших социалистических странах

рассматривается как неизбежное условие создания рыночной экономики и гражданского общества, эффективной системы общественного обслуживания граждан.

Различные по уровню развития страны, обладающие специфическим культурно-политическим опытом, несомненно, по-разному реализуют децентрализаторскую модель. Однако при всех их различиях можно выделить и ряд общих моментов, которые позволяют говорить о единой модели посттоталитарной трансформации на местном уровне, которая может быть названа локальной демократией.

Во-первых, все страны данного региона после отстранения коммунистов от власти создали законодательную базу для развития местного самоуправления. Одновременно (примерно в 1990—1991 гг.) были проведены свободные выборы в местные органы самоуправления. В некоторых странах раздел о самоуправлении включен в национальные конституции. В основном законодательная база локальной демократии базируется на принципах Европейской Хартии местного самоуправления, принятой Советом Европы в 1985 г. Одно из основных положений этого документа гласит: «Местное самоуправление означает право и фактическую способность самоуправляющихся территориальных общностей осуществлять управление и решать в рамках законов под свою ответственность значительную часть государственных дел в интересах граждан, проживающих на соответствующей территории»³.

Неудивительно, что большинство стран Центральной и Восточной Европы провели реформу местных органов власти, предоставив им определенную автономию. В качестве основных аргументов в пользу подобных преобразований выдвигались такие идеи, как: 1) местное самоуправление — это важный элемент национальной демократии, позволяющий улучшить политическое образование граждан, создать эффективную систему отбора элит, содействовать политической активности в обществе; 2) относительно автономные местные власти позволяют реализовать такие ценности демократии, как свобода, равенство и ответственность правительства перед гражданами.

Существуют, однако, разные взгляды на то, сколько власти и полномочий центральные органы управления в странах этого региона реально делегировали на местный уровень. По мнению профессора рутгерского университета И. Регульской, речь идет скорее не о децентрализации, а о деконцентрации, поскольку реально происходят структурные изменения сложившейся системы власти, а не передача полномочий по принятию решений на местный уровень⁴.

К причинам подобного развития событий Регульская относит концептуальную непроработанность реформ местных органов власти, политизацию местных самоуправлений, отчуждение общества и местных органов власти, инерцию старой административной системы. К перечисленным причинам, на наш взгляд, можно добавить объективную невозможность радикальной децентрализации в посттоталитарных обществах переходного периода. Как бы ни стремились инициаторы этих реформ к полной реализации принципов Европейской хартии территориального и местного самоуправления, логика жизни диктует необходимость сохранения на этапе демократических преобразований существенных властных полномочий в руках центра.

Определенным парадоксом возрождения гражданского общества и местного самоуправления как его элемента в Восточной Европе и в посттоталитарных государствах вообще является то, что решающую роль в этом процессе играет государство. На Западе общество зародилось и консолидировалось в борьбе социальных сил с абсолютистским государством, у которого были отвоены гражданские права и свободы, а сфера притязаний центральной власти была резко ограничена. В посттоталитарном обществе отсутствуют социальные группы, которые имеют свои «реаль-

ные» (материальные) интересы, а не только «теоретические», основанные на знании того, что является наиболее экономически рациональным. Создать необходимые заинтересованные группы на местном уровне можно только с помощью государственной целенаправленной политики и, в первую очередь, политики приватизации, создания коммунальной собственности и т. д. На первой стадии переходного периода новая политическая элита, состоящая в значительной степени из вчерашних реформаторски ориентированных партийных руководителей второго и третьего эшелонов, не столько представляет интересы социальных групп, сколько проецирует на общество свое видение решения социальных проблем.

Во-вторых, в большинстве стран Центральной и Восточной Европы осуществлен переход к двухуровневой системе территориального самоуправления. Прежнее управление, как правило, было трехуровневой системой государственной и общественной администрации. Существовала строгая иерархическая субординация звеньев местной власти. Новые муниципалитеты в этих странах являются автономными единицами, несмотря на существование региональных местных правительств.

В Чехии и Польше разделение функций местного обслуживания и публичной администрации реализовано через территориально-административные единицы государства. В Венгрии до последнего времени не существовало параллельной организационной сети для выполнения административных функций. Важнейшей особенностью венгерской реформы было предоставление каждому населенному пункту статуса единицы самоуправления. Как подчеркивает Т. Хорват, «эта перемена кажется удивительной с западноевропейской точки зрения, но она была логичной с точки зрения отрицания прежней традиции. Люди хотели избавиться от насильственно навязанной унификации и только принцип «каждый населенный пункт имеет свое собственное самоуправление», как казалось, гарантировал необходимую независимость»⁵. В результате, число единиц местного самоуправления в Венгрии удвоилось. Если до реформы 3071 населенный пункт страны имел 1646 местных советов, то после 1990 г. 3092 поселения были представлены 3112 муниципалитетами⁶.

Реформа 1990 г. внесла существенные изменения в административно-территориальное деление страны. В современной Венгрии существует двухуровневая административная система. До реформы существовал третий, окружной, уровень. В настоящее время полномочия округов существенно сужены и они превращены в единицы самоуправления. Комиссары республики осуществляют административные и контрольные функции в 8 областях (регионах) страны. При этом области (регионы) являются только административными единицами и не имеют избранных представительных органов власти. Комиссары назначаются центральным правительством; они контролируют законность решений и действий местных органов самоуправления, но не правомочны отменять решения муниципалитетов. Это можно сделать только в судебном порядке.

Вторым уровнем административной системы является район. Районные канцелярии обслуживают мелкие населенные пункты. В начале 90-х гг. 498 местных госадминистраций обслуживали 1400 муниципалитетов. Несмотря на это, независимость самоуправлений вполне реальна, так как функции районных канцелярий, как и функции префектов, являются в основном контрольными и надзорными.

Важнейшей особенностью административно-территориального деления Венгрии является принцип несовпадения административных единиц государственного управления и местных самоуправлений. Это, с одной стороны, создает условия для существенной автономии местных самоуправлений и, с другой, побуждает административные органы учитывать в своей деятельности политическую окраску муниципалитетов.

Формальное разделение местных и центральных функций в Чехии и Польше создает угрозу прямого вмешательства государства в дела муниципалитетов.

ципалитетов, но в то же время предоставляет большую свободу действий самоуправлениям, поскольку каналы общественной администрации являются раздельными.

Проведение радикальной реформы местных органов власти в Центральной и Восточной Европе в 1990—1991 гг. существенно изменило финансовую систему локальных самоуправлений. Особенно очевидные изменения произошли в Польше после принятия Сеймом блока муниципальных законопроектов 1990 г. В первую очередь серьезные перемены затронули источниковую базу формирования бюджетов самоуправлений. Если в прежней системе основную доходную часть их составляли субсидии и дотации госбюджета (49% в 1985 г.), то после реформы доля самоуправлений в общенациональных налогах и сборах (подходящем с физических и на прибыль с юридических лиц) составила 42% (1991 г.). Доля государственных субсидий сократилась до 19, а удельный вес местных налогов увеличился до 25%⁷. Это обеспечило местным органам власти определенную самостоятельность в формировании своей финансовой политики.

Изменилась не только структура местных бюджетов, но и сам механизм их формирования. В соответствии с польским законодательством государство может устанавливать только верхний размер местных налогов. Самоуправления же вправе самостоятельно определять их содержание и уровень. Что касается субсидий госбюджета, то они были разделены на дотации на текущие расходы (образование, административные нужды, культура, защита окружающей среды); гранты на капитальные расходы, которые устанавливаются министерством финансов, и так называемые гранты выравнивания, которые предоставляются правительством тем коммуна, собственный доход которых на душу населения составляет менее 85% среднего государственного уровня. Те коммуны, доход которых на душу населения в полтора раза выше среднего государственного, получают меньше дотаций на текущие расходы.

Наиболее дискуссионной для стран Центральной и Восточной Европы является проблема выравнивания доходов местных самоуправлений. Многие восточноевропейские аналитики придерживаются мнения, что определенная дифференциация доходов самоуправлений должна существовать, ибо стимулирует инициативу и местную предприимчивость.

Таким образом, опыт нескольких лет посттоталитарного развития свидетельствует в пользу децентрализаторской модели общественных преобразований. Создание локальной демократии предполагает решение ряда взаимосвязанных проблем в правовой, политической и экономической сферах, что обеспечивает создание и упрочение относительно автономных самоуправляющихся единиц на местном уровне, которые, в свою очередь, содействуют демократизации на макроуровне социума.

К сожалению, Республика Беларусь до сих пор не выбрала четкой модели развития местных органов власти. Так, пятый раздел Конституции РБ посвящен «местному управлению и самоуправлению». На наш взгляд, он, а также Закон «О местном управлении и самоуправлении», представляет собой противоречивый симбиоз демократических новаций и тоталитарных рудиментов. Не случайно, события двух последних лет демонстрируют противоборство в республике двух противоположных позиций в подходе к реформированию местных органов власти.

С одной стороны, существует тенденция к сохранению системы местных советов в их прежней форме как непрофессиональных структур, состоящих из представителей различных групп общества и в первую очередь трудящихся, выстроенных в пирамидальную структуру, в которой вышестоящие советы имеют право вмешиваться в компетенцию нижестоящих представительных органов. За данной тенденцией стоят довольно влиятельные силы, например ПКБ, и часть старых региональных элит. Именно благодаря их усилиям в Конституцию Беларуси была вне-

сена статья о том, что решения местных советов, которые не отвечают законодательству, отменяются вышестоящими советами депутатов, вышестоящими исполнительными и распорядительными органами, а также Президентом Республики Беларусь. Тем самым в Беларуси законодательно закреплён принцип «правовой матрешки», в соответствии с которым компетенция советов и исполкомов вышестоящего уровня поглощает компетенцию советов и исполкомов нижестоящего уровня. Обжаловать в судебном порядке неправомерные решения вышестоящих органов власти нижестоящими структурами практически невозможно. В демократических странах в случае возникновения конфликта между центром и местами говорят свое слово судебные органы, а до разрешения конфликта решения нижестоящих администраций лишь приостанавливаются.

Для системы советов характерно и так называемое «двойное подчинение» исполнительных органов власти: соответствующему совету и вышестоящему исполкому. Этот феномен обусловлен двойной функцией, которую должны выполнять советы. С одной стороны, они являются структурными подразделениями системы государственной власти, построенной по принципу субординации, а с другой — призваны быть представительными органами, носителями самоуправленческих, муниципальных функций.

Это положение закреплено и Конституцией Беларуси, которая утверждает, что «местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы в границах компетенции решают вопросы местного значения исходя», в первую очередь, «из общегосударственных интересов» и только потом, «из интересов населения, которое проживает на данной территории»⁸.

Как показал исторический опыт и практика развития местных властей в Беларуси после достижения ею независимости, система советов в ее прежнем виде не приспособлена для осуществления власти в демократическом обществе. Соединение в одном стволе разных ветвей власти, а также иерархическая сущность советской модели свидетельствует о ее антидемократичности, неэффективности, несовместимости с принципом децентрализации и автономии.

Осознание кризиса советов, а также стремление к восстановлению управляемости в стране вынудило Президента в 1994 г. предложить реформу местных органов власти на принципах так называемой «президентской вертикали». В белорусском варианте она представляет собой систему, в которой Президент получил право предлагать областным советам кандидатуры на посты глав областных администраций, а те, в свою очередь, в таком же порядке назначают глав нижестоящих администраций. Если совет дважды не утверждает предложенную кандидатуру, то она назначается без согласия депутатов. Таким образом, возникла вторая тенденция, которая вошла в явное противоречие с попытками консервации системы советов, что и проявилось в ряде основных коллизий между Президентом, с одной стороны, Верховным Советом и Конституционным судом республики, с другой, в 1995—96 гг.

По нашему мнению, в краткосрочной перспективе реформа, предложенная А. Лукашенко, является оправданной потому, что «граждане скорее согласятся жить без свободы, но при власти, нежели со свободой, но в условиях анархии». Неспособность системы советов быть эффективным звеном управления на местном уровне, проявившаяся в последние годы, вынудила Президента действовать решительно по созданию исполнительной властной вертикали, подконтрольной в конечном итоге главе государства. Однако в долгосрочной перспективе президентская вертикаль вряд ли будет работать эффективнее системы советов в силу вышеуказанных причин. Жесткое разделение властей на местном уровне, проведенное Президентом, фактически лишило реальных властных полномочий представительные структуры, заложило противоречия во взаимо-

отношениях между локальными представительными и исполнительными органами, сузило возможность реализации демократического принципа местного представительства.

В настоящее время сложившаяся в стране ситуация требует глубоких демократических преобразований на локальном уровне. Восстановление управляемости и укрепление исполнительных органов власти требует принятия решительных мер по реформированию местных представительных органов власти. Это позволит повысить эффективность их работы; смягчит противоречия между исполнительными, с одной стороны, законодательными и судебными органами, с другой, ускорит интеграцию Республики Беларусь в общеевропейские и мировые структуры.

Данная реформа должна базироваться на демократических принципах самоуправления и децентрализации, зафиксированных Европейской Хартией территориального и местного самоуправления, подтвердивших свою эффективность фактически во всех странах, взявших их на свое вооружение.

Большую работу по изучению опыта муниципальных реформ в странах Центральной и Восточной Европы и их адаптации к белорусским условиям проводит Центр проблем самоуправления при Фонде поддержки демократических реформ имени Л. Сапеги. В частности, Центром разработана Концепция реформирования местных органов власти в Беларуси, которая публиковалась в прессе и широко обсуждалась на многочисленных международных и республиканских конференциях. Подготовлен блок законопроектов, принятие которых Верховным Советом республики позволит существенно продвинуть вперед процесс реформ на местном уровне.

Мы считаем, что реформирование местных властей Беларуси может быть осуществлено в два этапа.

На первом этапе необходимо провести четкое разграничение компетенции органов местного самоуправления (местных советов и их исполкомов) и местной государственной (президентской) администрации. Задачами государственной администрации в областях и районах в основном должны быть контрольные и надзорные функции. Местные самоуправления действуют автономно в рамках установленной законом компетенции, административное вмешательство в которую недопустимо. Повышению эффективности деятельности структур управления, на наш взгляд, будет способствовать переход с трехуровневой на двухуровневую систему. Этого можно добиться за счет упразднения областной структуры представительных органов власти, сохранив в областях лишь президентскую администрацию и переподчинив ей соответствующие аппараты облисполкомов. Целесообразно также сократить численность депутатского корпуса местных самоуправлений. Что касается объединения представительных органов власти на территории районов в один представительный орган и упразднения районных советов в крупных городах, то это дискуссионный вопрос. Опыт государств Балтии, Болгарии и некоторых других стран свидетельствует о том, что успешное осуществление подобных мероприятий может принести больше вреда, чем пользы.

Успешной работа местных самоуправлений будет только в том случае, если они будут располагать реальными финансово-экономическими рычагами. Поэтому следует реформировать бюджетное и налоговое законодательство Республики Беларусь правовым путем, закрепить за местными представительными органами самостоятельные муниципальные бюджеты, собственность, землю, местные налоги и сборы. Например, нельзя считать нормальным, что в 1994 г. в бюджете республики местные налоги и сборы составили только 2%. Для сравнения: в США этот показатель равен 60, в Великобритании — 40, во Франции — 37%⁹.

Необходимо также отказаться от «правовой матрешки», принципа «двойного подчинения». Европейская Хартия исходит из того, что

«полномочия самоуправляющихся территориальных общностей являются, как правило, всеобъемлющими и исключительными. Они не должны сводиться на нет или ограничиваться другой центральной или региональной инстанцией»¹⁰. Для реализации этого принципа мы предлагаем наряду с разграничением полномочий местных самоуправлений и государственной администрации законодательно разделить компетенцию местных представительных органов, а также создать систему административных судов для решения спорных вопросов между государственной администрацией на местном уровне и советами, а также между самими локальными представительными органами.

Наконец, для координации деятельности различных местных самоуправлений мы считаем необходимым создать Национальную ассоциацию местных властей.

Перед очередными выборами в местные органы самоуправления логичным было бы провести реформу административно-территориального деления Беларуси и принять новый закон о выборах депутатов местных советов (рад). В соответствии с концепцией Центра, мы предлагаем создать двухуровневую систему самоуправлений (около 30 поветов), объединяющих несколько современных районов, и 300—500 волостных самоуправлений).

Назрела необходимость в создании трехсторонней комиссии по реформированию местных властей Беларуси, в которую могли бы войти представители администрации Президента, депутаты Верховного и местных советов, эксперты Центра проблем самоуправления и научная общественность республики.

Обновления не только государственного устройства, но и территориального требует переход Беларуси к рыночной экономике. Региональные проблемы становятся сегодня в ряд приоритетных. Новые подходы к административно-территориальному делению на макроуровне оказывают воздействие на изменение административной структуры системы государственного управления на микроуровне.

Исходя из задач административного управления в новых рыночных условиях, должна предлагаться и осуществляться адекватная схема административно-территориального деления. По нашему мнению, на локальном уровне она должна быть двухзвенной. Об эффективности такого подхода свидетельствует не только опыт ряда развитых государств Запада, но и опыт наших соседей, успешно осуществляющих административную реформу на принципах децентрализации и локальной демократии.

Мы считаем, что основой нового административно-территориального деления могли бы стать территориальные комплексы, объединяющие несколько современных районов и имеющие в качестве своих центров крупные индустриально развитые города республики. Их количество может колебаться от 30 до 35. Основанием для формирования подобных комплексов могли бы стать такие параметры, как время доступности центра комплекса (1—1,5 часа езды на автомобиле); радиус зоны притяжения (50—100 км); площадь (3,5—5,0 тыс. км²); количество населения (130—230 тыс. человек); количество сельхозугодий на душу населения; промышленный и сельскохозяйственный потенциал. Каждый из новых территориальных комплексов будет представлять собой группу городских и сельских поселений, имеющих региональные объекты рыночной экономики, общую систему производственной и социальной инфраструктуры, равномерно размещенной по всей территории. Территориальные комплексы могли бы иметь как органы госуправления, так и избранные населением территории самоуправления, полномочия которых были бы строго разграничены. Города и поселки, вошедшие в территориальные комплексы, по нашему мнению, должны иметь собственное самоуправление.

Реализация этих предложений позволит приблизить местные структуры власти к населению, сделает административную систему в стране эффективной и ответственной перед гражданами, создаст благоприятные условия для проявления инициативы и предприимчивости на локальном уровне, ограничит административный произвол чиновников, стимулирует развитие демократических процессов на всей территории республики.

Как свидетельствует опыт наших соседей, путь к процветанию и локальной демократии пролегает не через исполнительную вертикаль и не через всевластие советов. Он проходит через баланс властей, их разделение по горизонтали и вертикали при предоставлении гражданам права самостоятельно решать местные проблемы с помощью своих демократически избранных представителей.

¹ См.: Bialer S. Foreign Policy. 1989. P. 416.

² См.: Huntington S. Political Order in Changing Societies. N. Y., 1968. P. 112.

³ Европейская Хартия Местного Самоуправления // Финансы. 1993. № 1.

⁴ Regulska J. Constitution Making in Eastern Europe, ed. by A. E. Dick Howard. Washington, 1993. P. 136.

⁵ Horvath T. // Events and Changes. The First Steps of Local Transition in East-Central Europe. Budapest, 1991. P. 95.

⁶ См.: Peteri G. // Ibid. Budapest, 1991. P. 34.

⁷ Swianiewicz P. Ibid. P. 61

⁸ Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. Мн., 1994. С. 22.

⁹ См.: Проблемы формирования гражданского общества в Беларуси. Мн., 1995. С. 121.

¹⁰ Финансы. 1993. № 1.

Л. Н. ДАВЫДЕНКО

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

This countries research is caused by the author's interest in the social founding in macroeconomic regulation in the countries conducting economic reforms, and also in the character and the results of social policy held in the Republic of Belarus in the period of the economic reforms of 1991—1995. The quantitative parameters stipulating efficiency of the social system of Belarus are calculated.

Давыденко Леонид Николаевич, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономических наук БГУ. Исследует социально-экономические проблемы аграрно-промышленной кооперации, государственного регулирования социально-экономических отношений.

Основными направлениями социальной политики государства в переходной экономике считаются: обеспечение приоритета социальных критериев создания и расширения производства; укрепление трудовой мотивации; реализация минимальных гарантий населению в части их жизнеобеспечения.

Среди общепризнанных мировым сообществом социальных показателей развития выделяют:

— основные индикаторы бедности, включающие верхнюю и нижнюю черту бедности и количество населения, находящееся за этой чертой, а также производство ВВП на душу населения;

— краткосрочные показатели дохода, определяемые общей средней заработной платой, средней зарплатой в промышленности и сельском хозяйстве, минимальной зарплатой, индексом потребительских цен;

— государственные расходы на основные социальные услуги, рассчитываемые как доля в ВВП расходов на начальное образование и здравоохранение.

Важнейшим индикатором уровня жизни является минимальный потребительский бюджет (МПБ), имеющий в своем составе статьи на потребительские блага, включающие предельные минимальные нормы и нормативы по продуктам питания, основным непродовольственным товарам, платным услугам. МПБ позволяет определить стоимость материального обеспечения жизни групп населения с минимальными доходами.

В условиях роста цен, инфляционных процессов, резкой дифференциации доходов необходимо выработать политику, направленную на защиту и поддержку малообеспеченных, низкооплачиваемых слоев и групп

населения. Учитывая, что к малообеспеченным относятся семьи с душевыми денежными доходами, не обеспечивающими удовлетворения их минимально необходимых потребностей в материальных благах и услугах, критерий малообеспеченности, низкооплачиваемости можно определить на основе минимального потребительского бюджета.

Для обеспечения нормальных условий жизни семья должна располагать таким минимумом доходов, который дает возможность удовлетворить потребности в питании на уровне физиологических требований, полностью покрывающих энергетические затраты организма, необходимые для правильной жизнедеятельности взрослых, для роста и развития детей. Доходы должны быть достаточными для удовлетворения минимальных материальных и культурных потребностей.

В Республике Беларусь по закону «О формировании и использовании минимального потребительского бюджета», принятому в 1992 г., нормативно-вещественная структура МПБ для различных социально-демографических групп формируется на основе системы потребительских корзин. Стоимостная величина МПБ определяется по средним ценам товаров с учетом всех видов торговли и пересматривается по мере необходимости (в настоящее время — ежеквартально).

Потребительская корзина представляет собой научно обоснованный набор товаров и услуг, удовлетворяющих конкретные функциональные потребности человека в определенный период с учетом конкретных местных условий и особенностей. Она формируется по основным статьям расходов человека или семьи на продукты питания, одежду, белье, обувь, лекарства, предметы санитарии и гигиены, мебель, предметы культурно-бытового назначения, жилье и коммунальные услуги, отдых, бытовые услуги, транспорт, связь, содержание детей в дошкольных учреждениях.

Состав потребительских корзин пересматривается с учетом социально-экономического развития и изменения в нормах потребления (по закону — не реже одного раза в пять лет). В настоящее время примерно 65 % расходной части республиканского бюджета определяется на основе четко установленных норм и нормативов.

Минимальный потребительский бюджет Республики Беларусь сегодня включает более 200 товаров и услуг, в том числе 60 продуктов питания, 43 предмета одежды и обуви, 62 наименования мебели и посуды, товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, предметов санитарии и гигиены, 7 видов услуг — оплата жилища и коммунальных услуг, использования средств связи, транспорта и т. д. Минимальные потребительские корзины рассчитаны на следующие социально-демографические группы населения: семья из четырех человек; мужчина трудоспособного возраста; женщина трудоспособного возраста; молодая семья с двумя детьми; молодая семья с одним ребенком; семья пенсионеров; мужчина-пенсионер; женщина-пенсионерка; студент; студентка; дети различного возраста.

Анализ реальной структуры потребления в Республике Беларусь различных социально-демографических групп населения позволяет сделать вывод, что доля расходов на питание в минимальном потребительском бюджете составляет в среднем 55 %. Приобретение одежды, белья, обуви по удельному весу в минимальном потребительском бюджете занимает второе место — примерно 20—23 %. Следует учесть, что в условиях нерегулярных поставок в торговую сеть дешевых и средних по цене предметов одежды, белья, обуви и других товаров трудно сделать точные расчеты расходов семей. Дефицит заставляет население не выбирать соответствующие его доходам товары, а покупать то, что в данный момент есть в продаже. Это определяет перестройку всей структуры расходов малообеспеченных семей. Расчет МПБ в этих условиях должен помогать четко определить число социально незащищенных семей, что позволит осуще-

ствить чрезвычайные меры, направленные хотя бы на стабилизацию жизненного уровня малообеспеченных семей.

На основе прожиточного минимума устанавливается размер минимальной оплаты труда. Минимальный размер заработной платы, определенный через стоимостную оценку минимальных потребностей, во многом зависит от выбора соответствующих критериев. Среди них выделяют два основных: материальные и духовные потребности работников и их семей (исходя из минимального потребительского бюджета); уровень оплаты за аналогичный труд в сопоставимых отраслях по специальностям (профессия). Первый критерий используется прежде всего в развивающихся странах, второй доминирует в странах с рыночной экономикой.

В Республике Беларусь весьма актуальна задача приближения минимальных размеров оплаты труда и пенсий к величине прожиточного минимума. Такую работу можно проводить поэтапно, последовательно добиваясь соответствия минимального размера оплаты труда величине прожиточного минимума. В Генеральном тарифном соглашении необходимо установить конкретные поквартальные параметры приближения минимальной заработной платы к величине минимального потребительского бюджета. При этом разница между стоимостью минимальной потребительской корзины и минимальной заработной платой должна сокращаться быстрее, чем соотношение ее со средней заработной платой.

В современных условиях разбалансированности потребительского рынка, инфляции, существенного снижения уровня жизни населения, естественно, необходимы расчеты рациональных потребительских бюджетов. Они позволяют прогнозировать изменения уровня жизни населения. Чтобы ясно представлять, каковы должны быть в прогнозируемом периоде уровень и структура потребления и обеспечивающий их размер доходов, необходимо создать модель высокого уровня жизни. Такой моделью может служить рациональный нормативный потребительский бюджет, в котором в балансовой увязке доходов и расходов находят отражение многообразные стороны и показатели уровня жизни. В модель должны включаться различные блоки, представляющие собой отдельные показатели уровня жизни, соответствующие научно обоснованным нормам рационального потребления, обеспечивающие полное удовлетворение рациональных потребностей современного человека. Научная обоснованность модели во многом зависит от того, насколько точно определены эти потребности и формы их удовлетворения.

Важнейшим комплексным (обобщающим) социальным нормативом, включающим отдельные научно обоснованные социальные нормативы по основным товарам и услугам, является рациональный потребительский бюджет. Его построение позволит создать научно обоснованную систему регулирования доходов и заработной платы. Следует активизировать работу по обеспечению нормативной и статистической базы для построения минимальных и рациональных бюджетов и введению нормативных потребительских бюджетов в практику формирования заработной платы.

Стандартная классификация ООН и ее специализированных агентств не учитывает ряда особенностей переходных (от плановой к рыночной) экономик. В частности, стандартные показатели не отражают ценности этих стран: высокая безопасность занятости, низкая преступность, незначительные различия в распределении доходов, благосостоянии и оплате труда. Другие ценности легче измерить (доступность защиты материнства и детства, высшего образования, первой медицинской помощи и минимума жилья), но качество этих условий также трудно оценить.

Плановая экономика обеспечивала полную трудоузанятость. Это достигалось путем содержания излишней численности работников на государственных предприятиях. При этом избыток специалистов одного профиля существовал наряду с дефицитом других специалистов. Этот дефицит не являлся абсолютным, а скорее был следствием планирования. Гос-

предприятия не были заинтересованы в сокращении штатов, поскольку расходы (издержки) на оплату труда покрывались государством. Практика нерегулярного обеспечения ресурсами и встречных обязательств делала рациональным избыток работников на предприятии.

С переходом к рыночным отношениям ориентиры изменились. Идет переучет занятости в различных отраслях, а зачастую ее абсолютное сокращение на государственных предприятиях. Вместе с тем увеличивается занятость в новых частных фирмах. Удержание избыточной рабочей силы становится невыгодным и неопытным предприятию. В течение 1995 г. в службы занятости Беларуси обратилось 251,5 тыс. безработных, что на 26,6 тыс. больше, чем в 1994 г. Из них было трудоустроено только 118,5 тыс. человек, или 51,2 %. Уровень безработицы за 1995 г. вырос в республике с 2,2 до 2,7 %. Около 65 % безработных составляют женщины.

В условиях нарастания инфляционных процессов, разбалансированности потребительского рынка, активизации теневой экономики и роста безработицы обеспечивать уровень жизни не ниже социального норматива должна социальная защита населения. Социальная защита понимается как определенные обязательства по отношению к своим гражданам, и в первую очередь — наиболее социально уязвимым (престарелым, инвалидам, многодетным семьям, матерям-одиночкам, учащимся). Чаще всего она принимает форму денежных выплат, льгот и пособий. Однако в нынешних социально-экономических условиях понятие социальной защиты нуждается в более расширенной интерпретации. Она должна не только играть роль социальной компенсации бедным, но и смягчать ситуацию, при которой сложности перехода к рынку переключаются на материально обеспеченные группы населения.

Абсолютное обнищание нашего общества привело к тому, что в социальной защите сегодня нуждается большая часть населения, а не только ее беднейшие слои. Меры социальной защиты, достаточные для одной группы, могут оказаться неэффективными для другой, невыполнимыми для третьей и т. д. Следовательно, возникает необходимость в разработке и использовании многоуровневой системы социальной защиты населения, комплекса развития ее активных и пассивных форм.

Система социальной защиты представляет собой совокупность мер по регулированию доходов и уровня жизни населения. Она включает следующие компоненты:

1) меры по регулированию уровня жизни: обеспечение минимальной оплаты труда; регулярный пересмотр доходов в связи с динамикой минимального потребительского бюджета; компенсация, адаптация и индексация доходов; обеспечение социальной помощи бедным; денежные выплаты из фондов общественного потребления (пенсии, пособия, стипендии); обеспечение льгот, связанных с условиями труда, жильем; возможности бесплатного образования, бесплатного медицинского обслуживания;

2) меры по регулированию доходов: совершенствование оплаты труда, дифференцированное налогообложение предприятий и граждан.

Пассивными формами социальной защиты выступают денежные (а также в натуральной форме) выплаты и пособия наиболее нуждающимся.

Социальную защиту обеспечивают службы занятости. Активные формы регулирования занятости (подготовка и переподготовка кадров, создание новых рабочих мест, создание дополнительных и специализированных рабочих мест для инвалидов и других групп населения, малоконкурентоспособных на рынке труда, реализация программы общественных работ и т. д.) направлены на повышение уровня занятости или создание ее альтернативы, а следовательно, предусматривают стабильность доходов и повышение уровня жизни. Их можно рассматривать как активные формы социальной защиты. Проведение пассивной социальной политики занятости, т. е. предоставление временно неработающим пособий по

безработице, имеет целью обеспечить им минимально допустимый уровень жизни.

Актуальными мерами по социальной защите населения и регулированию трудовых отношений в Республике Беларусь сегодня являются:

- создание адресной системы социальной защиты;
- упорядочение льгот, надбавок и доплат, выплачиваемых за счет средств предприятий и организаций путем включения в тарифные ставки и должностные оклады;
- введение налоговых, кредитных или иных льгот для предприятий за создание дополнительных рабочих мест, за прием на работу многодетных женщин, инвалидов, пенсионеров, а также молодежи, в т.ч. окончившей профессиональные, средние специальные и высшие учебные заведения;
- уточнение стоимости потребительской корзины с учетом динамики цен, реформы оплаты труда и мировой практики;
- регулярный пересмотр минимальной зарплаты в связи с ростом индекса потребительских цен;
- развитие страховой медицины;
- переход к контрактной системе найма рабочих, специалистов и руководителей государственных предприятий, конкурсному отбору кандидатов на пост директора на основе оценки представленных ими программ развития предприятий;
- совершенствование оплаты труда;
- определение критериев отнесения граждан к малоимущим группам населения;
- разработка механизма выявления и учета граждан, находящихся за чертой бедности.

В. Л. КЛЮНЯ, И. В. НОВИКОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ РЫНОЧНОГО ТИПА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

This article deals with the problems of the world macroeconomic dynamics nowadays, the role and a place of the Republic of Belarus in these processes in connection with the formation of economy of the market type.

Клюня Владимир Леонидович, заведующий кафедрой экономической теории Белгосуниверситета, доцент. Автор более 60 научных работ. Исследует проблемы структурных изменений в экономике Республики Беларусь и развитие аграрных отношений.

Новикова Ирина Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории БГУ. Автор монографии «Рынок и государство: проблема макрорегулирования», учебного пособия «Системная методология в экономических исследованиях». Всего ею опубликовано более 50 научных работ. Занимается проблемами государственного регулирования в рыночных системах.

Сегодня суверенная политически Республика Беларусь стоит перед необходимостью обеспечения экономического суверенитета и интеграции в мировое хозяйство. Чтобы не оказаться на задворках экономической цивилизации, в республике, с одной стороны, необходимо решить проблемы утверждения элементов рыночных отношений, создать динамичную национальную экономику и, с другой стороны, — учитывать те процессы, которые идут в странах с развитыми рыночными системами: глобализацию и регионализацию экономической жизни на базе формирования интернациональной рыночной инфраструктуры и мировых рыночных структур, а также отход от регулирования внутринациональной активности и перенесение центра тяжести на координацию экономической политики, и прежде всего валютно-финансовой, на уровне государств.

Анализ ООН мирового экономического развития за последние более чем 30 лет показал, что, несмотря на частую экономическую рецессию, мировой ВВП за последние 30 лет увеличивался ежегодно на 3,9 % (в постоянных ценах 1980 г.), распределяясь неравномерно по годам и десятилетиям¹. Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения за 1960—1990 гг. в промышленно развитых странах с рыночными системами более чем удвоился (в 1960 г. он составлял 5500 долл., в 1990 г. — 12500 долл.). В том числе в США в начале 90-х гг. он составлял 22100 долл., в Японии — 17700 долл., Германии — 15300 долл., Франции — 16200 долл., Великобритании — 15300 долл., Италии — 13800 долл. В это же время ВВП на душу населения в республиках бывшего Союза составлял: в России — 6200 долл., Беларуси — 6100 долл. Самые высокие показатели в данном регионе были в Литве и Латвии — 9500, Эстонии — 10600 долл.

В развитых странах основным фактором роста оказались структурные изменения, направленные на перемещение капитала и рабочей силы из менее производительных секторов тяжелой промышленности в высокотехнологичные отрасли обрабатывающей и в сферу специализированных услуг, характеризующихся высокой добавленной стоимостью.

В развивающихся странах снизилась доля сельского хозяйства и возросла доля услуг и промышленности, и прежде всего обрабатывающей (среднегодовые темпы роста в этих отраслях 11 %).

Важным показателем экономического роста и структурных изменений являются инвестиции. Страны, которые смогли увеличить инвестиции и повысить эффективность их использования, добились высоких темпов экономического роста.

В 80-е гг. во всех промышленно развитых странах с рыночными системами важнейшим приоритетом становится научно-техническая политика и неразрывно с ней связанное структурное регулирование. На первый план выдвинулась проблема реиндустриализации этих стран, сосредоточение внимания на развитии высокотехнологичных отраслей, а следовательно, и индустриальная политика как основа структурного регулирования.

В современных условиях преимущества в конкурентной борьбе между странами и обеспечение темпов экономического роста определяются не размерами страны, не богатыми природными ресурсами и даже не мощностью финансового капитала. Теперь все решают уровень образования и объем накопленных обществом знаний, т. е. интеллектуальный потенциал страны. А потому совершенно очевидно, что в будущем процветающими окажутся те государства, которые сумеют превзойти других в освоении новых знаний, научных достижений и их трансформации в современные технологии и продукцию.

К 2000 г. ожидаются значительные структурные изменения в промышленности и экспорте всех стран. Основные направления этих изменений — увеличение доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей и переориентация традиционных отраслей на применение высоких тех-

нологий. В настоящее время доля высокотехнологичных изделий в экспорте США составляет более 30%. Увеличивается удельный вес этих товаров в производстве и экспорте Японии и стран ЕС.

Основные усилия в ЕС уже сегодня сосредотачиваются на информатике и биотехнологиях. Предполагается создание «европейского информационного пространства», которое стало бы в XXI в. кровеносной системой экономики в Европе, объединив разработки в сфере информатики, телекоммуникаций, компьютерной техники, обеспечивая рабочие места в таких сферах, как социальная защита и здравоохранение.

Быстро увеличивается производство информационных технологий, особенно гибких обрабатывающих систем, использование которых позволяет применять ЭВМ на всех стадиях разработки и производства изделий. Все это обеспечит быстрые темпы роста продукции машиностроения и приборостроения. При этом важнейшая роль отводится микроэлектронике, поскольку от нее зависит развитие информационных технологий.

Доля же традиционных отраслей, производящих такие потребительские товары, как продовольствие, одежда, обувь, текстиль, производство которых характеризуется высокой трудоемкостью и низкой квалификацией рабочей силы, будет постоянно сокращаться в структуре обрабатывающей промышленности. Производство продукции данных отраслей будет перемещаться из развитых стран в развивающиеся.

Ожидается, что в конце XX столетия темпы роста мировой торговли будут по-прежнему обгонять темпы роста производства. Тем не менее нарастает тенденция к снижению мирового импорта, что неизбежно приведет к снижению возможностей для расширения и мирового экспорта. Поэтому основной заботой правительств промышленно развитых стран станут поиски путей защиты своей экономики от усиливающейся конкуренции со стороны иностранных производителей.

В сложившейся ситуации каждая из этих стран подходит к решению названных проблем, исходя только из собственных интересов без учета возможных последствий ее решений для других государств. Международная экономическая координация «семерки» сегодня не всегда дает нужные результаты. Тенденция к интернационализации, глобализации хозяйственной жизни пробивает себе дорогу через регионализацию. Последняя же складывается прежде всего в виде трехполярной международной валютной системы, формирующейся вокруг доллара США, немецкой марки и японской иены. Говорить же о финансовом союзе в рамках ЕС на базе единой европейской валюты (до 1999 г.) пока еще рано. Другими словами, в мире сегодня довлеют две тенденции — к интернационализации хозяйственной жизни и национальной (и региональной) обособленности, с одной стороны, стихийных рыночных сил и сил регулирования, с другой. Эти тенденции затрагивают и страны Восточной Европы и Россию, избравшие путь рыночных реформ.

Ключевой проблемой для государства Республика Беларусь в сложившихся условиях должно стать структурирование вмешательства в воспроизводственные процессы при отказе от централизованного планирования, сотрудничество государства с частными финансовыми и кредитными учреждениями, нарождающимся национальным и иностранным капиталом.

Создавая новую систему государственного регулирования в Республике Беларусь с учетом мировой динамики, следует помнить, что она должна быть направлена на формирование открытой экономики рыночного типа таким образом, чтобы страна и отдельные сферы ее экономики вышли на траекторию мировых инновационных волн. Ибо республика, будучи сравнительно небольшой по территории и населению, ограниченной природными ресурсами и довольно неблагоприятными климатическими условиями, должна быть только открытой экономической системой с большим удельным весом промышленности в экономической

структуре производства. Открытость предполагает согласование внешних и внутренних экономических регуляторов, определяя таким образом место Республики Беларусь в региональном и интернациональном разделении труда. Как отмечал эксперт Всемирного банка Д. Хансен: «Беларусь не может позволить себе ориентацию на обособление и достижение самодостаточности... Не обладая достаточными собственными энергоресурсами, имея сравнительно холодный климат и низкую среднюю плодородность почв, республика всегда будет импортировать значительное количество энергоносителей и продовольствия...»².

Следовательно, на сегодняшний день основные вопросы для Республики Беларусь — вопросы об интеграции, ее векторе и о соотношении внешних и внутренних регуляторов, их структуре. Все это должно лечь в основу программы выхода из социально-экономического кризиса, формирования инновационных макростратегий Республики Беларусь и ее внешнеэкономических ориентиров.

Сегодня мировая экономика находится в низшей точке «длинной волны» Кондратьева*. По данным аналитиков комиссии ЕС и в 1996 г. снижение темпов экономического роста продолжается.

В соответствии с концепцией Кондратьева, начало «повышательной волны» после кризиса 1929—1933 гг. пришлось на середину 40-х гг. Если исходить из 50—60-летней длительности цикла, то «повышательная волна» начнется со второй половины 90-х гг. «Длинные волны» следует рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия в длительном периоде, основная причина которого заключается в механизме накопления, аккумуляции и рассеивания капитала, достаточного для создания новых элементов экономической инфраструктуры экономической системы. «Повышательная волна» обуславливается ситуацией в экономиках, когда накопление капитала достигает такого состояния, при котором становится возможно рентабельное его инвестирование для создания новых основных фондов, базирующихся на новых производственных технологиях.

Если «повышательная волна» второй половины 90-х гг. XIX в. была связана с такими научными открытиями и их внедрением в производство, как электроэнергия, создание двигателя внутреннего сгорания, химические технологии, а «повышательная волна» середины 40-х гг. XX в. связана главным образом с электроникой, то «повышательная волна» второй половины 90-х гг. XX в. должна быть инспирирована новыми поколениями компьютерной техники, информационными и биотехнологиями в различных отраслях экономики. А все эти технологии требуют высокообразованной рабочей силы, концентрации внимания на их научных разработках. Вот почему промышленно развитые страны еще в 80-х гг. сконцентрировали внимание на проблемах структурной перестройки своих экономик в направлении реиндустриализации.

В данной ситуации республика, находящаяся в центре Европы, должна правильно выбрать вектор интеграции и инновационную макростратегию. Почему Республика Беларусь предпочитает российскую направленность данного вектора? А объясняется это достаточно просто: необходимо, сохранив устаревшую структуру, без соответствующих институциональных изменений реанимировать экономику, находящуюся в глубокой

---

* В экономике наряду с краткосрочными и среднесрочными циклами деловой активности существуют циклы продолжительностью 50—60 лет, которые получили название «длинных волн Кондратьева». Последний открыл эти циклы и объяснил их существование тем, что длительность функционирования различных капитальных благ неодинакова. Наиболее длительный период функционирования имеют мосты, дороги и другая инфраструктура. Они требуют наибольшего времени для аккумуляции капитала. Большие циклы («длинные волны» Кондратьева) можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода.

коме. В лучшем случае это ненадолго может дать имитацию экономической стабилизации и роста занятости. Но кому нужна морально устаревшая продукция, созданная на основе морально устаревших или устаревающих технологий, продаваемая по мировым или близким к мировым ценам? Российскому потребителю? Отнюдь. Законсервировав устаревшую энергоемкую и ресурсоемкую структуру, проедаая сбережения прошлых лет, залезая в долги, отказавшись от рыночных реформ, делая попытку вернуться через вертикаль к централизованно управляемой экономике, не имея стратегической программы развития национальной экономики, продолжая разрушать научный потенциал нации, завтра мы окажемся на задворках цивилизации.

И если кто-то думает, что удастся, ничего не меняя, вернуть населению уровень жизни конца 70-х — начала 80-х гг., то это глубокое заблуждение. Почему? Потому что темпы роста валового продукта СССР имели тенденцию к падению уже с начала 60-х гг.³ Однако преодолеть эту тенденцию помогла прежде всего дешевая самотлорская нефть, обеспечившая экономику нефтедолларами. Это позволило функционировать неэффективной экономике СССР столь продолжительный период и поддерживать сравнительно высокий уровень жизни.

Сегодня дешевые российские энергоносители превратились в миф. После заключения соответствующих соглашений между Республикой Беларусь и Россией долг за энергоносители был списан. Но, перефразируя старое изречение «Долг списан, да здравствует долг!», следует отметить, что при сохранении устаревшей структуры национальной экономики по расчетам Всемирного банка к 2000 г. долг белорусской экономики может превысить 30 % ВВП — уровня, когда по международным нормам страну относят к немногочисленной категории государств «серьезно обремененных долгами».

Республике Беларусь нужна валюта для осуществления структурных реформ и придания динамики национальной экономике. С одной стороны, валютные поступления для проведения структурных реформ можно получить от МВФ. С другой стороны, валюту можно зарабатывать за счет расширения экспорта. Для этого необходимы маркетинговые исследования мирового и европейского рынков, нужны новые прогрессивные технологии, которые должны «прийти» в Республику Беларусь вместе с инвестициями, либо инвестиции должны «прийти» к новым белорусским технологиям. Безусловно, задача по привлечению инвестиций непростая. Ибо даже в интегрирующейся Европе инвестиций не хватает. Сегодня в ЕС на долю инвестиций приходится 19 % совокупного ВВП. Это выше, чем в США (15 %), но значительно ниже, чем в Японии (30 %). В этих условиях прирост инвестиций ожидается со стороны главным образом частного сектора, но при мощной поддержке государства. Инвестиции в Европе ориентированы на создание «трансевропейских сетей» — транспортных, энергетических, информационных, и прежде всего в направлении Запад — Восток.

В Республике Беларусь инвестиции начиная с 1991 г. имеют тенденцию к падению. В 1995 г. они составили 41 % от уровня 1990 г. Соответствующая тенденция характерна и для ВВП Республики Беларусь. Следовательно, с аккумуляцией внутренних сбережений для инвестирования их в экономику республики сегодня достаточно сложно. В этой связи республике неплохо было бы принять участие в создании трансевропейской инфраструктуры, попытаться привлечь частный капитал. Хотя частный капитал не совсем охотно идет в данный сектор, ибо здесь проекты медленно окупаются и имеют невысокую рентабельность. Но в данном случае гарантом могло бы выступить государство, создавая благоприятный инвестиционный климат и не только для иностранных инвесторов. Под участие в этих проектах можно было бы получить выгодные кредиты европейских банков, и прежде всего ЕБРР. Более того, следует учесть,

что в республике имеется квалифицированная рабочая сила для осуществления именно данных проектов. Их реализация заложит основы экономической инфраструктуры для привлечения и функционирования частного иностранного и национального капитала. Известно, что обороту капитала, сокращению издержек и росту прибыли способствуют средства сообщения. Развитые сети коммуникации, интегрированные в европейские и мировые, необходимы как местному, так и иностранному капиталу. Ибо увеличение производства продукции потребует не только ее быстрой

реализации внутри страны, но и вывоза на мировой рынок. Коммуникационные и транспортные системы помогут фирмам сократить издержки производства и сделать привлекательными капиталовложения в экономику республики. Этому будет способствовать и географическое положение республики.

В республике необходимо провести ревизию научных разработок в целях их промышленного освоения и продвижения на европейский и мировой рынки. И здесь велика роль государства. Необходимо не только сохранить, но и увеличить финансирование перспективных научных разработок, с одной стороны. Ибо наука — это мозг экономики, и даже приостановка ее деятельности означает смерть организма. С другой стороны — государство должно создавать благоприятные условия для первопроходцев в освоении новых высокотехнологичных производств (налоги, маркетинг мирового рынка, продвижение продукции, льготы на экспорт, условно беспошлинный импорт и т. д.), а также привлекать под них иностранные инвестиции. Нужно предпринять действенные меры на микро- и макроуровнях, направленные прежде всего на активизацию исследований в сфере науки, образования и новых технологий (приоритеты в госбюджете всех уровней, использование государственных финансов в частных образовательных и научных структурах, конкурсное финансирование проектов и их льготное кредитование и т. п.)

Таким образом, в свете тенденций мировой социально-экономической динамики, прогнозов ООН стратегическая цель развития Республики Беларусь — формирование открытой экономики рыночного типа, интегрированной в европейское и мировое хозяйство, что позволит осуществить структурную перестройку национальной экономики и выйти на траекторию мировых инновационных волн.

¹ Overall Economic Perspective to the year 2000. UN, Ec. Com. for Europe. New York, 1992.

² Хансен Д. // Национальная экономическая газета. 1995. № 45. С. 1.

³ См. более подробно: Абрамов И. М. Циклы в развитии экономики СССР. Мн., 1990.

В. Г. ТИХИНЯ

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В БЕЛАРУСИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

In the article «Principles of Forming Legal State in Belarus (Theory and Practice)» by Valery Tikhinya — a well-known lawyer, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, the following principles of general bases of a law state are studied — principle of separation of powers, principle of supremacy of law, principle of protecting human rights and etc... The author of the article analyzes the causes which make complicated the process of forming legal state in the Republic of Belarus under modern conditions.

Тихиня Валерий Гурьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент АНБ, Председатель Конституционного суда Республики Беларусь.

Опубликовал около 200 научных работ, из них 18 монографий, в том числе «Гражданский процесс БССР» в 4-х томах, «Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве», «Научно-практический комментарий к ГПК БССР», «Тернистый путь к правовому государству», «Научно-правовой комментарий Конституции Республики Беларусь» и др.

Идея правового государства, которая входит в золотой фонд общечеловеческих ценностей, в Беларуси впервые официально провозглашена в Декларации о государственном суверенитете, принятой Верховным Советом 27 июля 1990 г. На высшем законодательном (конституционном) уровне эта идея закреплена в действующей белорусской Конституции 1994 г.

В современных условиях в силу ряда объективных и субъективных причин процесс формирования правового государства в Республике Беларусь носит сложный и противоречивый характер. От прежней правовой системы сейчас мало что осталось. Возводится новое здание правовой государственности; создается система законодательства, отвечающая рыночным отношениям. Мы медленно «вживаемся» в демократию, пытаемся строить правовое государство...

На наш взгляд, разумной альтернативы правовому государству в Республике Беларусь нет. Более того, многие нынешние беды напрямую связаны с тем, что мы, к сожалению, еще живем в неправовом государстве.

Правовое государство — явление многомерное. Основные принципы формирования такого государства в самом общем виде можно представить следующим образом: принцип разделения властей, принцип верховенства закона, принцип взаимной ответственности, принцип судебной защиты прав личности и др.

Несомненно, одним из важнейших принципов формирования правового государства является принцип разделения властей.

Еще несколько лет тому назад в Беларуси на официальном уровне провозглашался тезис о том, что государственная власть едина и неделима. На основе этого делался вывод, что надо говорить не о разделении властей, а лишь о разграничении функций органов государственной власти.

Принцип разделения властей в Беларуси нашел свое конституционное оформление в Основном Законе 1994 г. «Государство, — записано в ст. 6 Конституции, — основывается на принципе разделения властей». Три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) в пределах своих полномочий самостоятельны, взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга.

Законодательная власть в Республике Беларусь воплощена в Верховном Совете, который в соответствии со ст. 79 Конституции является высшим представительным постоянно действующим и единственным законодательным органом государственной власти страны. Никакому другому органу государства или должностному лицу не дано права принимать нормативные акты, стоящие над законом.

Разработка и принятие законов — главное в деятельности Верховного Совета. Вместе с тем он призван осуществлять контроль за ходом выполнения законов, наделен и некоторыми другими контрольными полномочиями. Прежде всего, это контроль за назначением (освобождением) Премьер-министра, его заместителей, руководителей «силовых» министерств и ведомств. Конституцией предусмотрен также механизм парламентского контроля в финансовой и других сферах.

В Республике Беларусь исполнительная власть реализуется через Президента страны, правительство (Кабинет Министров) и их органы. Белорусская Конституция учредила пост «сильного» Президента: он является не только главой государства, но и главой исполнительной власти. Сегодня Республика Беларусь находится на таком этапе развития, когда в механизме разделения властей наблюдается крен в сторону усиления исполнительной власти.

Президент призван способствовать согласованному функционированию всех трех ветвей власти. Вместе с тем он не вправе подменять законодательную или судебную власть, нарушать их самостоятельность, вторгаться в конституционные полномочия этих ветвей власти.

Судебная власть — необходимый элемент правового государства. Никакие другие учреждения и ведомства (кроме суда) не вправе претендовать на исполнение судебных функций. Согласно ст. 110 Конституции, судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону.

В нашем обществе споры должны решаться цивилизованным (правовым) путем — в судах, а не на улицах и площадях. Каждый гражданин должен иметь твердую уверенность в том, что его обращение к судебной власти будет завершено законным и обоснованным решением.

Состояние судебной власти, ее роль в жизни государства и общества — это своего рода лакмусовая бумажка, по которой можно судить о демократии и законности в стране. В Беларуси предстоит сделать еще очень многое, чтобы судебная защита (не на словах, а на деле) стала основной формой защиты прав личности.

В правовом государстве недопустимо, чтобы одна ветвь власти осуществляла функции другой ветви. Однако на практике в 1995 г. у нас в Беларуси были неединичны случаи, когда исполнительная власть подменяла законодательную, брала на себя не свойственные ей функции органа законодательной власти.

В правовом государстве не должно быть органа или лица, в котором концентрировалась бы государственная власть в полном объеме. В соот-

ветствии с принципом разделения властей недопустима монополизация государственной власти в одних руках. Подобная монополизация всегда содержит в себе определенный риск трансформироваться в неограниченную власть. Поэтому нельзя вопреки закону усиливать или ослаблять ту или иную ветвь власти.

Государственная власть должна позволять критиковать себя, свои институты и должностных лиц. Эта власть должна гарантировать гражданам право на инакомыслие.

И сегодня актуальной является идея, провозглашенная еще в период, когда шла борьба с абсолютной властью монарха: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет издавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их» (Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955. С. 290).

В 1995 г. Верховным Советом приняты законы (о Верховном Совете, о Президенте, о Кабинете Министров), которым определены сферы компетенции, полномочия законодательной и исполнительной власти. Эти законы в Конституционном суде Республики Беларусь подвергнуты правовой экспертизе на предмет их соответствия Конституции, по ним приняты соответствующие заключения. Отметив неконституционность отдельных положений законов о Верховном Совете и о Президенте, а также редакционные неточности закона о Кабинете Министров, Конституционный суд вместе с тем признал их право на жизнь.

В общем, в республике создана надлежащая правовая база для нормального функционирования трех ветвей власти. Разделение властей, являясь гарантом демократичности государственного строя, призвано не допускать авторитаризма и тоталитаризма.

Разделение властей не исключает, а предполагает их кооперацию, объединение усилий для решения важнейших государственных задач. Обострение отношений между отдельными ветвями власти (особенно между законодательной и исполнительной) может резко ослабить и даже парализовать управление страной.

Все ветви власти должны быть одинаково подчинены закону, в этом — основа их единства. Безнравственность государственной власти начинается с нежелания ее представителей следовать закону.

По нашему мнению, принцип разделения властей в современных условиях может быть на практике эффективно реализован, если будут приняты во внимание следующие основные факторы: национальная специфика государственной формы правления, политическая и экономическая стабильность общества, уровень правовой культуры.

Система разделения властей в Республике Беларусь находится в стадии становления. Идет «притирка» различных ветвей власти друг к другу, вырабатывается модель их взаимоотношений, ведется поиск наиболее оптимальных форм государственного развития.

Принцип верховенства закона — один из основополагающих принципов формирования правового государства в Республике Беларусь. Суть его состоит в том, что закон должен господствовать во всех сферах жизни. Государственные органы и общественные объединения обязаны действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней законов.

Закон не может быть отменен, изменен или приостановлен подзаконным актом (например, указом Президента). В случае расхождения подзаконных актов с законом действует закон. Как записано в статье 7 белорусской Конституции, государство, все его органы и должностные лица связаны правом.

И наконец, верховенство закона означает его всеобщность, т. е. главные, ключевые, отношения в экономике, социальной и других сферах жизни нашего общества должны регулироваться на уровне закона.

К сожалению, принцип верховенства закона в Республике Беларусь сегодня работает не в полной мере. Нынешние реалии таковы: у нас есть законы, но нет надлежащей законности. Разрушив старую (командно-административную) систему власти, мы взамен ее новую систему управления обществом с помощью закона еще не создали. А ведь законность не может носить половинчатый характер, не может быть частичной или избирательной. Либо она есть, либо ее нет. Третьего не дано.

Серьезную озабоченность вызывает состояние конституционной законности в Республике Беларусь. Второе полугодие 1995 г. в стране было отмечено затяжным парламентским кризисом. Верховный Совет двенадцатого созыва, несмотря на признание его легитимным Конституционным судом, фактически не работал. На неопределенное время был прерван законотворческий процесс и ослаблен парламентский контроль за исполнением законов.

Парламентский кризис повлек за собой правовой кризис. По существу, стало невозможным принятие многих уже готовых законопроектов. Остановилась работа по проведению судебной реформы. До сих пор не работает суд присяжных, хотя по закону «О судеустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» такой суд у нас должен функционировать с 1 января 1996 г.

В 1995 г. Конституционным судом признаны несоответствующими Конституции 16 нормативных актов, а том числе 5 законов и постановлений Верховного Совета и 11 указов Президента Республики Беларусь.

В Беларуси игнорируются, нарушаются политические, социально-экономические и другие права граждан. Широкое распространение получил правовой нигилизм. Отдельными должностными лицами предпочтение отдается не законности, а целесообразности. Господствует неправовое мышление. По этим и другим основаниям Конституционный суд признал состояние конституционной законности в стране в 1995 г. неудовлетворительным. С этим выводом согласился и Верховный Совет Республики Беларусь, приняв 27 февраля 1996 г. специальное постановление.

Сегодня безопасности человека в Республике Беларусь угрожает интенсивный рост преступности. Вот некоторые данные за последние пять лет. В 1991 г. в стране была зарегистрирована 81 тыс. преступлений, в 1992 г. — 96 тыс., в 1993 г. — 104 тыс., в 1994 г. — свыше 120 тыс., в 1995 г. — 132 тыс. преступлений. Так называемые «имущественные» преступления составляют 79 % в общем объеме преступности.

Криминогенную ситуацию в республике усугубляют многие факторы, среди которых особого внимания, по нашему мнению, заслуживают два:

- 1) не реализуется в полной мере принцип неотвратимости наказания (в частности, в 1995 г. не раскрыто около 40 % зарегистрированных преступлений);

- 2) на государственном уровне нет четко продуманной системы организации профилактики правонарушений.

Некоторые официальные лица нашего государства заявляют, что «плохие» законы можно не исполнять. Это явно ошибочное мнение: пока закон не отменен в установленном порядке, независимо от того, хороший он или плохой, его надо исполнять. В противном случае мы становимся на путь беззакония. Нельзя жить в государстве и при этом быть свободным от законов. Нам, в Республике Беларусь, следует бояться правового Чернобыля!

В обстановке неуважительного отношения к закону ни одна из ветвей власти не может нормально функционировать. Как не вспомнить в связи с этим мудрое предостережение древнегреческого философа Платона: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы».

В соответствии с Конституцией организовать исполнение законов должна исполнительная власть. Это ее важнейшая функция. Однако указанную функцию эта власть выполняет крайне неудовлетворительно. Более того, в 1995 г. исполнительная власть в ряде случаев выходила за рамки правового поля, определенного ей действующим законодательством.

Представляется, что исполнительная власть еще в силах улучшить нынешнюю правовую ситуацию в республике. Для этого требуется как минимум одно условие: верхние эшелоны исполнительной власти должны сами безукоснительно соблюдать законы и требовать того же от всех других органов государственной власти, должностных лиц и граждан. В общем, законность должна утверждаться сверху!

Как известно, свои законы есть и у тоталитарных режимов. Поэтому сущность правового государства не просто в наличии законов. Правовое государство предполагает наличие законов, гарантирующих прежде всего права и свободы граждан. **Реальное обеспечение прав человека — объективный критерий, по которому можно судить, является данное государство правовым или таковым оно лишь только именуется.**

Личные права и свободы принадлежат каждому человеку от рождения. Они не дарованы государством, поэтому не могут быть государством отняты. Государство обязано признавать права и свободы человека, закреплять их в законах и оберегать всеми имеющимися у него средствами. Это долг каждого государства, считающего себя демократическим, правовым.

Конституция объявила человека высшей ценностью общества и государства. Из 149 ее статей 78 посвящены правовому статусу личности, правам и свободам граждан. По оценке зарубежных экспертов, права и свободы, закрепленные в действующей белорусской Конституции, соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права. Главное теперь, на наш взгляд, сделать все необходимое для того, чтобы эти конституционные нормы работали, действовали.

В Республике Беларусь некоторые юридические институты, направленные на защиту прав человека, находятся, образно говоря, на точке замерзания. До сих пор, например, не опубликованы в открытой печати многие подзаконные акты, касающиеся прав и обязанностей граждан. Кроме того, ряд норм, посвященных защите прав личности, носят чисто декларативный характер: права провозглашаются, но не обеспечиваются соответствующими гарантиями. Неудивительно поэтому, что более половины дел, рассмотренных Конституционным судом в 1995 г., составили дела, касающиеся защиты прав и свобод граждан.

В ходе социологических опросов, проведенных в рамках исследовательской программы Европейского союза «Евробарометр», установлено, что только 37 % опрошенных считают, что в Беларуси соблюдаются права человека. Представляется, что для усиления контроля за соблюдением прав и свобод граждан следовало бы учредить в Республике Беларусь должность Уполномоченного по правам человека.

Сегодня у нас не работает в полной мере и такой важнейший принцип правового государства как принцип взаимной ответственности. Суть его в том, что не только гражданин должен нести правовую ответственность перед государством за нарушение закона, но и государство должно

в установленном порядке нести правовую ответственность перед своими гражданами за невыполнение своих обязательств. По рассмотренному в 1995 г. в Конституционном суде делу о деноминации белорусского рубля Суд напомнил Кабинету Министров и Национальному банку Республики Беларусь о том, что государству во взаимоотношениях с гражданами необходимо соблюдать принцип взаимной правовой ответственности.

Движение к правовому государству в Республике Беларусь должно сопровождаться кардинальным обновлением действующего законодательства. Требуется его капитальный, а не косметический ремонт. За 1990—1995 гг. у нас принято свыше 500 новых законов. Несмотря на это, законы в общем массиве нормативных актов составляют лишь около 5 %, т. е. основным регулятором общественных отношений в республике по-прежнему являются не законы, а подзаконные акты.

По нашему мнению, в Беларуси коренным образом должно быть пересмотрено прежде всего гражданское и хозяйственное законодательство: оно громоздко и противоречиво, не отвечает потребностям и реалиям дня. Мы провозгласили переход к рынку, не имея рыночного законодательства. Сейчас, образно говоря, мы напоминаем пассажира, который догоняет уходящий поезд.

Разумеется, нашу больную экономику нельзя вылечить только с помощью лекарств из «юридической аптеки». Но недооценивать роль права в оздоровлении экономики нельзя: вся система хозяйствования у нас должна быть построена на гражданско-правовых началах. Хорошим подспорьем здесь должен стать новый Гражданский кодекс Республики Беларусь (кодифицированный акт, регулирующий товарно-денежные и иные отношения в условиях рынка), проект которого Верховным Советом принят в первом чтении.

Прежнее наше законодательство обслуживало командно-директивную экономику. Оно представляло собой замкнутую систему, в которой, по существу, не было места иностранному предпринимателю. Сегодня у нас появились возможности для того, чтобы изучить и творчески использовать положительный опыт рыночного законодательства других стран. Необходимо привести наше национальное законодательство в соответствие с мировыми стандартами, с общепризнанными принципами и нормами международного права.

В правовом государстве, которое мы пытаемся строить, должна быть **высокая правовая культура**. Правовое государство и правовое бескультурье — понятия несовместимые.

Социологические исследования показывают, что три четверти опрошенных знакомятся с законами от случая к случаю. У значительной части населения наблюдается неверие в силу закона. Отдельные министерства и ведомства стремятся действовать, не считаясь с требованиями закона. При таком уровне правовой культуры правового государства нам в Беларуси не построить. Можно создать разумные, прогрессивные законы, но если их не будут знать граждане, законы не будут соблюдаться, — правового государства не создадим! Беззаконие будет процветать, если граждане не будут знать своих прав и обязанностей. Поэтому необходимо по-настоящему заняться проблемами повышения правовой культуры граждан, и прежде всего должностных лиц.

Создание правового государства — одна из жизненных потребностей нашего общества. Путь к нему тернист, но необходимо делать все для того, чтобы правовое государство в Беларуси стало реальностью.

КАНСТЫТУЦЫЙНАЯ РЭФОРМА: ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ

Problems of the development of contemporary constitutional process in Belarus are analysed in the article. It is pointed out that there is objective necessity to establish such a system of power in the Republic of Belarus, which should be really corresponding to the principle of power division and could be guarantee rights and freedoms of personality.

Абрамовіч Аляксандр Міхайлавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права БДУ.

Аўтар больш за 70 навуковых публікацый, у тым ліку 5 манаграфій па праблемах дзяржаўнага права, кіраўніцтва, тэорыі федэралізму.

Сучасныя грамадскія працэсы ў Рэспубліцы Беларусь, іх дынамізм патрабуюць адпаведнага навуковага аналізу з пункту гледжання юрыдычнага афармлення гэтых працэсаў, стварэння належнай прававой базы ажыццяўлення далейшых прагрэсіўных пераўтварэнняў. Асабліваю актуальнасць набыла праблема прывядзення ў адпаведнасць з сучаснымі патрабаваннямі асновы дзеючай сістэмы беларускага заканадаўства — Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Прынятая 15 сакавіка 1994 г. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь замацавала змены ў эканамічнай, палітычнай і іншых сферах грамадскага жыцця: фармаванне шматукладнай эканомікі, забеспячэнне роўнасці ўсіх форм уласнасці, паступовае ўсталяванне палітычнага плюралізму і, галоўнае, замацаванне шырокага кола правоў і свабод грамадзян.

Адносна невылікі гістарычна тэрмін (два з паловай гады), які прайшоў з моманту прыняцця дзеючай канстытуцыі, мае шматзначную спецыфіку. Гэта тэрмін пераходнага перыяду, змены ў які адбываюцца, асабліва ў палітычнай сферы, з дастатковай і часта імклівай хуткасцю. З'явілася шэраг аб'ектыўных прадпасылак, якія запатрабавалі канстытуцыйных змен.

Усё больш акрэсленае азначэнне агульнага напрамку грамадскага развіцця краіны дае магчымасць больш змястоўна вызначыць на канстытуцыйным узроўні асноўныя правы і свабоды грамадзян і значна іх пашырыць, маючы на ўвазе пабудову сацыяльнай прававой дзяржавы і грамадскай супольнасці. Таму замацаванне на канстытуцыйным узроўні, напрыклад, аднаго з найбольш фундаментальных правоў чалавека — права на свабоднае і годнае існаванне — можа мець выключнае значэнне для ўсёй сістэмы эканамічных і сацыяльна-культурных правоў грамадзян рэспублікі. Аб сацыяльна арыентаванай палітыцы дзяржавы, несумненна, можа сведчыць падыход, накіраваны на ўсталяванне ў Асноўным Законе палажэнняў аб гарантаванні працоўным магчымасцей прымаць удзел у кіраванні вытворчасцю, атрымліваць заробточную плату, якая павінна складаць справядлівую долю ў выніках грамадскай эканамічнай працы, аб сапраўднай абароне адпаведных сацыяльных груп і моладзі, маламаёмных і інш. Усе гэтыя і іншыя сацыяльныя аспекты канстытуцыйнага забеспячэння прававога статусу асобы зусім лагічна вынікаюць з той зыходнай пасылкі, якая вызначае ўвесь змест перспектыўных змяненняў Асноўнага Закона — народ не толькі крыніца ўлады, але і носьбіт суверэнітэту.

Практыка дзяржаўнага будаўніцтва за мінулы перыяд выявіла сур'ёзныя недахопы ў канстытуцыйным забеспячэнні і функцыянаванні цэнтральных дзяржаўных органаў — як ва ўзаемадзеянні іх паміж сабой, так і ў рэалізацыі іх непасрэдных функцый. Агульнавядома, што Канстытуцыя 1994 г., хаця і дэкларавала прыныцып падзелу ўладаў і ўвяла пасаду прэзідэнта ў якасці кіраўніка дзяржавы і выканаўчай улады, тым не менш

па зместу засталася канстытуцыйнай, заснаванай на монаўладзе, пры якой усе іншыя органы фактычна і юрыдычна падкантрольны і падсправаздачны адной уладзе, у нашым выпадку — саветам дэпутатаў. На вышэйшым узроўні вярхоўны савет застаўся па-ранейшаму тым звяном, якое з'яўляецца ключавым у сістэме дзяржаўнай улады. Практычна амаль любое пытанне ён можа прадвырашаць шляхам прыняцця адпаведнага закона, а затым кантраляваць яго выкананне. Да таго ж яго кампетэнцыяй з'яўляецца і тлумачэнне нормаў канстытуцыі, а таксама законаў, што дае вярхоўнаму савету дадатковыя магчымасці ў накірунку забеспячэння яго верхаўства ў агульнай сістэме дзяржаўных органаў.

Кардынальныя змены канстытуцыйных палажэнняў, лагічна патрабуючы дакладнага акрэслення паўнамоцтваў прэзідэнта, парламента, выканаўчай улады, павінны зыходзіць з гранічнага абмежавання гэтых паўнамоцтваў. Гэта азначае, што ў канстытуцыі не павінна адносна кампетэнцыі дадзеных органаў прымяняцца формула «вырашае іншыя пытанні». Гэта давала магчымасць заканадаўчай галіне ўлады шляхам прыняцця адпаведных нарматыўных актаў практычна вырашаць любыя пытанні. Ні парламент, ні прэзідэнт сваімі актамі не павінны пашыраць свае паўнамоцтвы. Таму адносна вышэйшых органаў дзяржаўнай улады ў сучасных умовах прыёмальнай з'яўляецца формула: «вырашае іншыя пытанні, калі гэта прадугледжана канстытуцыйнай».

Вядома, што кожная галіна ўлады як пэўны сацыяльны арганізм імкнецца расшырыць свае функцыі, а значыць, і паўнамоцтвы, гэта аб'ектыўны закон, ён дзейнічае і ў іншых краінах. Аднак у аптымальна арганізаваных дзяржаўных сістэмах прадугледжваюцца механізмы, якія функцыянуюць як стрымліваючыя не толькі паміж рознымі галінамі ўлады, але і ўнутры саміх гэтых галін улад. На наш погляд, такія механізмы патрэбны не толькі заканадаўчай, але і выканаўчай уладзе.

Такім стрымліваючым механізмам для заканадаўчай улады з'яўляецца двухпалатная сістэма. Радзімай двухпалатнага парламента ў яго сучасным выглядзе з'яўляецца, як вядома, Вялікабрытанія. У большасці дэмакратычных краін парламенты двухпалатныя. Гэта ЗША, ФРГ, Францыя, Італія, Іспанія, Японія і інш. Сярод больш «маладых» у гэтай сферы можна назваць Польшчу, Расійскую Федэрацыю, Казахстан, якія таксама выбралі сістэму двухпалатнага парламента. Пры двухпалатнай сістэме парламента, з аднаго боку, існуе спецыяльны прафесіянальны орган, які працуе ў галіне законатворчасці — гэта палата дэпутатаў або прадстаўнікоў; другая палата выконвае, па-першае, экспертна-кантрольныя функцыі. Яна, напрыклад, на нейкі момант можа затрымаць увядзенне ў жыццё не адпавядаючых яго патрабаванням законаў. Але ў канчатковым выніку палата прадстаўнікоў павінна мець магчымасць рухаць, калі гаварыць умоўна, закон, нават тады, калі другая палата яго адхіляе, іншым канстытуцыйным шляхам праз узгадняльную камісію і інш. і ў адпаведных абставінах прымаць, нягледзячы на адмоўныя адносіны да законапраекта другой палаты. Другая палата магла б таксама вырашаць пытанні, звязаныя з прызначэннем вышэйшых службовых асоб дзяржавы ў межах кампетэнцыі парламента. І нарэшце, падкрэслім: другая палата адлюстроўвала б пераважна не столькі палітычныя, колькі рэгіянальныя інтарэсы, што вельмі важна для ўстойлівага функцыянавання дзяржаўнага механізма.

Пры такім становішчы забяспечваецца большая эфектыўнасць работы парламента, перш за ўсё за кошт яго якасных, калі можна так сказаць, законатворчых і кадравых рашэнняў.

Стрымліваючы механізм павінен быць і ў сістэме «прэзідэнт — выканаўчая ўлада». Такім механізмам з'яўляецца наяўнасць магутнага выканаўча-распарадчага органа — кабінета міністраў. З органа, утворанага пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, кабінет міністраў павінен атрымаць статус самастойнага органа, які мае права ўносіць праекты законаў непасрэдна ў парламент, мінуўчы прэзідэнта. Толькі праект закона аб бюджэце ў сувязі з яго выключнай важнасцю мэтазгодна — і гэта павінна мець канстытуцыйнае замацаванне — ураду ўносіць у парламент са згоды прэзідэнта. У інтарэсах дзяржавы патрэбна, каб урад быў не толькі падкантрольны прэзідэнту, але і падсправаздачны парламенту. Гэта азначае, што парламент можа выказаць кабінету міністраў вотум недаверу, ці адказаць яму ў даверы. Парламент можа адобрыць, або адхіліць праграму, прапанаваную урадам і інш. Больш таго, у пэўных сітуацыях кабінет міністраў і яго прэм'ер становяцца стрымліваючымі фактарамі ў рамках сістэмы «прэзідэнт — выканаўчая ўлада».

Прэзідэнт жа ў новай сістэме ўлады, па прапанаваных ім зменах у канстытуцыі, застаецца кіраўніком дзяржавы. Улічваючы, што ў яго фактычна адпадаюць многія паўнамоцтвы кіраўніка выканаўчай улады, дакладней было б гаварыць аб змяненні арыентаванасці паўнамоцтваў прэзідэнта менавіта на паўнамоцтвы кіраўніка (па руску «главы») дзяржавы, а не аб істотным пашырэнні яго паўнамоцтваў наогул. Напрыклад, прэзідэнт не атрымлівае неабмежаванага права роспуску парламента. Ён можа рабіць гэта толькі ў выпадках, канстытуцыйна абмежаваных: калі палата прадстаўнікоў двойчы адхіліць кандыдатуру прэм'ер-міністра, калі дэпутаты выказваюць вотум недаверу ўраду ці адмаўляюць ураду ў даверы і, нарэшце, за грубае і сістэматычнае парушэнне канстытуцыі. Аднак апошняе прэзідэнт можа ажыццяўляць толькі паводле заключэння канстытуцыйнага суда. Такая норма не характэрна для сталых дэмакратычных дзяржаў. Тым не менш яна заснавана на выніках мінулагадняга рэферэндуму.

Пытанне, звязанае з выданнем кіраўніком дзяржавы ў адпаведных умовах нарматыўных актаў, роўных па юрыдычнай сіле законам, не новае для дэмакратычных краін. Гэта могуць рабіць нават урады некаторых краін, напрыклад Іспаніі. Аднак такія акты-дэкрэты і інш. будуць дзейнічаць толькі тады, калі парламент не адменіць іх ці не падтвердзіць — у розных краінах пытанне вырашаецца па-рознаму. Для ўмоў Рэспублікі Беларусь абодва гэтыя варыянты могуць быць прыёмальнымі, але галоўнае — каб парламент у такіх выпадках меў рэальныя магчымасці (і юрыдычныя, і фактычныя) гэта зрабіць. Іначай можа ўсталявацца неапраўданы ўхіл у бок гіпертрафіравання паўнамоцтваў кіраўніка дзяржавы.

І вось тут набывае актуальнасць і значнасць пытанне аб магчымасці старшынь палат збіраць іх нечарговыя пасяджэнні. Улічваючы тыя абставіны, што чарговыя пасяджэнні палат склікаюцца прэзідэнтам, менавіта гэтае права старшынь палат забяспечвае прадстаўнічай уладзе магчымасць прыняць рашэнні, адэкватныя сітуацыі, у тым ліку і па ўзаемаадносінах з кіраўніком дзяржавы і іншымі галінамі улады. Апраўданаць жа прыняцця кіраўніком дзяржавы ў абмежаваных канстытуцыйных выпадках нарматыўных актаў, што маюць сілу закона, прадвызначаецца і тым, што парламент працуе строга абмежаваны тэрмін у летнюю і зімовую сесіі: 90 і 80 дзён адпаведна. Падкрэслім: канстытуцыя павінна вызначаць і кола пытанняў, па якіх кіраўнік дзяржавы не зможа выдаваць нарматыўныя

акты, якія маюць сілу закона, нават на абмежаваны тэрмін. Гэта тыя пытанні, якія з'яўляюцца ключавымі для зберажэння канстытуцыйнага ладу, правоў і свабод чалавека.

Важным з'яўляецца ўдакладненне працэдуры ўзаемаадносін паміж прэзідэнтам і парламентам у галіне заканатворчасці, што складае таксама прадмет канстытуцыйнага рэгулявання. Тут многае можа даць тыповая практыка сталых дэмакратычных дзяржаў забеспячэння руху заканапраектаў і іх прыняцця. У прыватнасці, накіраваны прэзідэнтам ці ўрадам праект закона, калі ён будзе названы імі тэрміновым, павінен тэрмінова і разглядацца парламентам, незалежна ад таго, будзе гэты праект прыняты, ці не. Акрамя таго, апраўданай з'яўляецца канстытуцыйная практыка, калі праект закона, накіраваны прэзідэнтам ці ўрадам, галасуецца ў цэлым ці толькі з тымі папраўкамі, на якія даюць згоду названыя суб'екты заканадаўчай ініцыятывы.

Важным момантам з'яўляецца рэалізацыя заканадаўчай ініцыятывы дэпутатаў парламента, звязанай з выдаткамі дзяржаўных сродкаў, калі такія выдаткі, папярэдне не закладзеныя ў зацверджаны парламентам дзяржаўны бюджэт. Значыць, яны не могуць быць зрасходаваны па напрамках, не прадугледжаных бюджэтам. Адсюль вынікае, што і заканапраекты, якія патрабуюць дадатковых расходаў дзяржаўных сродкаў, могуць уносіцца толькі са згоды прэзідэнта ці ўрада. Менавіта апошнія могуць вызначыць і рэальна забяспечыць дадатковыя крыніцы фінансавання затратаў, якія цягне за сабой рэалізацыя ўнесенага заканапраекта.

Збалансаванасць паўнамоцтваў прэзідэнта і парламента мае важнае значэнне і пры разглядзе кадравых прызначэнняў на вышэйшыя службовыя пасады. Мяркуем, што аптымальным тут з'яўляецца варыянт, згодна з якім такія пасады, як старшыні і членаў вярхоўнага суда, генеральнага пракурора, кіраўніка вышэйшай фінансавай кантрольнай службы (камітэта, палаты ці інш.), а таксама некаторых іншых, замяшчаюцца шляхам прызначэння прэзідэнтам, але толькі са згоды адной з палат парламента. І зразумела, што пры такой мадэлі арганізацыі дзяржаўнай улады прызначэнне прэзідэнтам той ці іншай кандыдатуры на пасаду прэм'ер-міністра можа адбыцца толькі са згоды парламента — гэта адна з асноўных гарантый падсправаздачнасці ўрада заканадаўчаму органу. Такі варыянт узаемаадносін улад, на наш погляд, забяспечвае найбольш удалае спалучэнне функцый кіраўніка дзяржавы і парламента, іх узаемадзеянне. Менавіта апошняе павінна папярэднічаць гістарычна апраўданаму прынцыпу падзелу ўлады і зыходзячаму з гэтага палажэнню аб ураўнаважанні, стрымліванні імі адзін другога. Мяркуем, што ў гэтым накірунку можа мець пазітыўнае значэнне канстытуцыйна замацаваная магчымасць дэпутата парламента займаць пасады міністраў і такім чынам забяспечваць узаемадзеянне на верхнім узроўні выканаўчай улады і заканадаўчай. Такое ўзаемадзеянне можа стаць не толькі ўсебаковым, але і трывалым, што прынцыпова важна.

Такім чынам, рэалізацыя ў канстытуцыйным плане выказаных поглядаў зрабіла б дзеючую Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь не толькі больш уважанай у сферы размеркавання функцый і паўнамоцтваў паміж рознымі галінамі ўлады, што само па сабе мае выключна вялікае значэнне. Улік ва ўстаноўленым парадку змяненняў і дапаўненняў да Канстытуцыі 1994 г. можа даць дадатковыя гарантыі далейшай дэмакратызацыі нашага грамадства, паляпшэння прававога становішча грамадзян, і, нарэшце, надасць дзеючаму Асноўнаму Закону належны міжнародны прэстыж.

КАНСТЫТУЦЫЯ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ 3-га МАЯ 1791 г. І БЕЛАРУСЬ

In 1791 the state reforms were introduced as part of the adoption of a constitution. Rzecz Pospolita had been a confederation made up by the Great Principality of Lithuania and Poland. There hadn't been centralized government in Rzeczpospolita and the King and the Sejm hadn't had real power. Under the Constitution of 1791 legislative power was vested in the Sejm and executive power was vested in the Cabinet with the King at the head. From then on the confederation became a single federal state. Two states amalgamated as one. The rights of the common people were expanded creating conditions for further progress within the state.

Юхо Язэп Аляксандравіч, доктар юрыдычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права БДУ, лаўрэат прэміі імя У. І. Пічэты.

Аўтар больш за 150 навуковых прац, у тым ліку: «Крыніцы беларуска-літоўскага права», «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі». Адзін з перакладчыкаў, каментатараў і рэдактараў перавыдання Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г.

Рэвалюцыйныя падзеі, што адбыліся ў Рэчы Паспалітай у апошнім дзесяцігоддзі XVIII ст. аказалі значны ўплыў на гістарычны лёс многіх еўрапейскіх народаў. Пачатак гэтым падзеям быў пакладзены заканадаўчымі актамі так званага Чатырохгадовага сойму, якім была ўхвалена «Устава жондова», атрымаўшая назву Канстытуцыі 3-га мая 1791 г. Гэтая канстытуцыя была выдатным дасягненнем дзяржаўна-прававой думкі таго часу. Яна грунтавалася не на нейкіх утапічных марах, а зыходзіла з рэальных палітычных і эканамічных адносін, ставіла перад народамі Польшчы, Беларусі, Літвы і часткі Украіны, што складалі Рэч Паспалітую, рэальныя заданні пабудовы дэмакратычнай дзяржавы на аснове грамадскага кампрамісу паміж прагрэсіўнай шляхтай і буржуазіяй, з аднаго боку, і феадаламі-прыгоннікамі, з другога. Але ў гэтым кампрамісе была і яе слабасць: радыкальныя дзеячы лічылі яе недастаткова прагрэсіўнай, бо яна захоўвала ўладу памешчыкаў над сялянамі, духоўную дыктатуру вярхоў каталіцкага духавенства над усім народам. Так, у 1793 г. Т. Касцюшка пісаў, што ў першую чаргу неабходна ліквідаваць прыгонную залежнасць сялян, абвясціць свабоду і роўныя правы для ўсіх, ліквідаваць засілле вярхоў каталіцкага духавенства, адмяніць каралеўскую ўладу. Рэакцыйныя колы наадварот лічылі, што Канстытуцыя 3 мая — гэта «рэвалюцыйная змова». У сувязі з гэтым і пры дапамозе расійскага ўрада Кацярыны II яны ў маі 1792 г. абвясцілі акт Таргавіцкай Канфедэрацыі і запрасілі на дапамогу расійскія войскі, каб знішчыць прагрэсіўныя перамены ў Рэчы Паспалітай.

Рэч Паспалітая як канфедэрацыя дзвюх дзяржаў — Польшчы і Вялікага княства Літоўскага — і чатырох народаў (беларускага, літоўскага, польскага і ўкраінскага) склалася пасля Люблінскай уніі 1569 г. Дзяржаўны лад гэтай канфедэрацыі будаваўся не па акту Люблінскай уніі, які прадугледжваў утварэнне унітарнай дзяржавы, а на аснове практыкі саюзных адносін, што мелі месца, пачынаючы з Крэўскай уніі 1385 г., а потым былі замацаваны ў Статуце Вялікага княства Літоўскага 1588 г. і генрыхаўскіх артыкулах. У артыкулах змяшчаліся асноўныя прынцыпы, што вызначалі абмежаванне каралеўскай улады паўнамоцтвамі сойма.

Упершыню яны былі распрацаваны пры абранні на прастол Генрыха Валуа ў 1574 г., але падпісаны пры карананні Стэфана Баторыя 30 мая 1576 г., і потым падпісваліся ўсімі каралямі Рэчы Паспалітай. У іх абвясціліся: свабоднае абранне караля, свабода хрысціянскага веравызнання, абавязак склікаць сойм раз у два гады на шэсць тыдняў; не склікаць пас-

палітае рушэнне (агульнае апалчэнне) без згоды сойма, мець пастаянны савет з 16 сенатараў-рэзідэнтаў. Забаранялася ўстанаўліваць новыя падаткі і пошліны без згоды сойма. Прадугледжвалася, што калі кароль будзе дзейнічаць насуперак праву і сваім абавязкам, то шляхта можа адмовіцца ад падпарадкавання і выступіць супраць яго. Кароль не валодаў ні заканадаўчай, ні выканаўчай, ні судовай уладаю. А для таго каб ён нічога сам не мог рабіць, пры ім пастаянна знаходзіліся не менш як 4 з 16 сенатараў-рэзідэнтаў.

Сойм Рэчы Паспалітай складаўся з пасольскай ізбы і сената, у які ўваходзілі ўсе каталіцкія архіепіскапы і епіскапы, ваяводы, кашталяны і некаторыя службовыя асобы вярхоўных органаў кіравання Польшчы і Вялікага княства Літоўскага (усяго каля 140—150 сенатараў). Пасольская ізба (палата дэпутатаў) складалася з выбраных прадстаўнікоў павятовай шляхты (200—250 чалавек). Па сутнасці, усімі справамі сойма кіравалі вярхі каталіцкага духавенства і некалькі сем'яў буйных землеўласнікаў-магнатаў, якія праз сваіх стаўленікаў кантралявалі выбары дэпутатаў на павятовых соймах і накіроўвалі іх паводзіны на агульных (вальных) соймах.

Канфедэрацыйны характар Рэчы Паспалітай вызначаўся тым, што Статут 1588 г. юрыдычна замацаваў адасобленасць тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага, грамадзянства, заканадаўства, судовага і адміністрацыйнага ладу, арміі, фінансаў. Апрача таго, на агульных соймах кожны дэпутат меў права на любое рашэнне і на ўсю работу сойма накладаць забарону (*liberum veto* — свабоднае вета), што не дазваляла большасці навязваць сваю волю меншасці. Аднак неабмежаванае права «свабоднага вета» вяло да злоўжывання ім і бяссілля сойма. Апрача таго, усе дэпутаты з павеатаў абавязаны былі дакладна прытрымлівацца інструкцый павятовых соймаў, што, у сваю чаргу, забяспечвала адасобленасць і самастойнасць Вялікага Княства Літоўскага. Такім чынам, абмежаванасць улады караля і сойма Рэчы Паспалітай пры адсутнасці адзінага для ўсёй дзяржавы ўрада рабілі сувязі паміж Польшчай і Вялікім княствам Літоўскім вельмі слабымі. А адсутнасць адзінага ўрада давала магчымасць магнатам і вярхам каталіцкага духавенства беспакарана самавольнічаць і здэкавацца над народам, стрымліваць угрунтаванне новых сацыяльна-эканамічных адносін.

У другой палове XVIII ст. у Рэчы Паспалітай разгарнулася вострая палітычная барацьба прыхільнікаў рэформаў дзяржаўнага ладу з рэакцыйнымі коламі каталіцкага духавенства і магнатаў. Асабліва абвастрылася гэтая барацьба, калі на каралеўскі прастол быў абраны ўраджэнец Беларусі, пляменнік канцлера Вялікага княства Літоўскага Міхала Фрыдэрыка Чартарыйскага, Станіслаў Панятоўскі, якому на каранацыі было дадзена яшчэ імя — Аўгуст.

Рыхтуючы рэформы дзяржаўнага ладу, палітычныя дзеячы Рэчы Паспалітай у першую чаргу звярнулі ўвагу на канстытуцыйнае права, замацаванае Статутом 1588 г. Аб гэтым сведчыць выступленне караля Станіслава Аўгуста ў сойме 11 верасня 1776 г., у якім ён адзначыў, што Статут 1588 г. заслугоўвае самага справядлівага паважання, бо ім шчасліва і разумна карыстаюцца да гэтага часу грамадзяне Вялікага княства Літоўскага і многія ваяводства Польшчы жадаюць, каб і для іх ён стаў правам, і пажадаў, «каб у Кароне дайшлі да такога шчасця, якім ганарыцца Літва»¹.

Праз увесь статут праводзіцца ідэя ўмацавання прававога парадку, пры якім усе дзяржаўныя органы і службовыя асобы павінны дзейнічаць толькі ў адпаведнасці з правам. Ідэя прававога парадку была накіравана найперш супраць дэспатызму буйных феодалаў і сярэдневяковай тэакратычнай тэорыі паходжання і сутнасці дзяржавы. Гэтая ідэя праявілася ў многіх артыкулах Статута 1588 г., а таксама была выкладзена Л. Сапегам у прысвячэннях статута Жыгімонту III Вазе і ўсім саслоўям Вялікага

княства Літоўскага. Ён пісаў: «для таго права суть поставлены, абы ж-наму и потужному не всё было вольно чинити, яко Цицero поведил, иж естесмо невольниками прав для того, абысьмы вольности уживати могли» — і далей Л. Сапега працягвае: «вольности своее во всем постерегаем бо не только сосед, а сполный наш обыватель в отчизне, але и сам господар пан наш жадное звирхности над нами заживати не может, одно только, колько ему право допускаеть» (Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Мн., 1989. С. 47).

Абвяшчэнне ідэі прававога парадку сведчыла аб зараджэнні новай дзяржаўнай тэорыі, якая ў поўнай меры адпавядала патрэбам нараджэння буржуазнага грамадства і атрымала ўвасабленне ў Канстытуцыі 3 мая 1791 г. і прынятых у гэтым жа годзе законах. У студзені былі зацверджаны *кардынальныя, нязменныя правы*, якімі гарантаваліся правы і прывілеі каталіцкай царквы, вечная унія паміж Польшчай і Вялікім княствам Літоўскім, абвяшчалася свабода слова і друку. У сакавіку быў прыняты закон аб павятовых соймаках, якім безземельная шляхта пазбаўлялася права ўдзельнічаць у выбарах дэпутатаў сойма, а ў красавіку быў абвешчаны закон аб гарадах. Два апошнія законы былі прызнаны складанай часткай Канстытуцыі 3-га мая.

Канстытуцыя 3-га мая змяшчае прэамбулу і 11 раздзелаў. У прэамбуле ад імя караля Станіслава Аўгуста гаворыцца, што, улічваючы застарэлыя недахопы кіравання ў Рэчы Паспалітай і жадаючы выкарыстаць станавішча, у якім знаходзіцца Еўропа, імкнучыся дасягнуць знешняй незалежнасці і ўнутранай свабоды народа для агульнага дабрабыту і захавання дзяржавы і яе граніц, зацвярджаецца гэтая канстытуцыя.

У першым раздзеле пануючай рэлігіяй у дзяржаве абвяшчалася «святая рымская каталіцкая» рэлігія. Пераход з каталіцкай веры ў іншую забараняўся, для ўсіх іншых рэлігій гарантавалася свабода выканання рэлігійных абрадаў.

Другі раздзел пацвярджаў усе правы і прывілеі шляхты Польшчы і Вялікага княства Літоўскага. У трэцім раздзеле зацвярджаўся закон аб гарадах і аб'яўляўся часткай канстытуцыі.

Чацвёрты раздзел змяшчаў новыя нормы аб сялянах. У ім гаварылася: «Сялян, з пад рук якіх цячэ вялікая крыніца багаццяў краіны, што складаюць у народзе самую шматлікую частку насельніцтва, і, значыць, з'яўляюцца дзейнай сілай краіны, па справядлівасці, з пачуцця чалавечнасці і хрысціянскага абавязку, а таксама ўлічваючы наш уласны, правільна зразумелы інтарэс, мы бярэм пад ахову права і нашага ўрада, устанаўліваючы, што з гэтага часу любыя свабоды, пажалаванні або сапраўдныя дагаворы, заключаныя між землеўладальнікамі і сялянамі іх маёнткаў, незалежна ад таго, ці былі яны зроблены з усёй грамадою або кожным асобным жыхаром вёскі, павінны ўстанаўліваць агульныя і ўзаемныя абавязацельствы ў адпаведнасці з дакладным значэннем умоў і запісанага ва ўказаных пажалаваннях і дагаворах, якія знаходзяцца пад апекай краявога ўрада». У дадзеным раздзеле зроблена спроба, хоць бы на словах, крыху абмежаваць свавольства паноў у адносінах да сялян, бо сама залежнасць іх ад паноў не скасоўвалася.

Пяты раздзел замацоўваў прагрэсіўнае палажэнне аб тым, што «усякая ўлада ў чалавечым грамадстве бярэ свой пачатак з волі народа» і павінна складацца з трох уладаў, г. зн. заканадаўчай, выканаўчай і судовай.

Шосты раздзел вызначаў структуру і паўнамоцтвы дзвюхпалатнага сойма, які зацвярджаўся ў складзе палаты дэпутатаў (паслоў) і палаты сенатараў пад старшынствам караля. Палата дэпутатаў абвяшчалася святыняй заканадаўства, тут павінны былі абмяркоўвацца ўсе заканапраекты. Сенат, які складаўся з каталіцкіх епіскапаў, ваяводаў, каштэлянаў і міністраў пад старшынствам караля мог ухваліць або адкласці да паўторнага пасяджэння сойма закон, прыняты ў палаце дэпутатаў. У выпадку адкладання палаты збіраліся разам і рашэнне прымалася проста

большасцю галасоў. Гэтым раздзелам адмянялася *liberum veto*, уст. наўлівалася, што канстытуцыя падлягае перагляду толькі праз 25 гадоў.

Па-новаму вырашалася і пытанне аб выканаўчай уладзе — урадзе, састаў кампетэнцыя якога вызначаліся ў раздзеле сёмым. Вышэйшым выканаўчы органам — урадам — абвяшчалася Стража правоў. У састаў урада ўваходзіл кароль як старшыня; кіраўнік каталіцкай царквы — прымас як старшыня ка мсіі народнай асветы і яцш міністраў: паліцыі, унутраных і замежных спраў ваенны, фінансаў. Назначаліся два сакратары, з якіх адзін веў справаводств Стражы правоў, другі — замежных справы. Міністраў прызначаў кароль.

Да найбольш важных змяненняў адносілася адмена выбарнасці каралі і ўстанаўленне спадчыннасці трона. Кароль надзяляўся шырокім паўнамоцтвамі. Ён прызнаваўся вярхоўным галоўнакамандуючым узброеных сіл дзяржавы, прызначаў і звальняў генералаў і афіцэраў, службовых асоб органаў дзяржаўнага кіравання, сенатараў, епіскапаў. Аднак усе акты караля засведчаліся подпісам адпаведнага міністра, які і адказваў перад соймам за дадзены акт, паколькі канстытуцыяй асоба караля абвяшчалася «свяшчэннай і ў бяспецы ад усяго. Нічога сам адзін не прымае, ні за што ў адказе перад народамі быць не можа». У выпадку, калі ніводзін з міністраў не згодзіцца падпісаць рашэнне, кароль адступіць ад гэтага рашэння, а калі будзе настойваць, то пытанне пераносіцца на вырашэнне сойма. Для незалежнага функцыянавання выканаўчай улады прадугледжвалася стварэнне пры ўрадзе пастаянных камісій. Камісіі па асвеце, паліцыі, ваенная, фінансаў выбіраліся соймам; раней створаныя ваяводскія камісіі парадку падлягалі ўрадаваму нагляду.

Стварэнне адзінага ўрада для ўсёй Рэчы Паспалітай павінна было змяніць характар дзяржаўнага ладу, ператвараючы канфедэрацыю ў федэрацыю, садзейнічаць цэнтралізацыі дзяржавы, умацаванню аўтарытэту цэнтральных органаў улады і кіравання, абмяжоўваць усемагутнасць і свавольства буйных феадалаў.

Істотныя змяненні ўносіліся ў структуру і характар дзейнасці судовых органаў (раздзел 8). Абвяшчаўся прынцып ажыццяўлення правосуддзя толькі судом. Тым самым павінны былі быць унесены некаторыя змяненні ў Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. Згодна з канстытуцыяй ліквідаваўся суд гаспадара і паноў рады, але захоўваўся галоўны суд Вялікага княства Літоўскага. Суды адносіліся да першай ці другой інстанцыі. Суды першай інстанцыі замест сесійнага разгляду спраў павінны былі стаць пастаяннымі і разглядаць справы на працягу года. Ствараліся рэферэндарскія суды для свабодных сялян, а таксама вышэйшы суд, называемы соймавым. У гэтым судзе павінны былі разглядацца крымінальныя справы па дзяржаўных злачынствах супраць народа і караля. Канстытуцыяй прадпісвалася выдаць новы кодэкс па цывільных і крымінальных справах. Усе суды па-ранейшаму заставаліся саслоўнымі, а залежных сялян працягвалі судзіць іх паны.

У дзевятым раздзеле вызначаўся парадак прызначэння рэгента на выпадак хваробы, палону або непаўналецця караля; дзесяты раздзел вызначаў асаблівасці вучобы дзяцей караля і нагляду за іх выхаваннем.

Апошні, адзінаццаты, раздзел канстытуцыі прысвячаўся ўзброеным сілам, якія павялічваліся ў некалькі разоў і складаліся са шляхецкага апалчэння і рэкрутаў з сялян. Армія падпарадкоўвалася выканаўчай уладзе і павінна была прысягаць на вернасць народу і каралю, на абарону дзяржаўнай канстытуцыі.

Канстытуцыя 3-га мая была прынята ў выніку вострай палітычнай барацьбы. Яна захоўвала феадальна-прыгонніцкі лад і адначасова стварала больш выгадныя ўмовы для развіцця мануфактурнай вытворчасці і гандлю, надзяляла больш шырокімі правамі гарадскіх жыхароў — мяшчан. Канстытуцыя ўнесла карэнныя змяненні ў структуру вышэйшых органаў улады: сойм павінен быў стаць сапраўды заканадаўчым органам, у Рэчы Паспалітай была зроблена спроба ажыццявіць прынцып

парламенцкага спосабу кіравання. Для свайго часу Канстытуцыя 3 мая мела прагрэсіўнае значэнне, але яе палажэнні не былі поўнаасцю ажыццёўлены з-за мецяжу рэакцыйных колаў, якія абвясцілі вясной 1792 г. у мястэчку Таргавіца (Украіна) вайну свайму ўраду і запрасілі на дапамогу замежныя дзяржавы. Царскі ўрад Расіі 18 мая 1792 г. накіраваў у Рэч Паспалітую 100-тысячную армію, што прывяло да хуткай перамогі таргавічан.

Выклікаўшы ваенны разгром Рэчы Паспалітай, таргавічане садзейнічалі і яе другому падзелу, бо ў студзені 1793 г. Прусія дамовілася з Расіяй аб аддзяленні ад Рэчы Паспалітай часткі тэрыторый. Да Расіі адыйшла частка Беларусі з Мінскам, Барысавам, Слуцкам, Пінскам, Мазыром і некаторыя раёны Заходняй Украіны, а да Прусіі — спрадвечна польскія землі з гарадамі Торунем, Гданьскам, Познанню. Сойм Рэчы Паспалітай, які сабраўся 17 чэрвеня 1793 г. у Гародне, прызнаў гэтыя тэрытарыяльныя страты. У ходзе гэтай сесіі сойма было абвешчана аб роспуску таргавіцкай і стварэнні гарадзенскай канфедэрацыі, была адменена Канстытуцыя 3 мая і зацверджана новая канстытуцыя.

Згодна з гарадзенскай канстытуцыяй 1793 г. Вялікае княства Літоўскае захоўвала сваю дзяржаўную самастойнасць, адасобленасць тэрыторыі, сваё права, армію, сваю судовую сістэму. Па гэтай канстытуцыі аднаўлялася Неадменная рада, якая ўтваралася з прадстаўнікоў Польшчы і Вялікага княства на парытэчнай аснове. Але і гэтая канстытуцыя не была ўведзена ў дзеянне, бо ўжо ў весну 1794 г. пачалося паўстанне пад кіраўніцтвам Андрэя Тадэвуша Касцюшкі, і Вялікае княства Літоўскае стала арэнай ваенных дзеянняў.

Падсумоўваючы нашы разважанні аб Канстытуцыі 3-га мая, адзначым наступнае. У польскай і нашай гістарычнай літаратуры апошняга часу пашырылася памылковая думка, што, нібыта, з прыняццем Канстытуцыі 1791 г. была ліквідавана дзяржаўнасць Вялікага княства Літоўскага і Рэч Паспалітая ператварылася ва унітарную дзяржаву. На самой жа справе мелася толькі ў будучым ператварыць канфедэрацыю дзвюх дзяржаў у федэрацыю. Аб гэтым сведчаць наступныя факты: згодна з «узаемнай дамовай абоіх народаў», што адбылася пасля прыняцця канстытуцыі, прадстаўнікам Вялікага княства Літоўскага гарантаваўся ўдзел на парытэтных пачатках ва ўсіх сумесных вышэйшых органах дзяржаўнага кіравання; захоўвалася адасобленая судовая сістэма з Галоўным трыбуналам Вялікага княства Літоўскага; захоўвалася свая прававая сістэма і дзейнасць Статута 1588 г.; заставаліся без усялякіх змен ваяводскія і павятовыя органы ўлады, на пасады ў якія маглі прызначацца толькі мясцовыя шляхцічы. Да гэтага трэба дадаць, што з пачаткам паўстання ў Вялікім княстве Літоўскім 24 красавіка 1794 г. у Вільні была ўтворана *Найвышэйшая Рада Вялікага княства Літоўскага* як вышэйшы орган рэвалюцыйнай улады для ўсяго княства. Усё гэта сведчыць аб тым, што і пасля прыняцця майскай канстытуцыі Вялікае княства Літоўскае захоўвала сваю дзяржаўную адасобленасць у складзе Рэчы Паспалітай, якая знаходзілася ў становішчы пераходу ад канфедэрацыі да федэрацыі.

Канстытуцыя 1791 г. — гэта першая спроба карэннай рэформы дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай, праведзеная зверху, без крыві, без пік і тапароў. Яна засведчыла, што справа незалежнасці дзяржавы неадлучна звязана з сацыяльнымі рэформамі, асабліва з сялянскай рэформай.

Адам Міцкевіч пісаў у 1833 г. пра Канстытуцыю 3-га мая: «...гэты закон не выйшаў з галавы адзінокага мудраца, з вуснаў некалькіх прамоўцаў, але здабыўся цалкам з сэрца вялікай масы; ён існуе не толькі на паперы, але жыве да гэтага часу ў памяці, у памкненнях пакаленняў; ён з'яўляецца законам жывым, карані якога ў мінулым і здольны развівацца ў будучым»².

¹ Вагдасч Я. О dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 67.

² Мицкевич А. // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 2. С. 285.

В. Н. Рябцевич. Нумизматика Беларуси. Мн.: «Полымя», 1995. 687 с.

Выйшла з друку фундаментальная навукова-папулярная праца вядомага даследчыка-нумізмата Валянціна Навумавіча Рабцэвіча «Нумизматика Беларуси». Беларускім аматарам гісторыі (і не толькі) гэтае імя добра вядома ў першую чаргу па кнізе «О чем рассказывают монеты» (два выданні агульным тыражом 225 тыс. экз.).

Новая кніга, прысвечаная гісторыі грашовага абарачэння на тэрыторыі нашай краіны, з'яўляецца энцыклапедычнай працай па аднаму з цікавейшых накірункаў гістарычнай навукі.

Першыя дзве главы («Товар и деньги» і «Монета и клад») у папулярнай форме апавядаюць аб праблемах «агульнай» нумізматыкі: сутнасці грошай, іх паходжанні, манеты і пытаннях тэзаўрацыі скарбаў. Тэкст насычаны надзвычай цікавымі сюжэтамі, якія адразу прыцягваюць увагу чытача, уводзяць яго ў свет складаных эканамічных і фінансавых катэгорый, утрымліваюць зямальныя прыклады з грашовага абарачэння розных краін на працягу многіх стагоддзяў.

Наступныя (III—X) главы, прысвечаныя гісторыі грашовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі, апавядаюць пра канкрэтныя нумізматычныя помнікі з моманту з'яўлення тут першых антычных манет (I—III ст. н. э.) да сучаснасці.

Перад чытачом шматразова паўстаюць маляўнічыя сцэны штодзённага жыцця насельніцтва Беларусі, звязаныя з таварнай, грашовай, крымінальнай і іншымі сферамі. Чытач пераканаецца, што напы продкі неаднойчы пакутвалі ад крызісаў фінансавай сістэмы і інфляцыі, даволі будзённай справай была фальсіфікацыя сродкаў грашовага абарачэння, даведасца аб аферах, якія часта суправаджалі манетную вытворчасць і

грашовае абарачэнне. Пад час знаёмства з кнігай чытач яшчэ раз пераканаецца ў тым, якім дынамічным, цікавым і разам з тым драматычным жыццём насычана гісторыя нашай Айчыны; якія каштоўныя помнікі хавала і працягвае хаваць беларуская зямля, атрымае ўяўленне аб тым, наколькі інфармацыйнымі з'яўляюцца рэлікты грашовага абарачэння і, спадзяюся, адчуоць неабходнасць навуковых і ашчадных адносін да іх.

Асобныя месцы кнігі па сваёй зямальнасці, без сумнення, могуць сапернічаць з дэтэктыўным жанрам. Пры гэтым зямальнасць ніякім чынам не перапакаджае навукова-дакладнаму асветленню самых складаных аспектаў гісторыка-нумізматычнага мінулага Беларусі.

Прыкладна палову аб'ёму кнігі зямляюць даведачна-дапаможныя матэрыялы (восем далаткаў). Гэта падрабязны манетны каталог (пералік і фатаграфіі манет), разнастайныя геральдычныя матэрыялы, спісы манетных двароў, прадукцыя якіх мае адносіны да грашовай гаспадаркі і абарачэння на Беларусі. Гэтыя матэрыялы не толькі выдатна дапаўняюць тэкставую частку працы: кожны з далаткаў мае сваю адмысловую каштоўнасць, бо дае ўяўленне аб малавядомых баках грашовых вытворчасці і абарачэння. На мой погляд, найбольшую цікавасць выклікаюць фатаграфіі манет (пераважна двухбаковыя) агульным лікам каля 1600 экз.; па колькасці і палбору фатаграфій манет рэзэнзуемае выданне з'яўляецца унікальным, частка выяў манет упершыню друкуецца на Беларусі.

Разам з тым нельга абыйсці і недахопы працы. Так, аўтар часам надта захапляецца цытаваннем аўтэнтычных тэкстаў, якія, на наш погляд, можна было б пераказаць, што аблегчыла б іх успрыманне чытачамі.

Сустрэкаюцца і пэўныя супярэчнасці. Напрыклад, на с. 181 адзначаецца:

«Со второй половины XIV в. экономическое (а следовательно, и финансовое) положение Великого княжества Литовского... стало заметно ухудшаться», у той жа час на с. 182 аўтар сцвярджае, што пры Жыгімонце III Вазе (1587—1632): «Финансы Речи Посполитой достигли невиданного (как в предыдущей, так и в последующей ее истории) расцвета».

Недарэчным з'яўляецца сцвярджанне, што ў 1918 г. Вільня ўваходзіла ў склад Польшчы (с. 7). Узгадваецца Мар'янагорскі раён замест Пухавіцкага (с. 149). Падзеі ў кнізе датуюцца як па юліянскаму, так і па грыгарыянскаму стылям, але гэты момант аўтарам не агавораны. На с. 283 узгадваецца прозвішча «Пжелацкі», правільна будзе — Пржэшлаўскі...

Рэдактарскія памылкі таксама не ўпрыгожваюць кнігу, але, канешне, не могуць паўплываць на яе навуковыя якасці. Прывабляе мастацкае афармленне кнігі, прафесійна выкананае мастаком П. П. Казеём.

Можна меркаваць, што кніга выкліча жывы інтарэс студэнтаў і выкладчыкаў гуманітарных факультэтаў ВНУ, настаўнікаў і вучняў старэйшых класаў сярэдніх навучальных устаноў, навукоўцаў, супрацоўнікаў музеяў, краязнаўцаў, калекцыянераў манет і, увогуле, аматараў гісторыі не толькі ў нас, але і за межамі Беларусі.

В. С. Касмылёў.

Экологическая мысль восточных славян. Антология. Мн.: Издательское ООО «Красико-Принт», 1995. 800 с.

На пороге нового тысячелетия определяющей доминантой философского осмысления действительности становятся императивы гуманистически ориентированного сознания и социального действия. Все явственнее усиливается процесс экологизации самого гуманизма. Человечеству приходится ныне вести не просто поиск оптимальных средств продвижения по пути социального прогресса, но со всей серьезностью прежде всего заботиться о базовых истоках собственного бытия. Одна из ведущих тенденций мирового развития проявляется в нарастании интеграционных процессов, охватывающих практически все сферы жизни. Вступление социальной эволюции в новую, постиндустриальную, фазу предполагает осознание планетарного воздействия человека на природную среду и осмысление великой ответственности за сохранение природы, за выживание самого человечества, ответственности, которая легла на плечи ныне живущих поколений. Экологическая опасность стала, пожалуй, главной угрозой самому существованию человека как биологического вида. Задачу ее преодо-

ления нельзя считать технико-технологической проблемой. Ее разрешение нужно связывать не только с развитием материало- и энергосберегающих технологий и экологически чистых производств. Экология имеет еще и ярко выраженную социально-культурную размеренность, включая в себя исторически сложившиеся представления о социально-природном взаимодействии, зафиксированные в культуре и практике различных народов.

Актуальность рецензируемого труда, выполненного коллективом НИЛ социально-экологических исследований при кафедре философии и методологии науки Белгосуниверситета под руководством профессора А. И. Зеленкова, трудно переоценить. Обращение авторов-составителей к экологической мысли восточных славян более чем своевременно. Составители совершенно справедливо рассматривают культуры восточных славян как специфическую целостность, как особое пространство встречи Запада и Востока.

В антологии собран большой материал. По сути, данный труд представляет собой широкую панораму развития экологических представлений белорусского, русского и украинского народов в течение многих веков.

Тщательно продуман порядок компоновки материала. В антологии синтезированы принцип исторической эволюции социально-экологических представлений, характерных для архаической эпохи, классической периода и современности, с одной стороны, и принцип предметно-содержательной дифференциации каждого из исследуемых национальных типов экокультуры на научную, художественную, мифологическую, философскую, религиозно-нравственную формы их воплощения — с другой.

Открывает книгу содержательное введение «Методологические основания исследования структуры и динамики экологического сознания восточных славян» (А. И. Зеленков, М. А. Можейко).

Материал антологии распределен по пяти разделам: «Единство человека и природы как исконная ценность восточнославянских культур» (составители: В. В. Анохина, Е. В. Хомич); «Идеал экосоциальной гармонии в белорусской культуре классического периода» (А. П. Ждановский, А. О. Пешков, М. А. Можейко); «Специфика и приоритеты украинского экосознания» (В. С. Крисаченко, М. А. Можейко); «Экологические ценности и ориентация в классической русской культуре» (Е. В. Хомич, М. А. Можейко, А. О. Пешков); «Судьбы экосознания в советской культуре» (В. Н. Фурс, М. А. Можейко).

Антологию отличает особая тщательность в подборе текстов. Можно

утверждать, что это не просто сборник памятников, отобранных по определенному критерию. Это серьезный научный труд, в котором разработана концепция развития экокультуры восточных славян. Экологические ценности этих народов представлены в виде сложноорганизованной, динамично развивающейся системы.

Каждой главе предпослана аналитическая статья, раскрывающая специфику экологической культуры того или иного периода и ее национальное своеобразие. Практически все, включенные в антологию памятники, сопровождаются научными комментариями. Памятники публикуются на языке оригинала. Латинские тексты средневековой культуры, а также польско- и англоязычные произведения белорусской и украинской диаспоры переведены на современные восточнославянские языки. Ряд памятников переведен впервые.

Книга производит впечатление научной солидностью, основательностью комментариев. Тем более досадны допущенные в ней отдельные погрешности. Так, на с. 235 неверно указаны годы жизни Альберта Павловича, а на с. 711, 785 неточно воспроизведено его имя.

Следует подчеркнуть, что рецензируемая работа представляет собой лишь

первую часть большого труда, запланированного авторским коллективом. Речь идет о создании многотомной серии «Экологическая мысль народов мира» (главный редактор — проф. А. И. Зеленков). Актуализация же в современном сознании архетипов национальных экофильных традиций, что справедливо замечено составителями, может рассматриваться как один из весьма серьезных факторов формирования современной экологической культуры. Только соблюдение ее ценностных императивов позволит человечеству уверенно обратиться к будущему устами поэта М. Волошина:

«Далекие потомки наши, знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью,
И человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти, —
То в этом мире есть и наша доля!»

Вводя в научный оборот новый историко-культурный материал, антология решает не только исследовательские задачи. Она выполняет и определенную просветительскую функцию и поэтому представляет интерес для самой широкой читательской аудитории.

Ю. А. Харин.

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта», серыя 3 (гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права) у 1996 г.

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

Зеленков А. И. Социокультурный статус традиций и их роль в динамике науки 2 3

ГІСТОРЫЯ

- Абэцэдарская А. Л.* Дзейнасць таварыства аматараў прыгожых мастацтваў у Мінску (1898—1906 гг.) 1 21
- Багдановіч А. Б.* Да пытання аб ужыванні назвы «Русь» на тэрыторыі Беларусі ў XIV—XVI стст. 1 3
- Беляев М. П., Сушкевич Л. П.* Из предыстории Вестфальского мирного конгресса (французская и имперская дипломатия в поисках мира) 1 41
- Бенчева К.* Балканский кризис 90-х годов и международное сообщество 1 52
- Блашков Ю. А.* Финансовые мотивы в возникновении военных поселений в России 1 34
- Бригадин П. Н., Кохановский А. Г.* Социальная структура белорусского общества на рубеже XIX—XX вв. 3 34
- Грибко И. Л.* Из истории городского общественного управления на территории Беларуси (конец XIX — начало XX в.) 1 17
- Загоруйский Э. М.* Проблема этнической атрибуции памятников второй половины I тысячелетия н. э. на территории Беларуси 3 24
- Жарко С. Б.* К истории установления дипломатических отношений между Россией и США 1 44
- Каменская И. В.* Первые воскресные школы в России (начало 60-х годов XX в.) 1 37
- Касмылёў В. С.* Падзеі і асобы беларускай гісторыі ў медальнерным мастацтве 1 9
- Кошелев В. С.* Мир ислама и христианство: исторический диалог-противостояние. 3 15
- Лазарева Д. И.* Ранние этапы истории Жировичского монастыря по письменным источникам 1 6
- Ленцевич О. М.* Общественный статус женщины в ранней христианской общине 1 31
- Литвиновский И. А.* Стратегия Белорусской ГРЭС (Осинстрой) 2 9
- Лойка П. А.* Гістарыяграфія аграрнай гісторыі Беларусі XV — першай паловы XIX ст. 3 30
- Мязга М. М.* Савецка-польскія перамовы аб заключэнні дагавору аб ненападзе ў 1924—1926 гг. 1 47
- Оржешковский И. В.* Церковь и государство в современной Беларуси 3 10
- Сосна У. А.* Эвалюцыя дзяржаўных сялян на Беларусі ў другой трэці XIX ст. 1 13
- Митрополит Филарет (Вахрамеев К. В.)* Библейское слово о строе жизни 3 5
- Фядосік В. А.* Хрысціянства ў Рымскай імперыі II ст. паводле эпістальнай спадчыны Ігнацыя Антыяхійскага 3 20
- Харичкова Л. В.* Религиозный вопрос в Римской империи в период междоусобной борьбы за власть (306—324 гг.) 1 27
- Щавлинский Н. Б.* Белорусские организации в 1917—1918 гг. в Одессе 1 24

ФІЛАСОФІЯ

- Дороженский А. В.* Цивилизационное развитие как объект философско-методологического анализа 1 54
- Зеленков А. И.* Философия и наука: метаморфозы диалога 3 45
- Новиков В. Т., Яскевич Я. С.* Социально-гуманитарное знание: специфика, исследовательские программы и тенденции развития 3 50
- Стёпин В. С.* Будущее цивилизации: поиск новых ценностей и стратегий деятельности 3 38
- Свидунович И. Н.* Идеиное наследие Германа Гессе как объект философско-методологической рефлексии 2 13

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

- Белобродский Д. Г.* Основные особенности тоталитаризма 1 58
- Решетников С. В., Яскевич Я. С., Новиков В. Т.* Политический процесс в современной Беларуси: субъекты, особенности, тенденции 2 18
- Решетников С. В., Ровдо В. В.* Децентрализация и локальная демократия: Республика Беларусь в европейском контексте 3 56

ЭКАНОМІКА

- Боровская Е. А.* Проблемы комплексного подхода к оценке деятельности предприятий в условиях перехода к рыночной системе 2 32
- Давыденко Л. Н.* Концепции государственного регулирования 2 29